

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОСОФИЯ ПСИХОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

PHILOSOPHY and PSYCHOLOGY

Издается с 2007 г.
(до 2017 г. – под названием
«Философия и социальные науки»)

Выходит три раза в год

2

2022

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор **РУБАНОВ А. В.** – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: sociology@bsu.by

**Заместители
главного
редактора** **ЛЕГЧИЛИН А. А.** – кандидат философских наук, доцент; профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: liahchylin@bsu.by

ФУРМАНОВ И. А. – доктор психологических наук, профессор; заведующий кафедрой социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: fourmigor@gmail.com

**Ответственный
секретарь** **ДОБРОРОДНИЙ Д. Г.** – кандидат философских наук, доцент; директор Института социально-гуманитарного образования Белорусского государственного экономического университета, Минск, Беларусь.
E-mail: danila_dobr@mail.ru

- Агилера М.** Малагский университет, Малага, Испания.
Андрющенко В. П. Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова, Киев, Украина.
Бабосов Е. М. Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Безнюк Д. К. Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Водопьянов П. А. Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь.
Вольферт П. Билефельдский университет прикладных наук, Билефельд, Германия.
Гигин В. Ф. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Данилов А. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Журавлев А. Л. Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Зеленков А. И. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Иванич П. Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
Карамушка Л. Н. Институт психологии им. Г. С. Костюка Национальной академии педагогических наук Украины, Киев, Украина.
Кирвель Ч. С. Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
Козловский В. В. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
Королева И. Институт философии и социологии Латвийского университета, Рига, Латвия.
Купченко В. Е. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия.
Лазаревич А. А. Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Лаптёнок А. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Мазилов В. А. Ярославский государственный педагогический университет, Ярославль, Россия.
Порус В. Н. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
Ротман Д. Г. Центр социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
Румянцева Т. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Сайганова В. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Слепович Е. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Стелинговска Б. Естественно-гуманитарный университет, Седльце, Польша.
Терещенко О. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Титаренко Л. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Тощенко Ж. Т. Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Шатравский С. И. Институт теологии им. святых Мефодия и Кирилла Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
Якубовска В. Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
Янчук В. А. Независимый исследователь, Минск, Беларусь.
Яскевич Я. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief **RUBANAU A. V.**, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: sociology@bsu.by

Deputy editors-in-chief **LIAHCYLIN A. A.**, PhD (philosophy), docent; professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: liahchylin@bsu.by

FOURMANOV I. A., doctor of science (psychology), full professor; head of the department of social and organisational psychology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.

E-mail: fourmigor@gmail.com

Executive secretary **DABRARODNI D. G.**, PhD (philosophy), docent; director of the Institute of Social and Humanities Education of the Belarus State Economic University, Minsk, Belarus.
E-mail: danila_dobr@mail.ru

- Aguilera M.** University of Malaga, Malaga, Spain.
- Andryushchenko V. P.** National Pedagogical M. P. Dragomanov University, Kyiv, Ukraine.
- Babosov Y. M.** Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
- Beznyuk D. K.** Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
- Danilov A. N.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Hihin V. F.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Ivanic P.** Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
- Jakubovská V.** Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
- Karamushka L. M.** N. S. Kostyuk Institute of Psychology of the National Academy of Educational Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
- Kirvel C. S.** Yanka Kupala State University of Grodno, Hrodna, Belarus.
- Koroleva I.** Institute of Philosophy and Sociology of the University of Latvia, Riga, Latvia.
- Kozlovski V. V.** Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia.
- Kupchenko V. E.** Omsk F. M. Dostoevsky State University, Omsk, Russia.
- Laptenok A. S.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Lazarevich A. A.** Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
- Mazilov V. A.** Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russia.
- Porus V. N.** National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia.
- Rotman D. H.** Centre of Sociological and Political Studies of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Rumyantseva T. G.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Sayganova V. S.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Shatrauski S. I.** Institute of Theology named after Sts. Methodius and Cyrill of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Slepovich E. S.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Stelingswka B.** Siedlce University of Natural Sciences and Humanities, Siedlce, Poland.
- Tereschenko O. V.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Titarenko L. G.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Toshchenko Zh. T.** Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
- Vodopyanov P. A.** Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus.
- Wolfert P.** University of Applied Sciences, Bielefeld, Germany.
- Yanchuk V. A.** Independent researcher, Minsk, Belarus.
- Yaskevich Y. S.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Zhuravlev A. L.** Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
- Zelenkov A. I.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.

История философии

HISTORY OF PHILOSOPHY

УДК 1(091)

ФИЛОСОФЫ БГУ И ФИЛОСОФЫ РОССИИ: ГРАНИ СОТРУДНИЧЕСТВА (К 100-ЛЕТИЮ БГУ)

А. Ю. ДУДЧИК^{1), 2)}, А. А. ЛЕГЧИЛИН¹⁾, В. С. САЙГАНОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾Институт философии НАН Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Представлен обзор взаимодействия философов из БГУ и российских философов на протяжении столетия существования университета в различные периоды советского времени и на современном этапе. Опыт БГУ интересен как пример нового университета, который был создан уже в советский период и являлся ведущим университетом БССР. Начиная с первых лет формирования и далее (в рамках общей периодизации) прослеживается становление профессиональных философов БГУ в контексте их взаимоотношений с российскими учеными. Основное внимание уделено конкретным персоналиям философского сообщества БГУ – докторам наук, на протяжении всего столетия активно взаимодействовавшим с ведущими российскими учеными. Продемонстрировано разнообразие форм и видов сотрудничества между философами двух стран (образование и научное руководство, дискуссии и оппонирование на защитах диссертаций, совместные исследования, публикации и т. п.). На конкретных примерах раскрывается специфика мобильности философских кадров в советское время. Показано, что взаимодействие между философами

Образец цитирования:

Дудчик АЮ, Легчилин АА, Сайганова ВС. Философы БГУ и философы России: грани сотрудничества (к 100-летию БГУ). *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2022;2:4–12.

For citation:

Dudchik AYU, Liahchylin AA, Saiganova VS. Philosophers of Belarusian State University and philosophers of Russia: forms of cooperation (to the 100th anniversary of the Belarusian State University). *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2022;2:4–12. Russian.

Авторы:

Андрей Юрьевич Дудчик – кандидат философских наук; доцент кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук¹⁾; заместитель директора по научной работе²⁾.

Анатолий Александрович Легчилин – кандидат философских наук, доцент; профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук.

Вероника Святославовна Сайганова – кандидат философских наук, доцент; декан факультета философии и социальных наук.

Authors:

Andrey Yu. Dudchik, PhD (philosophy); associate professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences^a, and deputy director for research^b. dudchik@philosophy.by

<https://orcid.org/0000-0002-6810-5103>

Anatoly A. Liahchylin, PhD (philosophy), docent; professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.

liahchylin@bsu.by

<https://orcid.org/0000-0002-7644-9985>

Veronika S. Saiganova, PhD (philosophy), docent; dean of the faculty of philosophy and social sciences.

veros23@yandex.ru

двух стран охватывало большинство областей современного философского знания, включая традиционно популярные среди белорусских исследователей 2-й половины XX в. философию и методологию научного познания и исследования в области истории философии, логики, а позднее социальной философии, социологии и философии культуры. Помимо новаторских философских исследований, следует отметить сотрудничество в сфере становления фундаментального философского образования и разработки общеобразовательных курсов. Отдельного внимания заслуживает институциональный контур взаимодействия философов двух стран, проявляющих себя в совместных исследованиях, научных мероприятиях и учебных публикациях.

Ключевые слова: Беларусь; БССР; БГУ; белорусская философия; советская философия; российская философия.

PHILOSOPHERS OF BELARUSIAN STATE UNIVERSITY AND PHILOSOPHERS OF RUSSIA: FORMS OF COOPERATION (TO THE 100th ANNIVERSARY OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY)

A. Yu. DUDCHIK^{a, b}, A. A. LIAHCHYLIN^a, V. S. SAIGANOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

^bInstitute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

Corresponding author: A. Yu. Dudchik (dudchik@philosophy.by)

The article provides an overview of the interaction between philosophers of Belarusian State University and philosophers of Russian organisations during the 100th anniversary of the university's existence in various periods of Soviet times and at the present stage. The experience of Belarusian State University is as an interesting example of a new university, created in Soviet times already and being the leading university of the BSSR. Starting from the first years of formation and further (within the framework of general periodisation), the formation of professional philosophers of Belarusian State University can be traced in the context of their relationship with Russian researchers. The main attention is paid to specific personalities of the philosophical community of Belarusian State University – doctors of philosophy mainly, who have actively interacted with leading Russian philosophers throughout the century. The variety of forms and types of interaction between the philosophers of the two countries (education and scientific supervision, discussions and defense of PhD dissertations, joint research and publications, etc.) is demonstrated, the specificity of the mobility of philosophers in Soviet times is revealed with examples from history. It is shown that the interaction between the philosophers of the two countries covered most areas of modern philosophical knowledge, including both philosophy and methodology of scientific knowledge, traditionally popular among Belarusian researchers, and research in the field of the history of philosophy, logic, later – social philosophy, sociology and philosophy of culture. In addition to innovative philosophical research, cooperation in the development of fundamental philosophical education and the development of general education courses in philosophy is also important. The institutional aspects of interaction between the philosophers of the two countries deserves special attention, which manifests itself in joint research, scientific and educational publications, and joint events.

Keywords: Belarus; BSSR; Belarusian State University; Belarusian philosophy; Soviet philosophy; Russian philosophy.

Введение

Традиционно историки философии занимаются изучением творчества тех или иных мыслителей, а также определенных интеллектуальных направлений, философских идей и проблем. Вместе с тем в последнее время возрастает интерес к институциональным аспектам философской деятельности (например, внимания заслуживает обзорная статья В. А. Куренного об институциональном изучении философского знания [1]). Настоящее исследование посвящено философским наукам в БГУ, 100-летие которого отмечалось в 2021 г., в частности взаимодействию между философами БГУ и философами России, многообразному и многостороннему процессу обмена и взаимовлияния, который ранее ав-

торами данной статьи определен как «трансфер философских идей» [2, с. 88].

БГУ, в отличие от ряда известных российских и украинских университетов, так или иначе опирающихся на опыт дореволюционного существования [3; 4], является примером нового университета, созданного в советский период в соответствии с целями и приоритетами новой власти. На протяжении истории БГУ активное участие в его деятельности принимали ученые из разных советских республик, прежде всего из университетов РСФСР, Института философии Академии наук СССР (АН СССР), других научных центров. Учитывая, что при создании БГУ должны были соединиться не

только педагогическая и научно-исследовательская парадигмы, но и интеллектуальная и национальная составляющие Беларуси, он нуждался в профессио-

налах, особенно в сфере общественных наук, которые являлись основой новой государственной идеологии.

Начало философского образования в БГУ (1920–1930)

В 1921 г. в образованном БГУ, как и в других университетах СССР, создана кафедра диалектического и исторического материализма, которая нуждалась в специалистах: «20 апреля 1921 года. Временное правление Белорусского государственного университета доводит до сведения всех учреждений, научных и преподавательских лиц и граждан, что с 16 марта оно открыло свои действия временно в Москве... В Минске в ближайшее время открывается университет в составе факультетов: рабочего, общественных наук, медицинского, сельскохозяйственного, физико-математического. Все желающие занять одну из кафедр вышеназванных факультетов приглашаются подавать Временному правлению университета заявления с *curriculum vitae* и списком научных трудов»¹. В первые годы становления БГУ были приглашены ведущие ученые из университетов Москвы, Петербурга, других научных центров. Среди них – известный ученый В. Н. Ивановский, который окончил Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (далее – МГУ) и работал в нем, а также в Казанском государственном университете имени В. И. Ульянова-Ленина и Самарском государственном университете. В 1921–1927 гг. он стал профессором, а в 1922 г. – заместителем ректора по академической работе БГУ. В Минске издано одно из

главных его произведений под названием «Методологическое введение в науку и философию» [5–9].

Были не менее известны в БГУ в первые годы его становления и философы – уроженцы Беларуси. Их судьба и творчество также связаны с Россией. С. Я. Вольфсон – автор первого в СССР учебника для учреждений высшего образования «Диалектический материализм». Он учился в университетах Гейдельберга, Петрограда, Москвы, а в 1919 г. окончил Киевский университет св. Владимира. С. З. Каценбоген являлся заместителем ректора БГУ по административно-хозяйственным делам, одним из основоположников научной социологии в СССР. Он учился в Петрограде, работал в должности ректора в Саратовском национальном исследовательском государственном университете имени Н. Г. Чернышевского, Ленинградском государственном педагогическом институте имени А. И. Герцена, Свердловском государственном педагогическом институте, организовал и возглавил кафедру философии в Уральском государственном университете имени А. М. Горького. Б. Э. Быховский являлся выпускником БГУ, а с 1929 г. стал профессором этого университета. Он работал на кафедре философии в учреждениях высшего образования Ташкента, Москвы, в Институте философии АН СССР, был редактором и автором трехтомного труда «История философии» (1940–1943).

Профессиональное философское образование в БГУ (1940–1960)

В первые послевоенные годы творческие взаимосвязи белорусских и российских философов в едином пространстве СССР проявились еще больше, поскольку философскую науку нужно было возрождать. На профессиональной основе этому способствовало прежде всего открытие на историческом факультете БГУ в 1947 г. отделения философии, где готовили преподавателей логики и психологии. В этом же году в БГУ была восстановлена кафедра диалектического и исторического материализма. Содействовал развитию философии в университете и приезд в Беларусь специалистов из Москвы, Ленинграда, ряда других регионов СССР: члена-корреспондента АН СССР М. Т. Иовчука (уроженца Беларуси), В. И. Степанова, И. Г. Родина. Нельзя не учитывать влияние на развитие философии в БГУ и республике философской дискуссии, проходившей в Москве с 16 по 25 июня 1947 г. Все это сыграло важную роль в становлении философии как науки и подготовке про-

фессиональных философов в Беларуси в указанный период.

В формировании философии 1950-х гг. в БГУ значима роль первых докторов наук, заложивших основу дальнейших исследований, участников Великой Отечественной войны. И. Н. Лущицкий в 1952 г. в Москве (в Институте философии АН СССР) защитил докторскую диссертацию «Передовая общественно-политическая и философская мысль в Белоруссии второй половины XIX в.». Это первая докторская диссертация, подготовленная в Беларуси после Великой Отечественной войны [10; 11]. С его именем связано возникновение научной школы исследования истории национальной философии, которая в СССР именовалась как «Философия народов СССР». В. И. Степанов в 1960 г. в Москве защитил докторскую диссертацию «Философские и социологические воззрения В. Г. Белинского». Длительное время, начиная с 1947 г., он возглавлял кафедру диалек-

¹Центр. арх. Окт. революции Белорус. ССР. Ф. 205. Оп. 1. Д. 66. Л. 21.

тического и исторического материализма БГУ [12]. Под руководством и при непосредственном участии И. Н. Лущицкого и В. И. Степанова была подготовлена и опубликована в Москве коллективная монография белорусских философов «О “Философских тетрадах” В. И. Ленина» [13].

В этот же период защищали докторские диссертации и другие преподаватели. В качестве оппонентов выступали ведущие ученые из научных центров

РСФСР. В 1961 г. ими стали П. Ф. Протасеня, Е. К. Азаренко (научный руководитель кандидатской диссертации будущего директора Института философии Российской академии наук (РАН) В. С. Стёпина), в 1967 г. – Г. А. Левин, в 1968 г. – Г. П. Давидюк.

В 1966 г. на историческом факультете БГУ было открыто отделение философии, которое заложило фундамент профессиональной подготовки философских кадров в республике.

Фундаментальные философские исследования в БГУ (1970–1980)

В 1970-х гг. в БГУ началась профессиональная подготовка докторов наук по различным направлениям философского знания. В этом процессе важна роль российских философов. Стоит привести несколько примеров сотрудничества в данной области с учетом того, что научными оппонентами при защите диссертаций выступали знаменитые ученые из России. Так, при защите докторской диссертации А. С. Клевчени «Вопросы истории марксистско-ленинской философии в Польше эпохи империализма» (1970) в Совете БГУ в качестве официальных оппонентов выступили заведующий кафедрой истории философии народов СССР МГУ И. Я. Щипанов и профессор кафедры истории зарубежной философии МГУ И. С. Нарский. Докторскую диссертацию И. И. Антоновича «Критика современной буржуазной “философии человека”» (1971) оппонировал член-корреспондент АН СССР Т. И. Ойзерман. Оппонентом докторской диссертации Н. И. Жукова «Философский анализ проблемы информации» (1973) стал профессор философского факультета МГУ Д. И. Дубровский. При защите докторской диссертации В. С. Стёпина «Проблема структуры и генезиса физической теории. Содержательные аспекты строения и эволюции теоретических знаний» (1975) оппонентами были профессор философии Московского физико-технического института Э. М. Чудинов и профессор кафедры истории зарубежной философии МГУ А. Ф. Зотов. В 1971 г. в Академии общественных наук Е. М. Бабосов (заместитель заведующего отделом Центрального комитета Коммунистической партии БССР) защитил докторскую диссертацию «Модернизация философско-теологической доктрины католицизма под воздействием научно-технической революции».

Наиболее плодотворным в этом направлении оказался период 1980-х гг. За десятилетие появилось новое поколение белорусских философов с высокой профессиональной репутацией. Именно российские философы способствовали данному процессу. Стоит назвать имена известных философов БГУ, защитивших в это время докторские диссертации в Совете БГУ, где в качестве оппонентов выступили ведущие российские философы, а также оппонирующие организации. Официальными оппонентами доцента кафедры истории философии и логики

БГУ В.Ф. Беркова при защите докторской диссертации «Логико-методологический анализ научной проблемы» (1980) стали профессор кафедры логики МГУ Д. П. Горский и профессор кафедры истории зарубежной философии МГУ И. С. Нарский. Доцента кафедры философии БГУ А. А. Михайлова с его докторской диссертацией «Критика современной философской герменевтики» (1985) оппонировали профессор кафедры истории зарубежной философии МГУ А. Ф. Зотов и заведующая кафедрой философии Ленинградского горного института М. С. Козлова, а также Институт философии АН СССР. Профессор кафедры истории зарубежной философии МГУ А. Ф. Зотов и Институт философии АН СССР стали оппонентами докторской диссертации доцента кафедры философии БГУ А. Н. Елсукова «Методологические проблемы формирования научного факта» (1985). Оппонентами докторской диссертации доцента кафедры философии БГУ А. И. Зеленкова «Философско-методологический анализ проблемы преемственности в научном познании» (1986) были заведующий кафедрой философии Московского государственного института электронного машиностроения П. И. Дышлевый и заведующий кафедрой философии Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина Л. А. Микешина. Заведующий сектором материалистической диалектики Института философии АН СССР В. С. Тютин и профессор философского факультета МГУ Д. И. Дубровский стали оппонентами докторской диссертации доцента кафедры философии БГУ Е. В. Петушковой «Роль концепций детерминизма и отражения в категориальном строе современной науки» (1986). Оппонентами докторской диссертации доцента кафедры философии БГУ Л. А. Гуцаленко «Философско-методологические проблемы становления универсального человека» (1988) были заведующий кафедрой философии и культурологии Института повышения квалификации при Ростовском государственном университете В. Е. Давидович и Московский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина. Защита докторской диссертации доцента кафедры философии БГУ Ю. А. Гусева «Критика мифа о свободе художественного творчества в капиталистическом обществе (анализ гносеологических и классовых

корней)» (1982) состоялась на философском факультете МГУ, а оппонентами стали профессор МГУ Д. Ф. Козлов, профессор Академии общественных наук С. М. Ковалев, доктор философских наук Института философии АН СССР Н. И. Киященко.

В 1980-х гг. в Минске (на базе БГУ) сформировалась минская методологическая школа, занимавшаяся проблемами философии науки. Она связана с именем В. С. Стёпина (1934–2018), который, возглавив кафедру философии БГУ (1981–1987), активно содействовал ее развитию. За период руководства кафедрой В. С. Стёпиным подготовлено 5 докторов наук и около 20 кандидатов наук [14]. Его идеи развивались в активном диалоге с другими советскими философами, в том числе из России. В интервью В. С. Стёпин вспоминал: «Всеми этими поисками я занимался в первой половине 1967 года. Я в это время находился на стажировке в Москве, в МГУ. Часто встречался и спорил с Г. П. Щедровицким, познакомился с В. А. Смирновым и В. А. Лекторским, Л. Б. Баженовым, которые с одобрением отнеслись к моим результатам» [15, с. 28]. Он также отмечал: «В начале 70-х годов вышли две мои публикации в коллективных монографиях Института философии АН СССР – “Философия. Методология. Наука” (отв. ред. В. А. Лекторский), 1972, и “Практика и познание” (отв. ред. Д. П. Горский), 1973. Само участие в таких книгах, рядом с известными московскими философами и естествоиспытателями уже было для

меня престижным. Тем более что в рецензии на книгу “Философия. Методология. Наука”, опубликованной после выхода книги в “Вопросах философии”, рецензент уделил особое внимание написанному мной разделу “К проблеме структуры и генезиса научной теории”, проанализировал его, дал в целом высокую оценку и указал на возможные перспективы дальнейшего развития концепции. А рецензентом был Э. Г. Юдин, идеи которого оказали влияние на выбор направления моих исследований» [15, с. 30].

Ярким событием, завершающим развитие белорусской философско-методологической школы, стало проведение X Всесоюзной конференции по логике, методологии и философии науки, которая прошла в БГУ с 24 по 26 сентября 1990 г. Она была организована совместно с Институтом философии АН СССР. По результатам конференции изданы материалы в 5 книгах по 13 секциям и круглым столам (опубликованы 363 доклада участников из разных стран СССР). На ней собрались ученые из Москвы, Ленинграда и многих других научных центров СССР [16; 17]. В свою очередь, став директором Института философии РАН, В. С. Стёпин продолжал поддерживать активные контакты с белорусским философским сообществом. Будучи почетным профессором БГУ, он регулярно посещал университет, участвуя в конференциях, выступая с лекциями и презентациями своих новых работ [18–20].

Современная философия в БГУ (1990–2021)

В 1990-х гг., после распада СССР, произошли изменения во взаимоотношениях образованных государств, в том числе в области философии. Пришлось трансформировать систему подготовки профессиональных кадров в Беларуси. Но и в эти непростые времена белорусские ученые ощущали поддержку философов из России, хотя взаимоотношения носили статус официальных межгосударственных. После образования Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь (1992) по аналогии с российской практикой были классифицированы философские специальности [21], созданы советы по защите, началась работа по подготовке диссертаций.

Но по-прежнему в начале 1990-х гг. для оппонирования приглашались ведущие специалисты из России. В подтверждение приводятся примеры защиты докторских диссертаций в совете по философским наукам при БГУ. На защите докторской диссертации П. С. Карако «Революция в современной биологии и ее социальные аспекты (философско-методологический анализ)» (1990) в качестве официальных оппонентов выступили доктор философских наук Санкт-Петербургского государственного университета А. С. Мамзин и доктор философских наук Института философии РАН С. А. Пастушный. Оппо-

нентами докторской диссертации Т. Г. Румянцевой «Философский анализ методологических и концептуальных оснований концепций человеческой агрессивности» (1991) были профессор кафедры истории зарубежной философии МГУ А. Ф. Зотов и Институт философии РАН. Оппонирующей организацией докторской диссертации Я. С. Яскевич «Структура и динамика аргументации в науке» (1992) стал Институт философии РАН. На защите докторской диссертации Н. В. Рожина «Проблемы объективной достоверности знания в западной философии (аналитическая традиция)» (1992) оппонентами выступили профессор кафедры истории зарубежной философии МГУ А. Ф. Грязнов и Институт философии РАН. Заведующий кафедрой философии Московского педагогического государственного университета Л. А. Микешина и Институт человека РАН стали оппонентами докторской диссертации Л. Ф. Кузнецовой «Научная картина мира: структура, функции, историческая динамика» (1993).

В 2000–2021 гг. подобного рода творческие связи сохраняются, но на иных условиях. В частности, заключаются договоры о сотрудничестве с философскими факультетами МГУ и Санкт-Петербургского государственного университета, выполняются совместные гранты Российского фонда фундаментальных

исследований и Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований по актуальным проблемам философского знания, для чтения лекций и участия в образовательных проектах приглашаются ведущие специалисты, формируются международные редакционные коллегии научных изданий (например, профессор А. И. Зеленков входит в состав президиума Федерального учебно-методического объединения «Философия, этика, религиоведение», а профессор Т. Г. Румянцева является членом редколлегии известного калининградского журнала «Кантовский сборник»), проводятся презентации книжных и журнальных изданий, осуществляется подготовка совместных учебников по философским наукам [22–24]. В ведущих философских журналах России представлены результаты исследований специалистов из БГУ [25]. Редакцией научного журнала «Философские науки» подготовлено несколько белорусских номеров (№ 7, 2016; № 10, 2020; № 3, 2022). В издании «Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология» на базе факультета философии и социальных наук БГУ регулярно публикуются результаты философских изысканий российских ученых. В рамках межгосударственных соглашений с Санкт-Петербургским государственным университетом защитили докторские диссертации по философским наукам следующие преподаватели БГУ: В. Н. Фурс на тему «Критическая социальная теория в западной философии 70–90-х годов XX века: типологическая реконструкция» (2002), Х. С. Гафаров на тему «Философская герменевтика Г.-Г. Гадамера: становление и развитие» (2003), Г. А. Круглова на тему «Христианская глобалистика: генезис и основные концепции» (2008).

БГУ активно сотрудничает со специалистами, получившими профессиональное философское образование в ведущих российских университетах и работающими в белорусских учреждениях высшего образования. Среди них член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси (НАН Беларуси) П. А. Водопьянов, профессор В. И. Чуешов, профессор Ч. С. Кирвель, доктор философских наук Х. С. Гафаров (Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина), научный сотрудник Института философии НАН Беларуси В. И. Павлюкевич (МГУ).

Следует также отметить продолжающуюся традицию приглашения на международные конференции ведущих ученых из России и другие творческие мероприятия, наиболее значимые из которых состоялись в 2000–2021 гг. на факультете философии и социальных наук БГУ.

На международной научной конференции «Философия и рациональность в культуре глобализирующегося мира» [26], которая проводилась 22–23 октября 2009 г., с пленарным докладом «Многомерная рациональность» выступил доктор философских наук, профессор В. Н. Порус (Москва).

БГУ 15 апреля 2011 г. посетили такие известные российские философы, как почетный профессор БГУ академик В. С. Стёпин, директор Института философии РАН академик А. А. Гусейнов, академик РАН В. А. Лекторский и главный редактор журнала «Вопросы философии» Б. И. Пружинин. Они провели для преподавателей и студентов БГУ семинар на тему «Философия России второй половины XX в.». Кроме того, в рамках визита ученых состоялась презентация и вручение библиотеке университета книг из серии «Философия России второй половины XX в.», посвященных творчеству выдающихся российских философов того времени.

Международная научная конференция «Философско-культурологические идеи академика В. С. Стёпина в свете современных социальных трансформаций» состоялась 4–5 ноября 2014 г. в БГУ. В ней приняли участие директор Института философии РАН академик А. А. Гусейнов, деканы факультетов философии и психологии МГУ В. В. Миронов и Ю. П. Зинченко соответственно и Б. И. Пружинин. В рамках научного форума состоялась презентация книги «Синтез философии, науки, культуры. К 80-летию академика В. С. Стёпина».

В рамках Первого белорусского философского конгресса совместно с Институтом философии НАН Беларуси на базе факультета философии и социальных наук БГУ 19 октября 2017 г. прошла Международная научная конференция «Философия и цивилизационные перспективы постсовременности». На ней выступили ректор БГУ профессор А. Д. Король, генеральный секретарь Международной федерации философских обществ Л. М. Скарантино (Италия), директор Института философии РАН, академик А. В. Смирнов, академик Института философии РАН А. А. Гусейнов, профессор Института философии РАН И. К. Лисеев. Научный директор Академии Канта, профессор Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени И. Канта (Россия) Н. А. Дмитриева прочитала на факультете философии и социальных наук БГУ лекцию для студентов.

Б. И. Пружинин и профессор Московского педагогического государственного университета доктор философских наук 12 февраля 2018 г. посетили БГУ. Были рассмотрены вопросы развития сотрудничества между белорусскими и российскими учеными по укреплению научных и образовательных связей, проведены консультации по реализации новых совместных инициатив и проектов. Во время визита в БГУ прошла презентация книг, посвященных биографии и творчеству знаменитых философов Г. Г. Шпета и Л. И. Шестова, серии книг «Философия России первой половины XX века» и др. Все эти труды были переданы в фонд библиотеки.

На Международной научной конференции «Маркс и марксизм в контексте современности», состоявшейся 26–27 апреля 2018 г. [27], с пленарным

докладом «Посткоммунизм и некоторые проблемы интерпретации марксистской традиции» выступил заведующий кафедрой теории и философии политики Санкт-Петербургского государственного университета доктор философских наук, профессор В. А. Гурторов.

9–11 апреля 2019 г. в БГУ прошло заседание междисциплинарной научной школы «Университет и экология культуры», на которой с докладом «Университет и экология культуры» выступили руководитель сектора философии естественных наук Ин-

ститута философии РАН Б. И. Пружинин и профессор кафедры философии Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета. Мероприятие было инициировано Советом по междисциплинарным исследованиям, Советом молодых ученых и философскими кафедрами факультета философии и социальных наук БГУ с целью обосновать социокультурную миссию университета в жизни белорусского общества в преддверии 100-летия учреждения высшего образования.

Заключение

Как было показано, взаимодействие между философами двух стран принимало достаточно многообразные формы и охватывало большинство областей современного философского знания, включая традиционно популярные среди белорусских исследователей 1-й половины XX в. философию и методологию научного познания и исследования в области истории философии, логики, позднее – социальной философии, социологии и философии культуры. Помимо новаторских философских исследований, необходимо отметить и сотрудничество в области становления фундаментального философского образования и разработки общеобразовательных курсов. Отдельного внимания заслуживает институциональный контур взаимодействия философов двух стран, проявляющий себя в совместных исследованиях, научных и учебных публикациях. Авторы настоящей статьи предполагают, что совместная работа может оказаться еще более плодотворной в случае создания исследовательских центров, образовательных программ, периодического научного издания, зарегистрированного в наукометрических базах дан-

ных, реализации программы «двойных дипломов». Исследования общих страниц этой истории может стать неплохой основой для дальнейшего укрепления сотрудничества двух стран.

Таким образом, ретроспективно осмысливая основные и разноплановые этапы сотрудничества философов России и БГУ на протяжении 100 лет существования университета, можно с уверенностью констатировать значимость этого взаимного влияния. В различные исторические периоды российские интеллектуалы оказывали и продолжают оказывать помощь философам БГУ. Вместе с тем происходит и обратное влияние. Взаимодействие философов БГУ не ограничивается философскими центрами Москвы и Санкт-Петербурга, так как в нем активное участие принимают философы из различных городов (Екатеринбург, Калининград и др.). Формы взаимодействия между философами БГУ и России разнообразны. Такое сотрудничество является неотъемлемой частью истории философской науки в БГУ, как и в историях *alma mater*, и основой интеллектуальной культуры нации, отмечающей первый столетний юбилей.

Библиографические ссылки

1. Куренной ВА. Почему мы возвращаемся к институтам? *Логос*. 2020;30(6):1–22.
2. Легчилин АА, Дудчик АЮ. Трансфер зарубежных идей в философской культуре Беларуси XIX–XX веков. *Философские науки*. 2020;63(10):88–102.
3. Дёмин МР. Дилемма профессии: советские институты и современная университетская философия в России. В: Дмитриев АН, Савельева ИМ, редакторы. *Науки о человеке: история дисциплин*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2015. с. 483–507.
4. Дмитриев АН. Переизобретение советского университета. *Логос*. 2013;1:41–64.
5. Ивановский ВН. *Методологическое введение в науку и философию. Том 1*. Минск: Белтрестпечат; 1923. 236 с.
6. Корсаков СН. Профессор В. Н. Ивановский и его воспоминания. *Философские науки*. 2011;1:137–143.
7. Алексеева ИЮ. Научная философия как «культурная система» (о Владимире Николаевиче Ивановском и его идеях). *Вопросы философии*. 2012;11:3–9.
8. Каринский МИ, Ивановский ВН, Васильев НА. *Логико-методологическое направление в отечественной философии (первая половина XX века)*. Москва: Российская политическая энциклопедия; 2012. 423 с.
9. Щедрина ТГ. Владимир Николаевич Ивановский как методолог гуманитарного познания (минский период). В: Гусаков ВГ, Коваленя АА, редакторы. *Национальная философия в глобальном мире: материалы Первого белорусского философского конгресса; 18–20 октября 2017 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Право и экономика; 2018. с. 147–151.
10. Диссертации по философии, защищенные в 1951–1952 гг. *Вопросы философии*. 1953;1:230–231.
11. Шалькевич ВФ. И. Н. Лушицкий как историк философии (К 100-летию со дня рождения И. Н. Лушицкого). *Философия и социальные науки*. 2007;2:4–9.
12. Карако ПС. В. И. Степанов: гражданин, патриот, ученый (к 115-летию со дня рождения). *Вышэйшая школа*. 2018;1:39–40.

13. Васильев ЮА, Пузиков ПД, Степанов ВИ, составители. *О «Философских тетрадах» В. И. Ленина*. Москва: Соцэк-гиз; 1959. 448 с.
14. Дудчик АЮ. Учитель и ученики: В. С. Стёпин как научный руководитель. В: Данилов АН, редактор. *Синтез философии, науки, культуры. К 80-летию академика В. С. Стёпина*. Минск: БГУ; 2014. с. 371–376.
15. Стёпин ВС, Касавин ИТ. Важно, чтобы работа не прекращалась... Интервью с академиком РАН В. С. Стёпиным ведет член-корреспондент РАН И. Т. Касавин. *Вопросы философии*. 2004;9:16–71.
16. Стёпин ВС, редактор. *Всесоюзная конференция по логике, методологии и философии науки; 24–26 сентября 1990 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 1990. 204 с.
17. Героименко ВА, Дубинин ИИ. Логика, методология и философия науки. *Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У. І. Леніна. Серыя 3. Гісторыя. Філасофія. Эканоміка. Права*. 1991;1:72–74.
18. Стёпин ВС. *Научное познание в социальном контексте*. Минск: БГУ; 2012. 416 с.
19. Смирнова РА. Рецензия на книгу: «Синтез философии, науки, культуры» к 80-летию академика В. С. Стёпина. *Философские науки*. 2016;7:153–157.
20. Шавель СА. Важно, чтобы работа не прекращалась... *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;2:173–178.
21. Дудчик АЮ. Дисциплинарные трансформации белорусской академической философии в постсоветский период (на материале диссертационных работ 1991–2013 гг.). *Философские науки*. 2016;7:149–152.
22. Стёпин ВС, Яскевич ЯС, Данилов АН, Юдин БГ, Гафаров ХС, Гурко Е и др. *Философия*. Минск: РИВШ; 2008. 624 с.
23. Яскевич ЯС, Васюков ВЛ. *Философия и методология социальных наук. Проблемы социальной коммуникации*. Москва: Юрайт; 2018. 246 с.
24. Колесников АС, редактор. *История философии*. Москва: Юрайт; 2019. 392 с.
25. Король АД. Самоидентичность человека как проблема образовательного пространства и времени. *Вопросы философии*. 2021;5:26–35.
26. Зеленков АИ, Легчилин АА. Международная научная конференция «Философия и рациональность в культуре глобализирующегося мира». *Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 3. Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права*. 2010;1:101–102.
27. Легчилин АА. Маркс и марксизм в контексте современности. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2018;2:131–132.

References

1. Kurennoy VA. Why do we keep coming back to institutions? *Logos*. 2020;30(6):1–22. Russian.
2. Liahchylin AA, Dudchik AY. Transfer of foreign ideas to the philosophical culture of Belarus in the 19th and 20th centuries. *Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2020;63(10):88–102. Russian.
3. Demin MR. [The dilemma of the profession: Soviet institutions and modern university philosophy in Russia]. In: Dmitriev AN, Savel'eva IM, editors. *Nauki o cheloveke: istoriya distsiplin* [Human sciences: a history of disciplines]. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2015. p. 483–507. Russian.
4. Dmitriev AN. [Reinvention of the Soviet university]. *Logos*. 2013;1:41–64. Russian.
5. Ivanovskii VN. *Metodologicheskoe vvedenie v nauku i filosofiyu. Tom 1* [Methodological introduction to science and philosophy. Volume 1]. Minsk: Beltrestpechat'; 1923. 236 p. Russian.
6. Korsakov SN. [Professor V. N. Ivanovsky and his memoirs]. *Filosofskie nauki*. 2011;1:137–143. Russian.
7. Alekseeva IY. [Scientific philosophy as a «cultural system» (about Vladimir Nikolaevich Ivanovsky and his ideas)]. *Voprosy filosofii*. 2012;11:3–9. Russian.
8. Karinskii MI, Ivanovskii VN, Vasil'ev NA. *Logiko-metodologicheskoe napravlenie v otechestvennoi filosofii (pervaya polovina XX veka)* [Logical and methodological researches in Russian philosophy (first half of the 20th century)]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya; 2012. 423 p. Russian.
9. Shchedrina TG. [Vladimir Nikolaevich Ivanovsky as a methodologist of humanities (Minsk period)]. In: Gusakov VG, Kovalenya AA, editors. *Natsional'naya filosofiya v global'nom mire: materialy Pervogo belorusskogo filosofskogo kongressa; 18–20 oktyabrya 2017 g.; Minsk, Belarus'* [National philosophy in the global world: materials of the First Belarusian philosophical congress; 2017 October 18–20; Minsk, Belarus]. Minsk: Pravo i ekonomika; 2018. p. 147–151. Russian.
10. [Philosophy dissertations defended in 1951–1952]. *Voprosy filosofii*. 1953;1:230–231. Russian.
11. Shalkevich VF. I. N. Lushchitsky as a historian of philosophy (to the 100th anniversary of the birth of I. N. Lushchitsky). *The Journal of Philosophy and Social Sciences*. 2007;2:4–9. Russian.
12. Karako PS. [V. I. Stepanov: citizen, patriot, scientist (to the 115th anniversary of his birth)]. *Vyshhejschaja shkola*. 2018;1:39–40. Russian.
13. Vasil'ev YuA, Puzikov PD, Stepanov VI, compilers. *О «Философских тетрадах» В. И. Ленина* [About «Philosophical notebooks» by V. I. Lenin]. Moscow: Sotsekgiz; 1959. 448 p. Russian.
14. Dudchik AY. [Teacher and students: V. S. Stepin as a scientific leader]. In: Danilov AN, editor. *Stepin Sintez filosofii, nauki, kul'tury. K 80-letiyu akademika V. S. Stepina* [Synthesis of philosophy, science, culture. To the 80th anniversary of academician V. S. Stepin]. Minsk: Belarusian State University; 2014. p. 371–376. Russian.
15. Stepin VS, Kasavin IT. [It is important that the work should not stop. Interview with academician of RAS V. S. Stepin is conducted by Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences I. T. Kasavin]. *Voprosy filosofii*. 2004;9:16–71. Russian.
16. Stepin VS, editor. *X Vsesoyuznaya konferentsiya po logike, metodologii i filosofii nauki; 24–26 sentyabrya 1990 g.; Minsk, Belarus'* [10th All-Union conference on logic, methodology and philosophy of science; 1990 September 24–26; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 1990. 204 p. Russian.

17. Geroimenko VA, Dubinin II. [Logic, methodology and philosophy of science]. *Vesnik Belaruskaga dzjarzhawnaga universitjeta imja U. I. Lenina. Seryja 3. Gistoryja. Filasofija. Jekanomika. Prava*. 1991;1:72–74. Russian.
18. Stepin VS. *Nauchnoe poznanie v sotsial'nom kontekste* [Scientific knowledge in a social context]. Minsk: Belarusian State University; 1990. 416 p. Russian.
19. Smirnova RA. [Book review: «the synthesis of philosophy, science, culture» to the 80th anniversary of academician V. S. Stepin]. *Filosofskie nauki*. 2016;7:153–157. Russian.
20. Shavel SA. Important that the work is not ended... *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;2:173–178. Russian.
21. Dudchik AY. [Disciplinary transformation of the Belarusian academic philosophy in the Post-Soviet period (on the basis of theses 1991–2013)]. *Filosofskie nauki*. 2016;7:149–152. Russian.
22. Stepin VS, Yaskevich YaS, Danilov AN, Yudin BG, Gafarov KhS, Gurko E, et al. *Filosofiya* [Philosophy]. Minsk: Republican Institute of Higher Education; 2008. 624 p. Russian.
23. Yaskevich YaS, Vasyukov VL. *Filosofiya i metodologiya sotsial'nykh nauk. Problemy sotsial'noi kommunikatsii* [Philosophy and methodology of the social sciences. Problems of social communication]. Moscow: Yurait; 2018. 246 p. Russian.
24. Kolesnikov AS. *Istoriya filosofii* [History of philosophy]. Moscow: Yurait; 2019. 392 p. Russian.
25. Karol AD. Self-Identity of a person as a problem of educational space and time. *Voprosy filosofii*. 2021;5:26–35. Russian.
26. Zelenkov AI, Legchilin AA. [International scientific conference «Philosophy and rationality in the culture of the globalising world»]. *Vesnik Belaruskaga dzjarzhawnaga universitjeta. Seryja 3. Gistoryja. Filasofija. Psihologija. Palitalogija. Sacyjalogija. Jekanomika. Prava*. 2010;1:101–102. Russian.
27. Zelenkov AI, Liahchilin AA. Marx and Marxism in the context of modernity. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy. Psychology*. 2018;2:131–132. Russian.

Статья поступила в редколлегию 31.03.2022.
Received by editorial board 31.03.2022.

ОБОСНОВАНИЕ СВОБОДЫ САМОСОЗНАНИЯ В РАБОТЕ «ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ДУХА» Г. В. Ф. ГЕГЕЛЯ

Т. Г. РУМЯНЦЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Выявлено, что Г. В. Ф. Гегель доверяет произведению «Феноменология духа» крайне важную системную функцию, определяющую, по сути, место этой работы в учении немецкого философа. Показано, что изложение книги не просто предшествует всей его последующей трехчастной системе, но и является ее предпосылкой, которая должна обосновать свободу самосознания. Обнаружено, что именно здесь Г. В. Ф. Гегель поставил в качестве своих главных задач преодоление феноменальности сознания и освобождение этого сознания от чуждой ему предметной формы. Тем самым автор попытался утвердить принцип тождества бытия и мышления, который будет иметь фундаментальное значение для всей его последующей философской системы.

Ключевые слова: Г. В. Ф. Гегель; «Феноменология духа»; самосознание; свобода самосознания; негативная функция феноменологии; история самоосвобождения сознания.

JUSTIFICATION FOR THE FREEDOM OF SELF-CONSCIOUSNESS IN THE WORK «PHENOMENOLOGY OF SPIRIT» BY G. W. F. HEGEL

T. G. RUMYANTSEVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

It is shown that G. W. F. Hegel trusts his «Phenomenology of spirit» an extremely important systemic function, which, in fact, determines the place of this work in the teachings of the German philosopher. Its presentation not only precedes its entire subsequent three-part system, but is also a prerequisite for it, which should justify freedom of self-consciousness. It is here that G. W. F. Hegel will set as his main task to overcome the phenomenality of consciousness, to liberate him from an object form alien to him. Thus, he will try, and unsuccessfully, to establish the principle of the identity of being and thinking, which will be fundamental to his entire subsequent philosophical system.

Keywords: G. W. F. Hegel; «Phenomenology of spirit»; self-consciousness; freedom of self-consciousness; the negative function of phenomenology; the history of the self-liberation of consciousness.

Введение

В статье предпринята попытка показать, что Г. В. Ф. Гегель отводит своему первому крупному труду, вышедшему в свет в йенский период его творчества, крайне важную системную функцию.

Именно реализация этой функции и определит место работы «Феноменология духа» в учении немецкого философа. Изложение труда не просто предшествует всей последующей трехчастной системе

Образец цитирования:

Румянцев ТГ. Обоснование свободы самосознания в работе «Феноменология духа» Г. В. Ф. Гегеля. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2022;2:13–18.

For citation:

Rumyantseva TG. Justification for the freedom of self-consciousness in the work «Phenomenology of spirit» by G. W. F. Hegel. Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology. 2022;2:13–18. Russian.

Автор:

Татьяна Герардовна Румянцева – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук.

Author:

Tatsiana G. Rumyantseva, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences. t.rumyan30@gmail.com

Г. В. Ф. Гегеля, но и является ее теоретической предпосылкой, которая должна обосновать свободу самосознания. Ставя своей задачей преодоление феноменальности сознания, философ пытается тем самым освободить его от чуждой тому предметной формы.

Речь идет о преодолении раздвоения сознания на субстанцию и субъект, сознание и предмет, мышление и бытие, а также об обосновании философом в этой работе их тождественности, а значит, и свободы самосознания. Преодоление феноменальности сознания должно было расчистить почву и освободить дух от предметной зависимости, помочь прорваться через овеществленный мир и привести его к работе с понятием, когда субъект, наконец, обретает себя в его ничем не обусловленной самодостоверности. «Двигаясь к своему истинному существованию, сознание достигнет пункта, когда оно откажется от своей иллюзии, будто оно обременено чем-то чужеродным, которое есть только для него и в качестве некоторого иного, т. е. достигнет пункта, где явление становится равным сущности, и тем самым изображение сознания совпадет именно с этим пунктом – с подлинной наукой о духе» [1, с. 50].

Освобождение сознания предполагает его эмансипацию от естественной восприимчивости со стороны объектов и осознание им себя в своей деятельности по конституированию всего сущего как совокупности собственных объектов. По словам Г. В. Ф. Гегеля, «дух достиг чистой стихии своего личного бытия – понятия. Содержание, со стороны свободы его бытия, есть отрешающаяся от себя самость или непосредственное единство знания самого себя» [1, с. 432]. Это и определяет системную функ-

цию и место феноменологии в учении Г. В. Ф. Гегеля, так как именно она, по сути, прокладывает дорогу к его науке логики, которая и начинается с того, чем заканчивается феноменология, с чистого знания, совпадающего с чистым бытием, тождества бытия и мышления.

Так, идея чистого знания, совпадающего с чистым бытием (или предметом), впервые была децифрована Г. В. Ф. Гегелем в книге «Феноменология духа». Чистая мысль становится здесь, в его логике, чистым бытием, поскольку она есть существующая мысль, а не просто мысль о чем-либо; поскольку на ступени чистого знания противоречие между мыслью и бытием вообще было снято. Бытие и мышление, субъект и объект, мысль и вещь – все это сливается в логике философа в неразличимое тождество, обоснованное опять в работе «Феноменология духа», где на ступени абсолютного знания получено желаемое неразличимое единство субстанции и субъекта. Таким образом, Г. В. Ф. Гегель приходит к искомому «мышлению-бытию», с которого он и начинает свою логику. Сняв различие между субъективным и объективным и показав, что субъект является единственным объектом, а объект – единственным субъектом, феноменология как бы уравнивала между собой обе эти стороны мышления – субъективную (чистое мышление как деятельность в понятиях) и объективную (чистое мышление как сущность духа). В этом смысле логика у Г. В. Ф. Гегеля становится наукой о чистом мышлении в элементе чистого мышления, являясь одновременно наукой о сущности духа и наукой о сущности вещей, превращаясь из чисто формальной дисциплины в основу метафизики.

Негативная функция феноменологии в системе Г. В. Ф. Гегеля

В книге «Феноменология духа» Г. В. Ф. Гегель, решая задачу по освобождению сознания, подводит к тому, что данный труд выполняет своего рода негативную функцию по отношению ко всей его последующей системе философии. В этом плане вполне можно провести параллель между гегелевской работой и кантовской книгой «Критика чистого разума». Свой философский труд И. Кант определял как только «пропедевтику к системе чистого разума», критику чистого разума, польза которой может быть исключительно негативной. Он, в частности, писал: «Такая пропедевтика должна называться не доктриной, а только критикой чистого разума, и польза ее по отношению к спекуляции в самом деле может быть только негативной: она может служить не для расширения, а только для очищения нашего разума и освобождения его от заблуждений, что уже представляет собой значительный выигрыш» [2, с. 79]. Поэтому она и должна, по И. Канту, предшествовать построению системы трансцендентальной философии, быть «подготовкой к органону

или, если бы это не удалось, по крайней мере к канону...» [2, с. 79].

Негативная природа гегелевской феноменологии проявляется и в желании отвергнуть познавательную ценность повседневного сознания как неистинного, показывая, что мир для человечества не такой, какой он есть, а такой, какой он известен философии. Можно поспорить о том, почему Г. В. Ф. Гегель назвал свой первый фундаментальный труд именно «феноменологией». По мнению автора данной статьи, философ фактически продолжил здесь традицию всей предшествующей немецкой метафизики, используя концепцию феноменологии как учение о видимости в чисто негативном смысле, задачи которого – очистить сознание от иллюзий и привести его к истинному знанию.

Вся история докантовской философии показывает, что именно в этом значении (учение о видимости) использовали понятие «феноменология» такие немецкие авторы, как Ф. К. Этингер, И. Г. Ламберт, И. Н. Тетенс и др. Значение должно было помочь

отличить видимость от истины в метафизике и проложить путь к достоверному знанию [3, с. 49–50].

И. Кант в свое время также хотел назвать первую часть своего главного труда «Феноменология чистого разума», вверяя ей только негативное значение и опережая ею изложение своей философии. Согласно плану философа теоретическая часть его первой критики должна была состоять из двух разделов: 1) феноменология вообще, 2) метафизика (как учение о природе и методе). Трактровка им понятия «феноменология вообще» в основном не отличалась от того, какой смысл вкладывали в этот термин его предшественники (к примеру, И. Г. Ламберт). Для И. Канта чрезвычайно важно было разоблачить чувственную видимость и устранить или, по крайней мере, ограничить ее неправомерно большое влияние на сферу рассудка и разума, как, впрочем, и на метафизику в целом. Однако несмотря на использование феноменологии в письмах и черновых набросках этих лет, данное понятие у И. Канта все же не устоялось [4, с. 58].

И. Кант отказывается от ламбертовского понятия и свое учение о видимости связывает уже с диалектикой как «логикой видимости», в отличие от аналитики («логики истины»). В своей «логике видимости» он заговорил уже об особом роде видимости – трансцендентальной, – которой не было у его предшественников. Таким образом, даже отказавшись от понятия «феноменология», И. Кант все же оставил учение о видимости в качестве чисто отрицательной или сугубо критической части своей критики.

Г. В. Ф. Гегель употребляет слово «феноменология» преимущественно в том же значении, что и его предшественники, включая И. Канта, т. е. как учение о видимости, как попытку расчистить почву для истины, преодолев и отвергнув видимость данности. А в роли такой истины у немецкого философа выступает обосновываемый им тезис о тождестве бытия и мышления, о том, что единственным предметом сознания является оно само, что и будет достигнуто на ступени абсолютного знания. Вся структура работы и выстроена таким образом, чтобы сознание прошло и смогло понять сам путь к этой истине во всех ее объеме, полноте и необходимости. При этом каждая ступень восхождения сознания, на которой происходит обнаружение и преодоление его раздвоения на сознание и предмет, представляет собой один из этапов его самоосвобождения и преодоления зависимости от предметов. Отличая себя от предмета, сознание в то же время постоянно соотносит себя с предметом; оно познает предмет и сравнивает свое знание о предмете с самим этим предметом, проверяет их соответствие, в котором, по Г. В. Ф. Гегелю, и заключается истина. Стремясь к абсолютному знанию, сознание должно освоить весь опыт, достигнув такого знания, в кото-

ром сознание (понятие) и предмет совпадут. Тем самым исходным пунктом обычного индивидуально-го сознания, а также всей теории познания (а значит и феноменологии) становится соотношение сознания и не зависящего от него предмета. Одновременно Г. В. Ф. Гегель усматривает в этом раздвоении и основной принцип развития сознания, и главный метод выполнения феноменологией собственной задачи.

Тезис об изначальном противостоянии сознания и независимого от него предмета на первый взгляд кажется не согласующимся с исходным принципом гегелевской философии, согласно которому только дух является действительным. Однако сам мыслитель решал эту проблему в русле идей своего предшественника Ф. В. Й. Шеллинга, который в работе «Система трансцендентального идеализма» отмечал следующее: на начальной стадии своего развития сознание еще не знает, что независимый от него предмет не является таковым. Но по мере перехода от одного гештальта к другому сознание все больше и больше приближается к пониманию своей истинной природы, суть которой состоит в совпадении его с предметом. На завершающей ступени сознание превращается, наконец, в самого себя, т. е. становится духом, который должен будет узнать, что предмет был в нем самом и что вся борьба за его преодоление была борьбой духа с самим собой. Однако такого рода истина, как уже отмечалось, открывается только на ступени абсолютного знания. Вся же предшествующая история развития сознания протекала бессознательно, «как бы за спиной сознания». На самом же деле, как об этом писал Ф. В. Й. Шеллинг, «природа трансцендентального рассмотрения должна вообще состоять... в постоянной самообъективации субъективного» [5, с. 237]. Стоит отметить, что абсолютное знание – это не только высшая ступень человеческого познания, это еще и возвращение отчуждения в субъект, т. е. полное снятие предметности, углубление, «уход внутрь себя», не создание как раньше предметов, а снятие этих, созданных им же, духом, форм предметности.

Итак, феноменология духа – это наука об опыте сознания, а сам этот опыт есть процесс самоосвобождения сознания, когда оно преодолевает зависимость со стороны объектов, освобождает само себя посредством непрерывного осознания своей деятельности по конструированию и оформлению всего сущего в качестве своих объектов. Освобождаясь от этой зависимости, сознание становится знанием самого себя, как уже ничем не обусловленной достоверности – абсолюта, который существует везде и который есть все. В негативном аспекте полная свобода сознания от объектов означает освобождение от естественной восприимчивости, когда признается полная независимость объекта и когда

сознание еще не знает, что оно само конституирует объект. В позитивном же плане эта свобода означает движение сознания к реализации себя в действительности в виде совершенного самосознания. Все

это и есть опыт сознания как опыт самоосвобождения, когда субъект становится абсолютным в той мере, в какой он обретает опыт достоверности только самого себя.

История самоосвобождения сознания

Стоит рассмотреть, каким образом происходит самоосвобождение сознания и как от ступени к ступени оно «с необходимостью» преодолевает зависимость от предмета.

Даже на самой первой ступени своего развития – чувственной достоверности – Г. В. Ф. Гегель пытается освободить повседневное сознание от присущей ему стихийной уверенности в объективном существовании предмета (что предмет существует независимо от сознания и что чувственно воспринимаемые вещи нам даны). На этой ступени дух имеет предметный характер и его основная задача – переход к самосознанию, т. е. к тому пункту, где впервые будет снято различие между сознанием и предметом.

С этой целью Г. В. Ф. Гегель последовательно вскрывает противоречия во всех формах предметного сознания – в чувственной достоверности (казавшейся самой конкретной и истинной формой), восприятии и рассудке. По Г. В. Ф. Гегелю, истина не в объектах, которые вообще не существуют независимо от субъекта; да и неверно, что познавать надо независимые от субъекта факты, что независимость от субъекта и есть максимальное приближение к истине. Философ так и напишет: нет истины без субъекта, мы должны разрушить мертвую объективность мира, показать, что позади вещей и законов стоит сам человек, что это мир человеческого самосознания. «Выясняется, что за так называемой завесой, которая должна скрывать “внутреннее”, нечего видеть, если мы сами не зайдем за нее...» [1, с. 92]. Иначе говоря, истину надо самоосуществить, сделав мир таким, каков он есть по существу, т. е. миром человеческого сознания.

Главу, описывающую следующую ступень развития духа, Г. В. Ф. Гегель назвал, как известно, «Истина и достоверность себя самого» (самосознание). Он имеет в виду, что на всех предыдущих ступенях, связанных с предметным сознанием, предмет и сознание отличались друг от друга. Предмет был (или, по крайней мере, казался) не зависим от сознания. Истина и достоверность, бытие в себе и бытие для другого никак не могли совпасть. Здесь же предмет и сознание, а следовательно, истина и достоверность, вполне совпали. «Но теперь возникло то, что не имело места в этих прежних отношениях, а именно достоверность, которая равна своей истине, ибо для достоверности предмет ее есть она сама, а для сознания истинное есть само сознание» [1, с. 93]. Как только мы узнаем, что позади явления вещей находится сам субъект, и поэтому сознанию противостоят уже не другое, не предмет, независимый от него,

а он сам, мы вступаем в царство самосознания – настоящее царство истины. Однако Г. В. Ф. Гегель тут же добавляет, что всего этого самосознание о себе еще не знает, поэтому оно должно еще познать себя, стать своим предметом, а это возможно только тогда, когда его самость (внутреннее) обнаружит себя в деятельности (практически).

Далее на ступени самосознания, сначала «в борьбе за признание», затем через превращение каждой из сторон этой борьбы (господина и раба) в свою противоположность, сознание постепенно приходит к осознанию собственной самостоятельности, превращаясь в чистое свободное мышление, свободное сознание. Через стоицизм, скептицизм и несчастное сознание оно переходит от абстрактной свободы стоика, лишенной какого-либо жизненного наполнения «равнодушной к естественному наличному бытию», к скептической свободе. «В скептицизме теперь для сознания обнаруживается полная несущественность и несамостоятельность этого «иного»; мысль становится всепоглощающим мышлением, уничтожающим бытие *многообразно определенного* мира, а негативность свободного самосознания обнаруживается себе в этом многостороннем формообразовании жизни как реальная негативность» [1, с. 109]. Затем от «простой свободы самого себя» через «уничтожение другой стороны определенного наличного бытия» оно «удваивает себя, и есть для себя теперь нечто двойное», становясь расколотым, двойственным и отчужденным от своей сущности [1, с. 112]. Однако, по Г. В. Ф. Гегелю, и такое несчастное сознание необходимо для свободы самосознания, так как в процессе освобождения несчастного сознания самосознание составляет неизбежную ступень. Тема свободы, мучительно обретаемой сознанием, становится лейтмотивом и этой главы феноменологии. Спускаясь с высот потустороннего мира на землю, восстанавливая единство самосознания и действительности, оно поднимается на ступень разума.

Сознание стало здесь для себя тем, что есть. Установилось единство единичного и всеобщего, субъективного и объективного, которое и есть разум как источник всякой достоверности и истины. Но и эта достоверность, что разум и есть вся реальность, должна быть еще возведена в степень истины, существовать не только в сознании, но и для него. Теперь чисто негативное отношение к бытию превращается в положительное отношение. «Тем самым, что самосознание есть разум, его доселе негативное отношение к инобытию обращается в положительное

отношение. До сих пор для него все дело сводилось к его самостоятельности и свободе, к тому, чтобы спасти и сохранить себя для себя самого за счет мира или своей собственной действительности, которые выступают для него как негативные его сущности. Но в качестве разума, уверенное в самом себе, оно успокоилось в отношении их и может переносить их, ибо оно удостоверялось в самом себе как реальности, или в том, что вся действительность есть не что иное, как оно; его мышление непосредственно само есть действительность...» [1, с. 124]. «Ему кажется, что мир лишь теперь возник для него... Только тут... оно открывает мир как *свой* новый действительный мир, в постоянстве которого оно заинтересовано, как прежде было заинтересовано только в его исчезновении; ибо *устойчивость* мира становится для сознания его собственной *истиной* и его собственным наличием; оно уверено, что на опыте узнает в нем только себя» [1, с. 125].

Однако сознание не останавливается и на этой ступени, устремляясь далее к царству духа – в сферу правовых и нравственных законов. В этой новой форме (духа) оно стремится к постижению своей общественной сущности. Сам Г. В. Ф. Гегель, подчеркивая специфику данной ступени в сравнении с предшествующими, писал, что «эти формообразования отличаются от прежних тем, что они есть реальные духи, действительности в собственном смысле, формообразования некоторого мира, а не формообразования одного лишь сознания» [1, с. 235]. И хотя объективно речь идет о том же историческом процессе, «радикально изменяется сущность появляющихся “форм сознания”, в которых и в последовательности которых дана философская интерпретация пути родового опыта человечества в его историческом развитии» [6, с. 530]. Качественное отличие этой ступени он связывал прежде всего с тем, что «негативное отношение к инобытию обращается в положительное отношение», сознание теперь «открывает мир как свой новый действительный мир» [1, с. 124–125].

В данной статье специфика этой формы сознания (разума) рассматривается предельно кратко и только в контексте исследуемой проблемы – дальнейшего самоосвобождения сознания и обретения им своей ничем не обремененной сущности. То, что образует основу книги «Феноменология духа» – овладение субъектом богатства субстанции, приобретает здесь свой наиболее чистый и прозрачный вид при изображении Г. В. Ф. Гегелем процесса отчуждения субъекта. Переходя от непосредственной нравственности у греков, как от «прекрасного и гармонического» развития человека, к абстрактной системе права, личность превращается, по Г. В. Ф. Гегелю, в действительно значимую самостоятельность сознания, существующую в объективно-социальной форме, а не только как идеологическое образование. Речь идет о социальной деятельности самого

человеческого рода, благодаря которой в обществе возникает самосозидающая объективность, черпающая свои жизненные силы из общественной деятельности субъекта, и в ходе этого она становится все более богатой, всеобъемлющей, заменяя субъекту прежнюю безжизненную субстанцию. «Полностью отчуждая себя, субъект познает себя теоретически и практически как тождественного с субстанцией» [6, с. 536]. Г. В. Ф. Гегель очень образно продемонстрировал здесь и то, как, «овладевая массами, идея становится материальной силой» или, следуя все же гегелевскому, а не марксистскому словарю, как дух, «выходя вовне», обретает практическое могущество гештальта.

Связывая сущность духа со свободой, уже позже, во введении к своей работе «Философия духа», Г. В. Ф. Гегель подробно характеризует эту сторону его существа, понимая под свободой, как субстанцией духа, его «независимость от некоего другого», то, что он есть «само-для-себя-сущее, имеющее себя своим предметом, осуществленное понятие» [7, с. 25]. Как и в работе «Феноменология духа», философ характеризует здесь дух как то, что одновременно содержит в себе и некоторое единство, и некоторую разделенность (или противоречие). Это тем не менее переносится духом, так как все, что в нем есть, положено им же самим, следовательно, только им самим и может быть снято. По Г. В. Ф. Гегелю, эта «власть духа над всем имеющимся в нем содержанием» и составляет основу его свободы. Эта свобода должна быть «порождена его деятельностью», в преобразовании всех его форм «в некоторую действительность, полностью соответствующую понятию духа» [7, с. 26]. И более подробно этот процесс самоосвобождения духа, его самооткровения в виде ряда ступеней, или форм, будет показан Г. В. Ф. Гегелем в книге «Философия духа» (§384, §385) [7, с. 29–32]. Здесь, характеризуя необходимый результат принципа просвещения, он пишет об абсолютной свободе. Речь идет об отношении всех вещей, бога и мира к человеческому благу и, таким образом, к человеческой воле, которая в ее неограниченной свободе объявляется суверенной и возводится на «мировой престол». Эта абсолютная свобода, в форме которой теперь существует дух, провозглашается им как то, что не имеет ничего, что бы существовало вне ее и независимо от нее, а любая противоположность потустороннего и «посюстороннего» мира теряет здесь свое значение. Но «никакого положительного произведения или действия всеобщая свобода создать не может; ей остается только *негативное* действование; она есть лишь *фурия* исчезновения», а ее «единственное произведение есть *смерть*» [1, с. 317–318].

Приближаясь к завершающей ступени развития сознания на пути его самоосвобождения (к абсолютному знанию) и характеризуя эту ступень,

Г. В. Ф. Гегель в самом начале завершающей (VIII) главы своей книги сравнивает ее с духом религии. Последняя, полагает он, еще не преодолела полностью предметности из-за присущего религии характера представления, которое предписывает ей определенное сохранение предметности, и потому это еще не адекватное тождество субъекта и объекта. «То, что в религии было *содержанием* или формой процесса представления некоторого “иного”, здесь есть собственное *действие самости*» [1, с. 427]. Иначе говоря, дух своему полному и истинному содержанию

придает форму самости, или понятия. Это гегелевское определение следует, однако, отличать от понятия формальной логики, абстрактного, неполного, одностороннего и всегда зависящего от своего объекта. У Г. В. Ф. Гегеля же оно есть, как уже отмечалось, «процесс обретения мышлением себя в своей ничем не обусловленной самодостоверности» [1, с. 256], преодолевшего зависимость от объекта, осознавшего себя как деятельность, в которой и происходит конституирование вещи как объекта. Именно здесь, в понятии, знание становится абсолютным.

Заключение

Г. В. Ф. Гегель заканчивает работу подробной характеристикой абсолютного знания – ступени, на которой и происходит полное освобождение сознания. Оно есть целостность духа, весь дух, знающий самого себя как духа в своем историческом развитии. Это дух, который выразил свое абсолютное содержание в абсолютной форме. Дух в себе превратился в дух для себя, субстанция в субъект, предмет сознания в предмет самосознания, т. е. в снятый предмет, или понятие. Это последнее формообра-

зование духа, как писал Г. В. Ф. Гегель, «дух, который своему полному и истинному содержанию придает в то же время форму самости и благодаря этому в такой же мере реализует свое понятие, как в этой реализации остается в своем понятии, есть абсолютное знание; это есть дух, знающий себя в формообразовании духа, или *знание, постигающее в понятии*» [1, с. 428]. Так феноменология решает свою главную задачу – обоснование свободы самосознания.

Библиографические ссылки

1. Гегель ГВФ. *Феноменология духа*. Шпет ГГ, переводчик. Санкт-Петербург: Наука; 1994. 441 с.
2. Кант И. Критика чистого разума. В: Бушлинг Б, Мотрошилова НВ, редакторы. *Иммануил Кант: сочинения на немецком и русском языках. Том 2*. Москва: Наука; 2006. 1081 с.
3. Круглов АН. К предыстории понятия феноменологии у Гегеля. В: Мотрошилова НВ, редактор. «Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения. Москва: Канон+; 2010. с. 47–73. Совместно с РООИ «Реабилитация».
4. Мотрошилова НВ. *Путь Гегеля к «Науке логики». Формирование принципов системности и историзма*. Москва: Наука; 1984. 352 с.
5. Шеллинг ФВЙ. Система трансцендентального идеализма. В: Гулыга АВ, редактор. *Шеллинг. Сочинения в двух томах. Том 2*. Москва: Мысль; 1987. с. 227–490.
6. Лукач Д. *Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества*. Москва: Наука; 1987. 616 с.
7. Гегель Г. Философия духа. В: Ситковский ЕП, редактор. *Гегель. Энциклопедия философских наук. Том 3*. Москва: Мысль; 1977. 471 с.

References

1. Hegel GWF. *Fenomenologiya dukha* [Phenomenology of spirit]. Shpet GG, translator. Saint Petersburg: Nauka; 1994. 441 p. Russian.
2. Kant I. [Critique of pure reason]. In: Bushling B, Motroshilova NV, editors. *Immanuel Kant: sochineniya na nemetskom i russkom yazykakh. Tom 2* [Immanuel Kant: writings in German and Russian. Volume 2]. Moscow: Nauka; 2006. 1081 p. Russian.
3. Kruglov AN. [To the background of the concept of phenomenology by Hegel]. In: Motroshilova NV, editor. «Fenomenologiya dukha» Gegelya v kontekste sovremennogo gegelevedeniya [Hegel's «Phenomenology of spirit» in the context of modern Hegelian studies]. Moscow: Kanon+; 2010. p. 47–73. Co-published by the ROOI «Rehabilitation». Russian.
4. Motroshilova NV. *Put' Gegelya k «Nauke logiki». Formirovanie printsipov sistemnosti i istorizma* [Hegel's path to the «Science of logic». Formation of the principles of consistency and historicism]. Moscow: Nauka; 1984. 352 p. Russian.
5. Shelling FWJ. [The system of transcendental idealism]. In: Gulyga AV, editor. *Sochineniya v dvukh tomakh. Tom 2* [Works in two volumes. Volume 2]. Moscow: Mysl'; 1987. p. 227–490. Russian.
6. Lukach D. *Molodoj Hegel' i problemy kapitalisticheskogo obshchestva* [Young Hegel and the problems of capitalist society]. Moscow: Nauka; 1987. 616 p. Russian.
7. Hegel G. [Philosophy of spirit]. In: Sitkovskii EP, editor. *Gegel'. Entsiklopediya filosofskikh nauk. Tom 3* [Hegel. Encyclopedia of philosophical sciences. Volume 3]. Moscow: Mysl'; 1977. 471 p. Russian.

Статья поступила в редколлегия 21.02.2022.
Received by editorial board 21.02.2022.

СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ: ОПЫТ ОБЪЯСНЕНИЙ

А. В. РУБАНОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Раскрыта сущность социальной жизни как действий людей, которые ориентированы на ценности и нормы, составляющие основу социального порядка. Рассмотрены объяснения причин и механизмов этих действий в истории социальной мысли. Показано, что сознательное следование ценностям и нормам социального порядка обусловлено прежде всего тем, что человек понимает их полезность для реализации своих интересов. Это обеспечивает предсказуемость поведения и его общественную целесообразность и взаимность в отношениях между людьми. Регуляторами социально ориентированного поведения принято считать следование нормам права и морали, признание легитимного характера власти, социальные ожидания, интеракции и хабитуализацию.

Ключевые слова: общество; социальная жизнь; социальный порядок; общественный договор; легитимная власть; социальные роли; социальные ожидания; интеракции; хабитуализация.

SOCIAL LIFE: EXPLANATION EXPERIENCE

A. V. RUBANAU^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article reveals the essence of social life as the actions of people who are focused on the values and norms that form the basis of the social order. The history of explaining the causes and mechanisms of these actions in the history of social thought is considered. It is shown that the conscious adherence to the values and norms of the social order is primarily due to the fact that people understand their usefulness for the realisation of their interests. This ensures predictability of behaviour, its social expediency and reciprocity in relations between people. Regulators of socially oriented behaviour are considered to be adherence to the norms of law and morality, recognition of the legitimate nature of power, social expectations, interaction and habitualisation.

Keywords: society; social life; social order; social contract; legitimate authority; social roles; social expectations; interactions; habitualisation.

Социальная жизнь – это действия людей, делающие возможным их сосуществование. В эпицентре организации совместной жизни лежит социальный порядок, который обеспечивает функционирование и развитие, единство различных человеческих групп, общества в целом. Следование ценностям и нормам, в которых выражается порядок, составляет основу социальной жизни. Практическим опытом совместного существования выработаны меха-

низмы их интериоризации, т. е. признания людьми. Ценности и нормы социального порядка, формы их институционализации, внутреннего принятия, усвоения и реализации обществом стали предметом обсуждения многих известных мыслителей. Впервые они были отчетливо представлены в конфуцианстве и философии Античности.

У Конфуция поддержание порядка в обществе, а значит, и организованная совместная жизнь

Образец цитирования:

Рубанов АВ. Социальная жизнь: опыт объяснений. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2022;2:19–25.

For citation:

Rubanau AV. Social life: explanation experience. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2022;2:19–25. Russian.

Автор:

Анатолий Владимирович Рубанов – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Anatoly V. Rubanau, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
rubanov.bsu@gmail.com

людей, основываются на соблюдении двух базовых принципов: следования нормам социальной иерархии и выполнения ритуалов. Необходимость строгого иерархического устройства он выразил словами: «Государь должен быть государем, слуга слугой, сын сыном, отец отцом» [1, с. 90]. Взаимоотношения между разными социальными группами должны быть основаны на строгом повиновении младших старшим, детей родителям, подчиненных и подданных чиновникам и государю. Для обоснования этого принципа Конфуций разработал учение о сыновней почтительности, сформулировав его следующим образом: «Молодые люди должны выказывать почтительность к родителям, а вне дома уважительность к старшим» [1, с. 20].

Другой базовый стержень социального порядка – ритуал – означает строгое следование нормам и правилам поведения, обычаям, обрядам и церемониалу, которые восходят к культуре предков. «Мораль, добродетель всегда будут укреплены... если с достоинством мы будем относиться к памяти умерших предков и с достоинством будем припоминать их деяния» [1, с. 21]. Атрибутами ритуала являются строго установленная форма и демонстративный характер исполнения. «Ритуал полезен потому, что он приводит людей к миру, согласию. Гармония же ритуала воспроизводит как прекрасное дао многих царей, а им необходимо следовать и в малом, и в большом, так как они совершали все свои дела в соответствии с ритуалами. Нельзя делать то, что не соответствует ритуалу, потому что разрушение гармонии ритуала будет ограничивать само деяние» [1, с. 22]. Организующая социальная роль ритуала чрезвычайно велика, поэтому «то, что неприемлемо для ритуала, то и пагубно для глаз; то, что чуждо ритуалу, нельзя и внимать; то, что плохо для ритуала, нельзя обсуждать; то, что не подходит для ритуала, нельзя исполнять» [1, с. 87–88].

В учении Платона основу совместной жизни людей составляет разделение труда. Объясняя возникновение государства, Платон исходил из того, что его создают потребности людей. Человек не может удовлетворить их сам, поэтому люди собираются воедино, чтобы жить сообща и оказывать друг другу помощь: такое совместное поселение и получает название государства [2, с. 130]. По мнению Платона, самая большая потребность – это добыча пищи для существования и жизни, вторая по значимости – жилье, третья – одежда и т. п. Первое сословие государства составляют производители этих благ – земледельцы, строители и ткачи. Для удовлетворения растущих потребностей людей, как рассуждал Платон, необходимы, во-первых, расширение территории государства прежде всего за счет соседей, во-вторых, защита от подобных притязаний с их стороны. Межгосударственные конфликты ведут к формированию второго сословия, состоящего из воинов (стражей).

Управлять государством призваны представители третьего сословия – мудрецы-философы, которые не потворствуют мнению толпы, отличаются стремлением к познанию истины, способностью охватить мыслью «целокупность времени и бытия» [2, с. 191]. Их главное назначение – устанавливать и оберегать разумные и справедливые законы.

Социальный порядок в идеальном государстве Платона основывается на принятии людьми иерархического характера общественного устройства, которое образуется на основе разделения труда. При этом, как считал Платон, следует учитывать, что выполнение людьми социальных обязанностей будет эффективным при учете их личных интересов. Таким образом, при росте и благоустройстве государства надо предоставить всем сословиям возможность иметь свою долю в общем процветании соответственно их природным данным и не допускать проникновения в государство двух социальных зол: богатства и бедности (поскольку первое ведет к роскоши и лени, второе – к низостям и злодеяниям) [2, с. 191]. Платон обращает особое внимание на духовно-нравственные основы жизни в государстве: мудрость (здоровые решения), мужество как гражданское свойство, рассудительность, подобная некоей гармонии, и справедливость, которая состоит в том, что каждый занимается своим делом. Справедливый человек несколько не отличается от справедливого государства, где три различных по природе сословия выполняют свои социальные обязанности [2, с. 219–221].

Согласно Аристотелю основополагающим структурным признаком государства является общение, которое организуется ради какого-либо блага. Все взаимодействия стремятся к этому или иному благу, но больше других к высшему из благ стремится то общение, которое наиболее важно. Оно, по его словам, называется государством, или общением политическим. Государство есть общение свободных людей [3, с. 376, 456], имеющее естественное происхождение. Его возникновение вызвано несколькими причинами: 1) человек по своей природе есть существо политическое, в силу чего даже те люди, которые несколько не нуждаются во взаимопомощи, безотчетно стремятся к совместному жительству; 2) к нему людей побуждает сознание общей пользы; 3) люди объединяются ради самой жизни, так как в ней заключается некое благоденствие и естественная сладость [3, с. 455].

Основу организации социальной жизни, по убеждению Аристотеля, составляют законы. Мыслитель задает риторический вопрос: «Под какой властью полезнее находиться: под властью лучшего мужа или лучших законов?» [3, с. 477]. И отвечает: поскольку закон беспристрастен, предпочтительнее, чтобы властвовал он, а не кто-либо из среды граждан. На контраргумент, что закон не в состоянии преду-

смотреть все возможные случаи, возражает, что и человек не в силах их предугадать. Зато в закон можно вносить поправки, если опыт покажет их необходимость. Главное преимущество закона состоит в том, что он представляет собой свободный от безотчетных позывов разум [3, с. 481–482]. Аристотель выделяет нравственные основы государства (наряду с законодательными основаниями), когда рассуждает о добродетели гражданина и раскрывает содержание понятия «справедливость». Добродетель гражданина заключается в умении властвовать и быть подвластным. Справедливость, как писал Аристотель, представляет собой государственное благо, т. е. то, что служит общей пользе.

Формирование социально-экономических основ стабильного и справедливого государства Аристотель связывает со средним классом. Обосновывая такую позицию, он выделяет в социальной структуре государства три части населения: очень состоятельное, крайне неимущее и то, которое стоит между первым и вторым. Исходя из тезиса, что для каждого человека главное – это умеренность и средняя жизнь, философ считает, что «средний достаток из всех благ всего лучше» [3, с. 507]. При его наличии легче всего повиноваться доводам разума. Человеку сверхпрекрасному, сверхсильному, сверхзнатному, сверхбогатому или, наоборот, человеку сверхбедному, сверхслабому, сверхуниженному по своему общественному положению следовать этим доводам трудно [3, с. 507–508].

Автор теории общественного договора Т. Гоббс представил проблему социального порядка и обеспечивающих его действий людей в виде парадокса: как возможно общество, если «человек человеку волк»? Безопасность и порядок в обществе могут быть достигнуты только посредством договора, согласно которому каждый гражданин уступает часть своих естественных прав в пользу верховного суверена, получая взамен гарантии защиты жизни и собственности. Из этой позиции исходит гоббсовское определение государства как единого лица, ответственным за действия которого сделали себя множество людей (путем взаимного договора между собой), чтобы это лицо могло использовать их силу и средства так, как сочтет необходимым для мира и общей защиты людей [4, с. 133].

Раскрывая личностные основания заключения общественного договора, Т. Гоббс писал: «Страсти, делающие людей склонными к миру, есть страх смерти, желание вещей, необходимых для хорошей жизни, и надежда приобрести их своим трудолюбием. А разум подсказывает подходящие условия мира, на основе которых люди могут прийти к согласию. Эти условия суть то, что иначе называется естественными законами» [4, с. 155]. В числе естественных законов, т. е. норм поведения людей в общественной жизни, Т. Гоббс назвал следующие:

- искать мира и следовать ему, защищая себя всеми возможными средствами;
- довольствоваться такой степенью свободы по отношению к другим, какую допускают другие по отношению к себе (в случае готовности других к миру, если того требуют интересы самозащиты);
- выполнять заключенные ими соглашения;
- стремиться к тому, чтобы человек, который оказал благодеяние лишь из милости, не имел разумного основания раскаиваться в своей доброте;
- приносившиеся ко всем остальным;
- прощать прошлые обиды тем, кто, проявляя раскаяние, желает этого;
- сообразовываться при отмщении не с размерами совершенного зла, а с размерами того блага, которое должно последовать за отмщением;
- не показывать делом, словом, выражением лица или жестом неприязнь к другому;
- признавать других равными себе от природы;
- не требовать при вступлении в договор предоставления себе какого-либо преимущественного права, на обеспечение которого другому человеку не согласился бы;
- рассудить спор между людьми беспристрастно;
- использовать неделимые вещи сообща, если это возможно, и без ограничений, если количество вещей позволяет, а в противном случае, – пропорционально числу тех, кто имеет на них право;
- устанавливать поочередное пользование либо первоочередное владение и пользование по жребию при равном праве владения (жеребий может быть двоякого рода: первый – установленный, т. е. тот, который устанавливается соглашением сторон, второй – не установленный, или естественный, возникающий в результате, например, первородства);
- давать гарантии неприкосновенности тем, кто является посредниками мира;
- не быть судьей самого себя;
- подчиняться решению арбитра в случае спора;
- не быть судьей в деле, в котором в силу естественных причин имеешь пристрастие;
- выслушивать аргументы всех сторон в судебном разбирательстве [4, с. 156–182].

Основоположники социологической науки пытались дать свои объяснения проблемы порядка в том виде, в каком ее сформулировал Т. Гоббс, т. е. почему возможно существование общества, организованной общественной жизни.

У О. Конта особую роль в организации общественной жизни играет рост социального чувства. Говоря об этом процессе, он выделял эгоистические, семейные и социальные инстинкты (чувства) человека. В «эпоху детства человеческой жизни» [5, с. 81] основную роль, по его словам, играли инстинкты, относящиеся к поддержанию материальной жизни. Уменьшение влияния эгоистических инстинктов и пробуждение социальных чувств происходило по

мере возрастания значения разума, вырабатывающего определенные правила поведения, хотя личные инстинкты преобладали и будут преобладать всегда. Ничего порочного в этом нет. «В самом деле...каким образом тот, кто не любил себя, мог бы любить другого? Нужно опасаться только слишком слабой интенсивности социальных чувств» [5, с. 81–82]. Развитие ума равносильно возрастанию инстинктов доброжелательства, потому что оно усиливает власть человека над страстями и делает более отчетливым и живым сознание зависимости от общества. Оно же дает перевес чувствам симпатии, устраняя эгоистические мотивы и внушая любовь к порядку, способную содействовать сохранению социальной гармонии.

Посредником между индивидом и родом выступает семья. Именно в ней человек начинает выходить за пределы своей личности и приучается жить для других. О. Конт отводил особую роль женщинам, которые, отличаясь развитостью чувства симпатии и общительностью, призваны изменять слишком холодное и грубое направление мужского ума, вызывать смягчающие социальные инстинкты. Для детей семья является школой социальной жизни, вырабатывающей способность к повиновению и управлению. Привычка к кооперативной деятельности также развивает социальные инстинкты, вызывая чувство зависимости от других и сознание личного значения. Это происходит более интенсивно, когда работа распределена таким образом, что каждый занимается тем, к чему имеет склонность и к чему лучше подготовлен. Вместе с выгодами специализации возрастают ее неудобства. В результате дифференциации людей по профессиональному признаку социальные чувства распространяются только на лиц одинаковой профессии. Вызванные разделением труда умственные и нравственные различия между людьми требуют постоянной дисциплины, способной предупредить или сдержать разлад между ними. Обеспечение порядка – функция государства [5, с. 83, 89].

Г. Спенсер, исходя из особенностей механизма регуляции общественной жизни, выделил военные и индустриальные общества. «Характерной чертой военных обществ является принуждение... Сотрудничество, за счет которого поддерживается жизнь в военном обществе, является принудительным сотрудничеством»¹ [6, с. 58–59]. Общество индустриального типа, напротив, характеризуется «индивидуальной свободой, которую подразумевает любая коммерческая сделка. Сотрудничество, за счет которого существует многообразная активность общества, становится добровольным сотрудничеством» [7, с. 569].

Ф. Тённис ставил механизм участия в социальной жизни в зависимость от общинного или общественного характера связей и отношений. Основу социальной организации при общинных (общностных) отношениях составляют общие эмоциональ-

ные переживания, личная привязанность и душевная склонность, а именно, собственно родовые или кровно-родовые отношения; отношения соседства (совместное проживание), свойственные брачной и в узком смысле слова семейной жизни, однако в трактовке имеющие более широкий смысл; отношения дружбы, основывающиеся на сознании духовной близости или родства, поскольку такое сознание постулировано или положено в основу какого-либо рода совместной жизни. Сущностью общественных отношений является рациональная реализация личных интересов, заключающаяся «в сознании полезности или ценности, которой обладает, может обладать или будет обладать один человек для другого и которую этот другой обнаруживает, воспринимает и осознать. Отношения такого рода имеют, следовательно, рациональную структуру» [8, с. 464].

Э. Дюркгейм считал социальную солидарность универсальной ценностью, объединяющей людей. Он проводил различие между механической и органической солидарностью. Первая господствует в неразвитых, архаических обществах. Она определяется сходством, подобием составляющих их индивидов, неразвитостью индивидуальных черт, одинаковостью исполняемых ими общественных функций. Возникновение органической солидарности Э. Дюркгейм связывал с разделением труда, под которым понимал профессиональную специализацию. Этот процесс все чаще исполняет роль, «которую... некогда исполняло общее сознание; оно главным образом удерживает вместе социальные агрегаты высших типов» [9, с. 181].

Важный элемент социальной солидарности – коллективные представления, образующие в совокупности коллективное, или общее, сознание. Его отличительным признаком является выражение социальных сходств. Оно существует независимо от индивидов и способно оказывать на них внешнее принуждение. Давая ему определение, Э. Дюркгейм писал: «Совокупность верований и чувств, общих в среднем членам одного и того же общества, образует определенную систему, имеющую свою собственную жизнь; ее можно назвать коллективным или общим сознанием». Оно «нечто совершенно иное, чем частные сознания, хотя и осуществляется только в индивидах. Оно – психический тип общества» [9, с. 87].

М. Вебер связывает существование организованной общественной жизни с тем, что социальное поведение индивидов исходит из их представления о существовании легитимного порядка, т. е. власти, которая признается управляемыми, имеет шанс встретить повиновение с их стороны. «Современное государство, по его высказыванию, в значительной степени функционирует как комплекс специфических совместных действий людей потому, что

¹Здесь и далее перевод наш. – А. Р.

определенные люди ориентируют свои действия на представление, что оно существует или должно существовать» [10, с. 614–615]. Легитимные типы господства М. Вебер выделяет исходя из мотивов повиновения власти. Трем таким мотивам соответствуют три типа господства. Традиционный тип господства обусловлен нравами, привычкой к определенному поведению. Он основывается на вере в законность и священность издревле существующих порядков, личной преданности господину. Харизматическое господство опирается на преданность и доверие к личности вождя, обладающего харизмой. Легальный тип господства в качестве мотива уступчивости имеет соображения интереса. Осуществляется такое господство посредством строгого соблюдения законов [10, с. 636–643].

В начале XX в. новым объяснением оснований и механизма выполнения людьми своих социальных функций и обязанностей стала ролевая теория личности. Базовые понятия этой теории – «социальная роль» и «социальный статус». Понятие «социальная роль» ввел Дж. Морено. Различия между ролью и статусом установил Р. Линтон. Социальный статус – это позиция человека в обществе, которой соответствует определенная совокупность прав и обязанностей. Люди имеют несколько статусов (половой, возрастной, семейный, образовательный, профессиональный, экономический, политический и др.). Реализуя права и выполняя обязанности, свойственные занимаемому статусу, личность играет определенную социальную роль. Т. Парсонс классифицировал социальные роли по пяти критериям: по степени эмоциональности (отношения родители – дети или продавцы – покупатели), способу получения (предписанные и достигнутые роли), масштаб охватываемых взаимоотношений (взаимоотношения родственников или пассажиров общественного транспорта), степени формализации (дружеские или служебные отношения) и мотивации. Совокупность ролей образует ролевые сети.

Определяющее значение в принятии индивидом на себя той или иной социальной роли отводится экспектациям (социальным ожиданиям). Выделяют три класса экспектаций: экспектации, заложенные в сценарии, экспектации других актеров, экспектации аудитории. Первые представлены нормами поведения, вторые – требованиями других лиц, третьи – оценками личностей, обладающих статусом референтных (авторитетных) групп.

Отчасти альтернативной методологической позиции для объяснения социальных действий человека придерживался Ч. Х. Кули, основатель концепции зеркального Я. Он исходил из того, что главную

роль в их осуществлении играет зеркальное Я, которое формируется у человека на основе множества его взаимодействий (интеракций). Эта концепция, считал Ч. Х. Кули, состоит из трех компонентов:

- представления о том, каким я кажусь другому человеку, как люди воспринимают меня;
- представления о том, как они оценивают мой образ;
- вытекающего из данной самооценки специфического самочувствия типа гордости или унижения и моих ответных действий².

Развивая эти идеи, Дж. Г. Мид отвел решающую роль в формировании у индивида представлений о своем Я не мнению отдельных людей, а некоему обобщенному Другому, т. е. коллективной установке организованного сообщества или социальной группы³.

В конечном счете становление Я связывается с тремя основными механизмами: сравнением себя с другими людьми (социальным сравнением); усвоением субъектом оценки его другими; самоанализом (саморефлексией), в частности самоатрибуцией (лат. *attributio* – приписывание), т. е. пониманием и объяснением причин своего поведения.

Упорядоченность повседневных действий и взаимодействий можно объяснить, используя введенные Э. Гидденсом понятия «рефлексивный мониторинг действия» и «рационализация действия». Первое обозначает, что люди постоянно отслеживают ход своей деятельности, действия других, физические и социальные условия и ожидают, что те поступают аналогично. Под рационализацией действия понимается способность человека осознавать основания своей деятельности, а также его ожидания относительно того, что и другие «в состоянии объяснить, что они делают, если их спросить об этом» [11, с. 44].

Еще один подход к объяснению упорядоченности социальной жизни предложили П. Л. Бергер и Т. Лукман. Они подчеркивают, что в основе организованной жизни людей лежит типизация повторяющихся успешных человеческих действий. Любой институционализации, т. е. формированию социальных институтов и усвоению людьми своих социальных ролей, предшествует хабиитуализация (опривычивание человеческой деятельности). Живучесть и сила привычки коренятся в том, что часто повторяемое действие воспроизводится с экономией усилий и освобождает человека от бремени принятия решений в ситуации неопределенности, принося ему тем самым психологическое облегчение и освобождая энергию для инноваций [12, с. 89–91]. Как представляется, именно хабиитуализация преимущественно лежит в основе традиционных социальных действий.

²Кули Ч. Х. Первичные группы // Амер. соц. мысль / под ред. Добренкова В. И. М. : Изд-во МГУ, 1994. С. 330–335 ; Он же. Социальная самость // Там же. С. 316–329.

³Мид Дж. Азия // Там же. С. 228–230.

Анализ имеющихся объяснений природы и институционализации социальной жизни показал, что она возможна прежде всего потому, что люди осознают полезность совместного существования для реализации своих потребностей и интересов, обосновывая рассуждениями разума необходимость следования общим нормам и соблюдения ограничений в поведении. Платон исходил из того, что потребности людей создают государство. Каждый человек не может удовлетворить их сам, поэтому люди собираются, чтобы оказывать друг другу помощь. Аристотель считал, что к совместной жизни человек стремится из сознания общей пользы и благоденствия, заключенного в ней. В новое время Т. Гоббс, отвечая на вопрос о том, как возможно существование общества, если «человек человеку волк», также находил ответ в интересах и рассуждениях людей, заключающих ради безопасности договор, согласно которому каждый гражданин уступает часть своих естественных прав в пользу верховного суверена, получая взамен гарантии защиты жизни и собственности.

О. Конт связывал развитие социального чувства с развитием ума, которое усиливает власть человека над страстями и делает более отчетливым и живым сознание зависимости от общества. Об организации жизни в обществе индустриального типа на основе добровольного сотрудничества писал Г. Спенсер. Доминирование в условиях общественных отношений рациональной реализации личных интересов отмечал Ф. Тённис. На легальном типе господства, при котором признание легитимности власти и повиновение ей исходит из обоснованных разумом соображений интереса, было основано, по мнению М. Вебера, современное ему капиталистическое общество.

Отдельный блок поднятых вопросов касается организационной структуры социальной жизни, охватывающей ее экономические, правовые и нравственные основы. Платон думал, что разделение труда – фундамент коллективного существования. Аристотель организационной основой жизни в государстве считал законы, а его социально-экономическую стабильность и справедливость ассоциировал со средним классом. Спустя более чем два тысячелетия Э. Дюркгейм универсальной ценностью, объединяющей людей, назвал основанную на разделении труда социальную солидарность. Конфуций, выделяя нравственные основы социальной

жизни, разработал учение о сыновней почтительности, согласно которому молодые люди вне дома должны показывать уважительность к старшим, как дома – почтительность к родителям. Согласно Платону духовно-нравственные основы жизни в государстве включают мудрость, мужество как гражданское свойство, рассудительность и справедливость, которая состоит в том, что каждый занимается своим делом. По выражению Аристотеля, добродетель гражданина проявляется в умении властвовать и быть подвластным.

В ролевой теории личности определяющее значение в принятии и исполнении индивидами социальных ролей (основа совместной жизни людей) отводится ожиданиям, иными словами, обычно неформализованным требованиям сообщества. Схожим образом, в теории зеркального Я такая функция принадлежит социальным интеракциям, в конечном счете – коллективной установке социальной группы (ожиданиям, требованиям и т. д.). Взаимные осознанные ожидания в отношении собственного поведения и поведения других Э. Гидденс выразил в понятиях «рефлексивный мониторинг действия» и «рационализация действия». Наконец, П. Л. Бергер и Т. Лукман обращают внимание на то, что в основе институционализации лежат привычки, в которые превращаются человеческие действия, показавшие эффективность. Силу такой привычки, судя по всему, приобрела и совместная жизнь, убедив в своей практической пользе ее участников.

Таким образом, социальная жизнь – это действия людей, которые ориентированы на ценности и нормы, составляющие основу социального порядка. Благодаря этим действиям обеспечивается предсказуемость поведения, его общественная целесообразность и взаимность в отношениях между людьми. Сознательное следование общим ценностям и нормам обусловлено главным образом тем, что люди осознают их полезность для реализации своих интересов. Регулятивными механизмами социально ориентированного поведения разными авторами принято считать следование нормам права и морали, признание легитимного характера власти, социальные ожидания, интеракции и хабиитуализацию. Очевидно, что они в совокупности участвуют в институционализации общественного порядка и основанной на нем совместной жизни людей.

Библиографические ссылки

1. Конфуций. Жизнь. Учение. Мысли, изречения, афоризмы. 3-е издание. Юрчук ВВ, составитель. Минск: Современное слово; 2003. 379 с.
2. Платон. Государство. В: Лосева АФ, редактор; Егунов АН, переводчик. Платон. Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Москва: Мысль; 1994. с. 79–420.
3. Аристотель. Политика. В: Доватур АИ, Кессиди ФХ, редакторы. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Том 4. Москва: Мысль; 1983. с. 375–644.

4. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. В: Гутерман А, переводчик. *Гоббс. Сочинения в двух томах. Том 2*. Москва: Мысль; 1991. с. 3–590.
5. Лосский Н, переводчик. *Социология Конта в изложении Риголажа*. Санкт-Петербург: Издательство Л. Ф. Пантелеева; 1898. 406 с.
6. Spencer H. *First principles*. New York: Appleton; 1896. 612 p.
7. Spencer H. *The principles of ethics. Volume I*. New York: Appleton; 1904. 572 p.
8. Tönnies F. Die Entstehung meiner Begriffe Gemeinschaft und Gesellschaft. *Kölner Zeitschrift für Soziologie*. 1955;7(3): 463–467.
9. Дюркгейм Э. *О разделении общественного труда*. Гофман АБ, переводчик. Москва: Канон; 1996. 432 с.
10. Вебер М. *Избранные произведения*. Давыдов ЮН, составитель. Москва: Прогресс; 1990. 808 с.
11. Гидденс Э. Элементы теории структуризации. В: Леденёва А, переводчик. *Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас*. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета; 1995. с. 40–80.
12. Бергер П, Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. Руткевич ЕД, переводчик. Москва: Медиум; 1995. 336 с.

References

1. Confucius. *Zhizn'. Uchenie. Mysli, izrecheniya, aforizmy* [A life. Teaching. Thoughts, sayings, aphorisms]. 3rd edition. Yurchuk VV, compiler. Minsk: Sovremennoe slovo; 2003. 379 p. Russian.
2. Plato. [State]. In: Loseva AF, editor; Egunov AN, translator. *Platon. Sobranie sochinenii. Tom 3* [Plato. Collected works. Volume 3]. Moscow: Mysl'; 1994. p. 79–420. Russian.
3. Aristotle. [Politics]. In: Dovatur AI, Kessidi FK, editors. *Aristotel'. Sochineniya v chetyrekh tomakh. Tom 4* [Aristotle. Works in four volumes. Volume 4]. Moscow: Mysl'; 1983. p. 375–644. Russian.
4. Hobbes T. [Leviathan, or Matter, form and power of the church and civil state]. In: Guterman A, translator. *Gobbs. Sochineniya v dvukh tomakh. Tom 2* [Hobbes. Works in two volumes. Volume 2]. Moscow: Mysl'; 1991. p. 3–590. Russian.
5. Losskii N, translator. *Sotsiologiya Konta v izlozhenii Rigolazha* [Sociology of Cont as presented by Rigolage]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo L. F. Panteleeva; 1898. 406 p. Russian.
6. Spencer H. *First principles*. New York: Appleton; 1896. 612 p.
7. Spencer H. *The principles of ethics. Volume I*. New York: Appleton; 1904. 572 p.
8. Tönnies F. Die Entstehung meiner Begriffe Gemeinschaft und Gesellschaft. *Kölner Zeitschrift für Soziologie*. 1955; 7(3):463–467.
9. Durkheim E. *De la division du travail social*. Paris: F. Alcan; 1893. 471 p.
Russian edition: Durkheim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda*. Gofman AB, translator. Moscow: Kanon; 1996. 432 p.
10. Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Davydov YuN, compiler. Moscow: Progress; 1990. 808 p. Russian.
11. Giddens E. [Elements of the theory of structuration]. In: Ledeneva A, translator. *Sovremennaya sotsial'naya teoriya: Burd'e, Giddens, Khabermas* [Modern social theory: Bourdieu, Giddens, Habermas]. Novosibirsk: Novosibirsk University Press; 1995. p. 40–80. Russian.
12. Berger P, Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. Rutkevich ED, translator. Moscow: Medium; 1995. 336 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 10.02.2022.
Received by editorial board 10.02.2022.

УДК 316.346.32-053.6(004.738.5)

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ, ЦИФРОВЫЕ РАЗРЫВЫ И МОДЕРНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Л. Г. ТИТАРЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Произведено сравнение уровней цифровых знаний и компетенций трех групп людей, проживающих в Минске (студенты, профессионалы с высшим образованием, горожане в целом), для выявления возможных цифровых разрывов между этими группами в условиях пандемии и влияния уровня цифровой грамотности студентов на перспективы дальнейшей модернизации высшего образования. На основе анализа результатов нескольких социологических исследований, проведенных в Минске, обнаружены основные факторы, способствующие росту цифровых знаний и компетенций таких групп горожан, как студенты, профессионалы с высшим образованием молодого и среднего возрастов, горожане того же возраста в целом. Раскрыты практические преимущества, которые дает цифровая грамотность этим группам по сравнению с горожанами старшего возраста. Научная значимость исследования состоит в демонстрации зависимости эффективности цифровой трансформации в целом и цифровой модернизации высшего образования в частности от уровня цифровой грамотности групп, включенных в эти процессы. Показано, что пандемия стимулировала развитие дистанционного обучения и косвенно способствовала цифровой модернизации в сфере высшего образования.

Ключевые слова: цифровая трансформация; модернизация высшего образования; пандемия; цифровые знания и компетенции; студенты; профессионалы; горожане; информационно-коммуникационные технологии (ИКТ); дистанционное обучение.

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (проект № Г21АРМ-020).

Образец цитирования:

Титаренко ЛГ. Цифровая трансформация, цифровые разрывы и модернизация высшего образования. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2022;2:26–32.

For citation:

Titarenko LG. Digital transformation, digital gap and modernisation of higher education. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2022;2:26–32. Russian.

Автор:

Лариса Григорьевна Титаренко – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Larissa G. Titarenko, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
larissa@bsu.by

DIGITAL TRANSFORMATION, DIGITAL GAP AND MODERNISATION OF HIGHER EDUCATION

L. G. TITARENKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaležnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The purpose of the article is to compare the levels of digital knowledge and competencies of three groups living in Minsk (students, specialists with higher education, and citizens as a whole). The task is to identify possible digital gaps between these groups in the context of a pandemic. Special focus is made on the impact of the students' level of digital literacy on the prospects for further modernisation of higher education. The main factors contributing to the growth of digital knowledge and competencies of the above-mentioned groups of citizens are identified. The digital literacy of these three groups are compared; digital gap between the younger generations and older urban residents are shown. The scientific significance of the study lies in demonstrating the dependence of the effectiveness of digital social transformation and digital modernisation of higher education on the level of digital literacy of these three groups. It is shown that the pandemic stimulated the development of distance learning and, indirectly, digital modernisation in higher education.

Keywords: digital transformation; modernisation of higher education; pandemic; digital knowledge and competences; students; professionals; city dwellers; information-communication technologies; distance learning.

Acknowledgements. The research was supported by the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research (project No. Г21APM-020).

Введение

Сегодня экономическое развитие и процветание любой страны во многом зависят от успехов современной научно-технической революции, называемой «Индустрия 4.0». Цифровизация экономики стимулировала создание особой цифровой парадигмы развития [1]. Ее неотъемлемой частью является цифровизация всех сфер жизни общества. Цифровая трансформация общества стала повсеместно признаваться одним из основных направлений современного научно-технического развития, в том числе в Беларуси. Активно ведутся разработки концепций социологии и философии интернета, издаются учебные пособия [2; 3]. Дальнейшее исследование разворачивания процессов цифровизации представляется значимым для науки и практики.

В цифровую трансформацию включена не только сфера экономики, но и другие сферы жизнедеятельности общества: финансовая, медицинская, торговая, досугово-развлекательная и т. д. Граждане, которые успешно осваивают цифровые технологии, активно пользуются различными услугами в этих сферах, тем более что в условиях пандемии часть из них стали небезопасны вне цифровой сферы. Приобретение цифровых компетенций в использовании социальных услуг способствует росту цифрового капитала населения, хотя и не в равной степени для разных групп [4].

В сфере высшего образования буквально все будущие специалисты нуждаются в знании цифровых технологий и цифровых компетенциях, востребованных в той профессии, которую они получают. Цифровые знания, компетенции, а также умение достигать с их помощью практических результатов

составляют основу цифровой грамотности населения [5]. Стремительный рост цифровизации привел к тому, что научить студентов всему необходимому в учреждении высшего образования уже не представляется возможным – и знания, и востребованные компетенции очень быстро меняются, причем в каждой сфере они имеют специфику использования. В современных учреждениях высшего образования учить студентов должны таким образом, чтобы они были способны самообучаться и получать дополнительные знания в том направлении, которое для них актуально в конкретной ситуации и в конкретный момент времени [6].

Предпосылкой успешной цифровой трансформации жизнедеятельности горожан является преодоление возможного информационного неравенства в уровне цифровой грамотности разных возрастных, образовательных, профессиональных групп городского населения. На основе исследований, проведенных в России и других странах, было выявлено, что главные факторы, определяющие цифровые разрывы, связаны с возрастом, образованием и с наличием в домохозяйстве (у пользователя) необходимой компьютерной техники [5, с. 28].

Цель статьи – выявить уровень цифровых знаний и компетенций студентов, квалифицированных профессионалов молодого и среднего возрастов, а также горожан того же возраста в целом. Все респонденты во время исследований проживали в Минске. Научная значимость статьи связана с необходимостью эффективной цифровой трансформации Беларуси, включая цифровую модернизацию обучения студенчества.

Материалы и методы исследования

В настоящем исследовании для сравнения цифровой грамотности разных групп горожан выбрана студенческая молодежь как важная группа в осуществлении эффективной цифровой трансформации высшего образования и подготовки квалифицированных специалистов для экономики. Вторым объектом исследования – группа специалистов молодого и среднего возрастов, работающих в сферах, где требуются цифровые знания и компетенции. Для выяснения различий в уровне цифровой грамотности квалифицированных специалистов и горожан в целом сформирована третья группа, которая включает жителей города тех же возрастных категорий независимо от их образования и занятости.

Для получения информации о знаниях и ИКТ-компетенциях студентов, специалистов, горожан в целом были использованы данные исследований, проведенных в 2021–2022 гг. Выбор Минска неслучаен. По данным статистики, в 2021 г. в городах Беларуси проживали 78 % населения. Минск – самый молодой город страны, который населяют 22 % граждан государства. В столице находятся предприятия – флагманы цифровизации¹. Таким образом, в исследо-

вательских целях сделан фокус только на Минске как модели развертывания цифровой трансформации.

Эмпирические данные о студентах вычленены из онлайн-опроса среди республиканских респондентов, который проводился в марте-апреле 2021 г. ($n = 753$ человека). Сведения о профессионалах с высшим образованием (группа включала лиц в возрасте 18–49 лет) взяты из онлайн-опроса занятого населения Минска, проведенного в феврале-марте 2021 г. ($n = 341$ человек). Данные о городском населении (в возрасте 17–45 лет) без корреляции с их образованием и занятостью выбраны из опроса, который был проведен в январе 2022 г. ($n = 222$ человека). Сравнение осуществлялось по одинаковым или сходным вопросам о цифровых знаниях, компетенциях и их использовании на практике.

В настоящей статье выдвинута гипотеза, что самый высокий уровень цифровой грамотности минчан будет репрезентирован студентами и профессионалами с высшим образованием. Цифровые разрывы будут иметь место между этими двумя группами, с одной стороны, и группой граждан старшего возраста (60 и более лет) независимо от их образования – с другой.

Результаты и их обсуждение

По данным российских исследований цифровизации, самый высокий уровень цифровой грамотности имеет российское студенчество [5, с. 53]. При вычислении этого уровня (согласно европейским методикам) учитывались такие показатели, как факт пользования компьютером и интернетом и его результаты, уровень знаний и навыков (компетенций) этих пользователей. В свою очередь, цифровой разрыв рассматривался как разделение между теми или иными социальными группами в цифровых доступе, возможностях и результатах [7]. Зарубежные исследования показали, что важными детерминантами этого разрыва выступают возраст и социально-экономические факторы [8].

В Беларуси по российским и европейским методикам уровень цифровой грамотности не измерялся, но его примерно можно выявить по сходным данным социологических исследований. Цифровая грамотность включает знания, навыки и компетенции работы с ИКТ, оценку ее результатов. В опросах настоящего исследования она измерялась по навыкам работы с ИКТ, частоте их использования, необходимости освоения новых ИКТ, их общей оценке.

Для цифровизации обучения бесспорным фактором ее ускорения стала пандемия, которая обусловила переход учреждений высшего образования на онлайн-методы обучения и активное внедрение

цифровых технологий, существенно повышающих инновационность образовательного процесса. В ранее проведенных автором настоящей статьи исследованиях было выявлено, что успехи цифровизации высшего образования определяются двумя группами факторов. Во-первых, это объективные факторы – наличие развитых технических условий, образовательных онлайн-программ и методик дистанционного обучения, организационная адаптация высшего образования к гибкому внедрению цифровых инноваций. Особо актуально иметь функциональные образовательные платформы и быстрый интернет. Во-вторых, субъективные факторы, в которые входят отношение субъектов процесса обучения (студентов и преподавателей) к цифровым инновациям, уровень цифровых компетенций субъектов, их психологическая адаптация к цифровизации, возможность ее использования для расширения средств самореализации [9]. По оценкам студентов минских учреждений высшего образования, большинство которых в той или иной степени в 2020–2021 гг. использовали методы дистанционного обучения, в новых условиях качество образования мало изменилось. Только 11 % опрошиваемых сказали, что качество ухудшилось, тогда как 18 % отметили его улучшение и более половины студентов признали, что в чем-то качество улучшилось, а в чем-то ухудшилось. Лишь 5 % не

¹Официальная статистика // Нац. стат. ком. Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika> (дата обращения: 15.01.2022).

смогли дать оценку качеству образования. Эти данные показывают, что пандемия действительно способствовала цифровизации обучения и росту ИКТ-знаний студентов. Оценка преподавателей была не столь оптимистична по той причине, что они были психологически и технически не подготовлены к переходу на цифровые методы в обучении. Поскольку значительная доля педагогов принадлежит к старшему поколению, такая критика вполне вписывается в оценку роли возрастного фактора в цифровизации, полученную из исследований других стран [5, с. 33]. Если эту проблему не решать, она может в какой-то мере стать барьером для дальнейшей цифровизации в сфере высшего образования.

Студенты высоко оценивают возможности и перспективы для развития дистанционного формата обучения. Около 75 % опрошенных отметили, что дистанционное обучение повышает доступность образования для студентов с особыми потребностями и дает возможность совмещать работу с учебой, более 60 % – что оно дает возможность получать знания в разных учреждениях высшего образования, оставаясь дома, а 58 % – что дистанционное обуче-

ние повышает гибкость учебного процесса и способствует росту цифровой грамотности студентов. Только 3 % студентов не увидели в этой форме никаких перспектив на будущее. Учащиеся высоко оценили возможности цифровых технологий для самореализации, построения карьеры, проведения досуга. Можно сделать вывод, что введение цифровых методов и технологий в процесс обучения повышает конкурентоспособность системы высшего образования, так как дает ему новые преимущества и не снижает его качества.

Сравним наличие наиболее актуальных ИКТ-навыков и знаний у двух активно использующих продукты цифровизации групп горожан – студенчества и специалистов с высшим образованием, занятых видами деятельности, которая требует цифровых знаний и компетенций. В табл. 1 представлена самооценка уровня умения работать с наиболее популярными цифровыми устройствами и технологиями, которую определили эти две группы горожан. Согласно подходу, принятому в России для определения цифровой грамотности, к таким навыкам относятся первые четыре позиции, показанные в табл. 1.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос:
«Насколько хорошо вы умеете работать со следующими цифровыми технологиями и устройствами?»

Table 1

Distribution of answers to the question:
«How well you are able to work with the following digital technologies and devices?»

Технологии, устройства	Среднее значение, балл	
	Студенты	Специалисты
Персональный компьютер, смартфон	4,7	4,5
Пакет <i>Microsoft Office</i>	4,3	4,0
Электронная почта	4,6	4,6
Поисковые системы (<i>Google</i> , Яндекс)	4,8	4,7
Приложения для видеоконференций (<i>Zoom</i> , <i>Webex</i>)	3,9	3,5
Облачные хранилища (<i>Google Disk</i> , <i>One Drive</i> , Яндекс Диск)	3,9	3,7

Примечания: 1. Приводится среднее значение ответа в баллах по пятибалльной шкале, где 1 – плохо, 5 – очень хорошо. 2. Данные взяты из архива автора.

Из табл. 1 видно, что уровни ИКТ-умений обучающихся и специалистов молодого и среднего поколений близки друг к другу, при этом студенты несколько превосходят специалистов по всем навыкам. Следовательно, студенты в период перехода на дистанционные методы обучения настолько хорошо овладели этими технологиями (или повысили имевшийся уровень), что превысили текущий уровень ИКТ-умений, зафиксированный у образованных

специалистов молодого и среднего возрастов. Необходимо сравнить то, насколько широко используются разными социальными группами горожан различные цифровые технологии и сервисы. Данный вопрос предполагает и фиксацию компетенций по использованию этих технологий, и получение практического результата (табл. 2). Как было отмечено, специалисты и горожане в целом представлены здесь молодым и средним поколениями.

Таблица 2

Распределение положительных ответов на вопрос:
«Используете ли вы следующие цифровые технологии, ресурсы, сервисы?», %

Table 2

Distribution of positive answers to the question:
«Do you use the following digital technologies, resources, services?», %

Ресурсы	Студенты	Специалисты	Горожане в целом
Социальные сети	99,6	94,4	91,0
Мессенджеры	99,6	99,1	92,3
Сервисы доставки продуктов питания	61,0	74,2	70,6
Сайты онлайн-покупок	91,4	88,6	71,9
Онлайн-запись к врачу, заказ талонов	70,0	59,6	76,9
Интернет-банкинг	97,5	96,2	93,2
Интернет-ТВ	65,0	58,1	63,3
Агрегаторы такси	79,0	66,0	63,3
Навигационные системы	97,5	95,9	88,7

Примечание. Данные взяты из архива автора.

Данные табл. 2 показывают, что по основным четырем позициям, включенным в цифровую грамотность (социальные сети, мессенджеры, интернет-банкинг, навигационные системы), разница уровней компетенций и использования технологий и сервисов в трех группах незначительна. По остальным позициям сильнее проявляются различия интересов, связанных с возрастом, финансами, ситуативными потребностями в покупках, медицинских услугах. По основным четырем позициям уровень цифровой грамотности горожан в целом ниже, чем у студентов и специалистов.

Однако если сравнить показатели использования выделенных в табл. 2 цифровых технологий и сервисов молодого и среднего поколения горожан, с одной стороны, и старшего поколения (тех, кому более 60 лет) – с другой, будет выявлен существенный цифровой разрыв, связанный с возрастом (и, возможно, с исключением значительной части этой группы из сферы занятости). По данным опроса, проведенного в январе 2022 г., только 30 % горожан старшего возраста используют социальные сети, 19 % – сайты для онлайн-покупок, 15 % – сайты доставки продуктов, более 30 % – навигационные системы и интернет-ТВ. Более половины респондентов используют такие ресурсы, как онлайн-запись к врачу (53 %), интернет-банкинг (72 %) и различные мессенджеры (78 %). Очевидно, что это самые востребованные услуги повседневной жизни для лиц данной возрастной группы в условиях пандемии. В большом городе такой цифровой разрыв поколений можно оценить как существенный. Он свидетельствует о наличии расту-

щего цифрового неравенства, которое может негативно влиять на последующую цифровизацию услуг для населения. Вероятно, в других типах поселений цифровой разрыв может быть значительно выше.

Результаты данных исследований подтвердили, что образование и возраст – это два главных фактора, определяющих потенциал включения горожан в процессы цифровой трансформации. Самый высокий уровень пользования ИКТ отмечается у студентов и лиц с высшим образованием. Начиная с группы представителей молодого поколения, каждая последующая возрастная группа демонстрирует более низкие уровни знания ИКТ и частоты использования цифровых услуг. Если в группе лиц 18–29 лет свободно владеют персональным компьютером 78 % респондентов, а 30–39 лет – 64 %, то в группе лиц старше 60 лет – только 25 %. Несколько раз в месяц сайты онлайн-покупок используют 47–48 % лиц от 18 до 49 лет и только 16 % лиц старше 60 лет. Самый популярный сервис среди старшего поколения – онлайн-банкинг, однако им могут пользоваться только те, кто имеет доступ к цифровым устройствам и владеет ИКТ-компетенциями [10].

Пандемия выявила цифровые разрывы и неравенства. Вынужденная ускоренная цифровизация под влиянием этой эпидемии привела к тому, что рост знаний и ИКТ-компетенций повысился у студентов и профессионалов, которые по роду деятельности нуждаются в использовании ИКТ. Те группы, которые не работают или чья работа не требует цифровых знаний, демонстрируют более низкий уровень обращения к цифровым услугам (даже в быту).

Цифровое неравенство – это реальная проблема. Недостаточно продуманная дальнейшая цифровизация социальных услуг в Минске (как и других местах) может усилить цифровое неравенство и цифровую дискриминацию тех групп горожан, которые не владеют цифровыми навыками на достаточном уровне и (или) не имеют в наличии цифровых устройств. Данный вывод подтверждают исследования зарубежных авторов, которые показали, что даже в государствах с хорошей инфраструктурой ИКТ отдельные категории граждан испытывают трудности

с получением большинства социальных услуг в цифровой форме [11].

Уровень цифровой грамотности студенчества, еще более выросший в период пандемии, и позитивное отношение к дистанционным методам обучения создали ресурсы для успешного продолжения цифровой модернизации высшего образования. Более того, есть основания полагать, что нынешние студенты по своим цифровым знаниям и компетенциям соответствуют тем цифровым запросам, которые их могут ожидать на будущих рабочих местах.

Заключение

Минск, как город с самым молодым и образованным населением страны, репрезентирует модель успешной цифровой трансформации в отношении студентов и профессионалов с высшим образованием. Выявленное отношение студентов к цифровой модернизации обучения весьма позитивно, что позволяет оценить перспективы продолжения этого процесса и в условиях пандемии, и после нее как высокие. Уровень цифровой грамотности специалистов молодого и среднего возрастов сопоставим с уровнем студентов. Обе эти группы – авангард цифровой трансформации.

Даже в Минске цифровой разрыв между старшим поколением и более молодыми горожанами очень велик. Старшее поколение горожан испытывают чув-

ство отчуждения, связанное с неумением использовать ИКТ в повседневной жизни, хотя прекрасно понимают преимущества, которые ИКТ могут им предоставить. Для уменьшения цифрового разрыва поколений нужно задействовать разные цифровые стратегии, внедрять в практику специальные программы для обучения данной части населения. Все это требует включения управленческих ресурсов властей города. Такие действия могут способствовать уменьшению цифровых разрывов и инклюзии старшего поколения в цифровизацию. Как справедливо писали специалисты по цифровой реальности Э. Шмидт и Дж. Коэн, «всеобщий доступ в сеть не решит проблему неравенства доходов, хотя и облегчит некоторые его наиболее трудноизлечимые следствия...» [12, с. 21].

Библиографические ссылки

1. Ивановская ИИ, Поснова МВ, редакторы. *Цифровизация как новая парадигма развития*. Петрозаводск: Новая наука; 2021. 53 с.
2. Ropolyi L. Proposal for a philosophy of the Internet. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2021;3:41–52.
3. Касьянов ВВ, Нечипуренко ВН. *Социология интернета*. Москва: Юрайт; 2019. 424 с.
4. Borodkina O, Sibirev V. The digital capital of social services consumers: factors of influence and the need for investment. *The Journal of Social Policy Studies*. 2021;1(19):129–142.
5. Дмитриева НЕ, Жулин АБ, Артамонов РЕ, Титов ЭА. *Оценка цифровой готовности населения России*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2021. 86 с.
6. Рубанов АВ, Белоусова АЕ, Подоляк ЕЕ, Сидоренко АП. Студент и интернет: опыт сравнительного социологического исследования. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2019;3:67–73.
7. Wei KK, Teo HH, Chan HC, Tan BCY. Conceptualising and testing a social cognitive model of the digital divide. *Information Systems Research*. 2011;22(1):170–187. DOI: 10.1287/isre.1090.0273.
8. Scheerder A, van Deursen A, van Dijk J. Determinants of Internet skills, uses and outcomes. A systematic review of the second- and third-level digital divide. *Telematics Inform*. 2017;34(8):1607–1624.
9. Титаренко ЛГ. Влияние цифровизации на учебно-воспитательный процесс: перспективы и риски. *Высшая школа*. 2022;1:3–8.
10. Титаренко ЛГ, Карапетян РВ. Цифровой город и цифровые компетенции горожан: тенденции развития (на материалах case study). В: Пинчук ИВ, редактор. *Социальные практики и развитие городской среды: урбанистика и инноватика. Материалы международной научно-практической конференции; 25–26 ноября 2021 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2021. с. 302–309.
11. Tuikka AM. Evaluating digitalisation of social services from the viewpoint of the citizen. In: Pappas IO, Mikalef P, Dwivedi YK, editors. *Digital transformation for a sustainable society in the 21st century. Revised selected papers; 2019 September 18–20; Trondheim, Norway*. Trondheim: Springer Nature Switzerland AG; 2020. p. 23–30. DOI: 10.1007/978-3-030-39634-3_3.
12. Шмидт Э, Коэн Дж. *Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств*. Москва: Манн, Иванов и Фербер; 2013. 368 с.

References

1. Ivanovskaya II, Posnova MV, editors. *Tsifrovizatsiya kak novaya paradigma razvitiya* [Digitalisation as a new development paradigm]. Petrozavodsk: Novaya nauka; 2021. 53 p. Russian.
2. Ropolyi L. Proposal for a philosophy of the Internet. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2021;3:41–52.
3. Kasyanov VV, Nechipurenko VN. *Sotsiologiya Interneta* [Sociology of Internet]. Moscow: Yurait; 2019. 424 p. Russian.
4. Borodkina O, Sibirev V. The digital capital of social services consumers: factors of influence and the need for investment. *The Journal of Social Policy Studies*. 2021;1(19):129–142.
5. Dmitrieva NE, Zhulin AB, Artamonov RE, Titov EA. *Otsenka tsifrovoy gotovnosti naseleniya Rossii* [Assessment of digital readiness of the population of Russia]. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2021. 86 p. Russian.
6. Rubanau AV, Belousova AE, Podolyak EE, Sidorenko AP. Student and Internet: attempt of comparative sociological research. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2019;3:67–73. Russian.
7. Wei KK, Teo HH, Chan HC, Tan BCY. Conceptualising and testing a social cognitive model of the digital divide. *Information Systems Research*. 2011;22(1):170–187. DOI: 10.1287/isre.1090.0273.
8. Scheerder A, van Deursen A, van Dijk J. Determinants of Internet skills, uses and outcomes. A systematic review of the second- and third-level digital divide. *Telematics Inform*. 2017;34(8):1607–1624.
9. Titarenko LG. [The impact of digitalisation on the educational process: prospects and risks]. *Vyshhejskaya shkola*. 2022;1:3–8. Russian.
10. Titarenko LG, Karapetyan RV. [Digital city and digital competences of citizens: development trends (based on case study materials)]. In: Pinchuk IV, editor. *Sotsial'nye praktiki i razvitie gorodskoi sredy: urbanistika i innovatika. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 25–26 noyabrya 2021 g.; Minsk, Belarus'* [Social practices and development of the urban environment: urban studies and innovation. Materials of the International scientific and practical conference; 2021 November 25–26; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2021. p. 302–309. Russian.
11. Tuikka AM. Evaluating digitalisation of social services from the viewpoint of the citizen. In: Pappas IO, Mikalef P, Dwivedi YK, editors. *Digital transformation for a sustainable society in the 21st century. Revised selected papers; 2019 September 18–20; Trondheim, Norway*. Trondheim: Springer Nature Switzerland AG; 2020. p. 23–30. DOI: 10.1007/978-3-030-39634-3_3.
12. Schmidt E, Cohen J. *The new digital age: reshaping the future of people, nations and business*. New York: Alfred A. Knopf Inc.; 2013. 336 p.
Russian edition: Schmidt E, Cohen J. *Novyi tsifrovoy mir. Kak tekhnologii menyayut zhizn' lyudei, modeli biznesa i ponyatie gosudarstv*. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber; 2013. 368 p.

Статья поступила в редколлегию 21.02.2022.
Received by editorial board 21.02.2022.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В XXI в.: ИЗМЕНЯЮЩИЕСЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ПРАКТИКИ ПУТЕШЕСТВИЯ

Т. В. БУРАК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Представлена характеристика основных направлений изменений социального института туризма и повседневности путешествия. Первая тенденция развития туризма – переход от доминирующего формата туризма как развлечения к распространению познавательных целей туристического выезда. Вторая тенденция маркирует возрастающее значение индивидуально ориентированных поездок, что связано с актуализацией потребности путешественников в опыте символического и нового соприсутствия, а также в поиске аутентичного содержания иной культуры. Логичным продолжением двух обозначенных векторов становится увеличение количества запросов на посещение стран с растущей экономикой. Формирование установок устойчивого туризма – ведущая тенденция XXI в. В условиях социальной неопределенности и коммуникативных ограничений, связанных с распространением коронавирусной инфекции COVID-19, также происходит активизация цифровой трансформации сферы туризма, не ограничиваясь уже привычными формами интернет-коммуникации на подготовительном и завершающем этапах поездки.

Ключевые слова: тенденции развития туризма; путешествие; познавательный туризм; индивидуализация туризма; устойчивый туризм; дигитализация туризма.

THE MAIN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF TOURISM IN THE 21st CENTURY: CHANGING INSTITUTIONAL RELATIONSHIPS AND TRAVEL PRACTICES

T. V. BURAK^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 200030, Belarus

The characteristic of the main directions of changes in the social institution of tourism and the everyday life of traveling are presented. The first tendency of tourism development is the transition from the dominant format of tourism as entertainment to the distribution of educational purposes of tourist travel. The second tendency marks the increasing importance of individually oriented trips, which is associated with the actualisation of travellers' needs for the experience of symbolic and new co-presence in the search for authentic content of another culture. A logical continuation of the two indicated vectors is the growing number of requests to visit those countries which have growing economies. Another trend that has been probably the leading one throughout the 21st century is the formation of sustainable tourism attitudes. In the conditions of social uncertainty and communication constraints associated with the spread of the coronavirus, there is also an activation of the digital transformation of the tourism sector, not limited to the already familiar forms of Internet communication at the preparatory and final stages of the trip.

Keywords: tourism development trends; travel; educational tourism; individualisation of tourism; sustainable tourism; digitalisation of tourism.

Образец цитирования:

Бурак ТВ. Основные тенденции развития туризма в XXI в.: изменяющиеся институциональные отношения и практики путешествия. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2022;2:33–40.

For citation:

Burak TV. The main trends in the development of tourism in the 21st century: changing institutional relationships and travel practices. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2022;2:33–40. Russian.

Автор:

Татьяна Викторовна Бурак – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Tatsiana V. Burak, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
buraktv@bsu.by

Введение

Область социальных отношений, непрерывно воспроизводимых в сферах туризма и путешествий, попадает в границы интереса социологов и междисциплинарных исследований. Когда принципы организации массового производства и потребления переносятся в сферу свободного времени, туристские выезды, будучи доступными сначала только привилегированным слоям общества, в XX–XXI вв. становятся популярной формой организации досуга современного человека. Действительно, страны, входящие в десятку лидеров по доходам от туристской отрасли, уделяют особое внимание разработке теории и практики туризма и применяют эмпирические данные для координации и взаимного контроля туристической индустрии, научно-исследовательских институтов и государства. В частности, швейцарские ученые Института исследований свободного времени и туризма при Бернском университете с 1980-х гг. осуществляют регулярные иссле-

дования тенденций развития взаимосвязей туризма и досуга. Идеологами и теоретиками этого научного направления стали Й. Криппендорф (J. Krippendorff) и Х. Мюллер (H. Müller).

В XXI в., как отмечается в докладе Генерального секретаря Всемирной туристской организации (*United Nations World Tourism Organisation* (UNWTO)); далее – ЮНВТО), устойчивый рост количества туристских поездок и развитие новых форм и направлений туризма наблюдаются после 2009 г.¹. Это, очевидно, означает, что на нынешнем этапе социальные факторы, последствия и формы путешествий претерпевали сильные изменения, поэтому требуется дальнейший поиск теоретических и практических подходов к их объяснению. В данной статье приводятся главные тенденции, характеризующие преобразования туризма XXI в., ставшего значимой областью экономики многих стран.

Теоретические основы исследования

Рассматриваемые направления изменения туризма выделены на основе анализа теоретических подходов, эмпирических данных социологических исследований и документов организаций.

Выделение общих векторов развития туристической сферы осуществлялось в соответствии со следующими документами ООН и ЮНВТО: «Доклад Генерального секретаря. Часть I: Нынешнее положение дел и проводимая деятельность; б) Концепция управления и приоритеты. На пути к 2030 году: сделать туризм более “умным”, конкурентоспособным и ответственным», «Концептуальная записка: COVID-19 и перестройка сектора туризма. Август 2020», «Программа устойчивого туризма», «Статистическое приложение. Барометр международного туризма ЮНВТО».

В качестве теоретической основы интерпретации выделенных трендов были использованы публикации ведущих зарубежных социологов, занимающихся объяснением происходящих на глобальном уровне преобразований социальных отношений и межкультурной коммуникации в зоне досуга и туризма (М. Венцковский (M. Więckowski), Э. Слабберт (E. Slabbert), Х. Мюллер, Дж. Стейнбах (J. Steinbach)).

Эмпирическим подкреплением рассматриваемых процессов послужили данные социологических исследований 2018–2021 гг. (компании BITKOM, *Forschungsinstitut für Freizeit und Tourismus*), проведенных в Германии – стране с наибольшим показателем международных туристских расходов среди всех европейских стран до 2020 г. и с осторожным отношением к цифровому экономическому поведению.

Результаты и их обсуждение

От развлекательного туризма к познавательному. Происходящие изменения туристической отрасли характеризуют динамику потребностей, мотивации и предпочтений в переходе от пассивной модели $3S^2$ (*sea – sun – sand*, солнце – море – песок) к активным формам туризма [1–2].

Наряду с популярным пляжным отдыхом интенсивно развиваются туристические направления, позволяющие реализовать большую активность по дру-

гой формуле – познание – эмоции – опыт [3]. Это означает, что при выборе поездки все большее значение приобретает стремление к путешествию-приключению, требующему непрерывного творческого поиска, вовлеченности и участия во взаимодействии с другой культурой. Несмотря на то что пассивный туризм привлекателен с точки зрения сохранения комфортных условий привычного потребления на отдыхе (привычные еда, предметы, правила пове-

¹Барометр международного туризма ЮНВТО. Статистическое приложение [Электронный ресурс]. URL: http://www.mf.rmat.ru/wyswyg/file/2018%20news/UNWTO_Barom18_01_January_Statistical_Annex_ru.pdf (дата обращения: 22.02.2022); World Tourism Barometer // UNWTO [Electronic resource]. URL: <https://www.e-unwto.org/toc/wtobarometerrus/20/2> (date of access: 14.04.2022); Доклад Генерального секретаря. Часть I [Электронный ресурс]. URL: http://cf.cdn.unwto.org/sites/all/files/pdf/ce108_5_b_management_vision_and_priorities_rev1_ru.pdf (дата обращения: 14.02.2022).

²Некоторые авторы выделяют модель $4S$ (*sea – sun – sand – sex*, солнце – море – песок – секс) (Л. Тёрнер (L. Turner), Дж. Эш (J. Ash)).

дения, интерьер и т. п.), сегодня туристы все чаще ожидают от поездки близкого знакомства с непривычным для их культуры (самобытная кухня, аутентичные предметы, ситуации, нормы чужой культуры). Главным ориентиром становятся полезный опыт и практики, которые удовлетворяют познавательные потребности туриста и основаны на непосредственном проживании ситуаций. Современный путешественник все больше ориентирован на приобретение новых знаний и переживаний путем сближения с самобытным содержанием иной культуры. Вместе с тем важными являются сохранение физического и психического состояния, практикование хобби. Совокупный эффект познавательного туризма – сильные впечатления, эмоционально окрашенные ценности и опыт соприсутствия. Так, ведущие позиции занимает туристическое направление, основанное на новых потребностях (в активном участии, сохранении культурного разнообразия, знакомстве с иной культурой). Распространению познавательного туризма способствуют новые мотивы посттуриста:

- реализация роли активного и непосредственно участвующего путешественника;
- открытие мира;
- обнаружение и понимание инаковости;
- желание приключений, переживаний, проживания и прочувствования.

Данная тенденция символизирует изменения практик путешествий в начале XXI в. и характеризует связи познавательных установок с ответственностью путешественника.

Частные варианты этой тенденции воплощаются в новых формах организованного туризма и самостоятельных путешествий, сочетающих варианты познавательного и развлекательного туристского продукта. Так, например, сформировались две концепции туризма. Первая основана на сочетании пяти требований – модель 5А (*attractions – amenities – accommodations – accessibility – activities*) [2]. Сегодня привлекательными для туристов являются предложения туристической индустрии, удовлетворяющие сразу несколько потребностей в пределах одного путешествия: наличие достопримечательностей, с которыми можно ознакомиться; обеспечение комфорта пребывания (наличие ресторанов, магазинов, тренажерного зала и т. д.); предоставление размещения (количество отелей в географической зоне пребывания и размер отеля); доступность достопримечательностей, зданий, транспорта, дестинации без физических и социальных ограничений, которая обеспечивается за счет универсальности инфраструктуры и туристского продукта [4]; возможность активности (виндсерфинг, дайвинг и т. п.). Вторая модель – туризм 3Е (*entertainment – excitement – education*) [2]. Выбор мотивационной формулы данного типа характеризует преобразование образа

жизни современного путешественника (посттуриста). Так, основной или дополнительной целью туристской поездки может быть образовательный момент: участие в научном мероприятии, изучение языка и даже посещение зоопарка, ботанического сада или музея. Главное, чтобы помимо познавательной потребности реализовывались принципы развлечения и возбуждения. В некоторых музеях путем интерактивных впечатлений от экспрессивного спектакля происходит знакомство, например, с законами физики или произведениями известного музыканта. Рассматриваемая тенденция представляет формирование спроса на «обучение через развлечение» [3]. Туристическая индустрия же откликается на новые потребности туристов в образовательном путешествии, предложениях различных обучающих программ, совмещенных с инсценированными, развлекательными мероприятиями.

Общими чертами обеих концепций туризма комбинаторного типа 5А и 3Е являются участие туристической индустрии в организации путешествия и размещение в туристской дестинации. Эти модели сильно сосредоточены также на потребностях в участии и чувственном опыте путешественника, поэтому туризм все больше стремится предоставлять культурно-развлекательную услугу.

Индивидуализация путешествий. Данную тенденцию удобно анализировать, используя два вида классификации: в зависимости от способа организации (организованные (путешественник не является субъектом, организующим поездку) и неорганизованные (самостоятельная подготовка туристского выезда) путешествия) и по количеству участников туристической активности (массовый, групповой и индивидуальный туризм).

Наряду с процессом усиления значения активно-познавательных форм туризма происходит переориентация на индивидуальные потребности и предпочтения в выборе способа организации поездки в другую местность. Сегодня все большую популярность приобретают индивидуальный организованный туризм и самостоятельное путешествие. Первое характеризуется активным участием субъектов туристической индустрии в формировании специального пакета туристических услуг в соответствии с индивидуальными желаниями путешественника, второе предполагает организацию путешествия практически без обращения к помощи агентств.

Тенденция индивидуализации характеризует не только изменение целей путешественника, но и закрепление ожиданий гибких предложений от туристских организаций. Постепенная переориентация на индивидуализированную модель туризма обусловлена прежде всего ростом доходов и уровня образования населения, изменением потребительских установок и ценностей. В коронавирусный период

формируется еще один фактор, способствующий развитию индивидуализированного выезда, – фактор безопасности. Так, по данным социологического исследования, в 2020 г. в Германии индивидуальные поездки увеличились на 30 % (по сравнению с предыдущим годом)³.

Эффективность традиционных форм массового туризма основывается на принципах предсказуемости (предоставление стандартного пакета услуг, готового типового продукта), коммерциализации (формирование нового рынка, в котором объекты культуры являются товаром, а турист становится клиентом и покупателем), коммодификации (превращение нетоваров в продукт массового потребления), унификации контроля в последовательности и характере отношений. В отличие от массового организованного туризма индивидуализированные формы отвечают за возрастающие потребности «значение – новизна – идентичность» (перевод наш. – Т. Б.) [2, S. 9]. Обнаружение и узнавание символического, самобытного содержания другой культуры; поиск новых переживаний, впечатлений и информации; формирование позитивной идентичности туриста, ищущего непосредственных взаимодействий и близкого соприсутствия – это основные ожидания нового типа путешественника, определяющие процессы развития индивидуально-ориентированного туризма.

Еще одним выразительным вектором рассматриваемой тенденции является возрастающее число самостоятельно организованных, свободных путешествий. Вместе с изменениями соотношения массового и индивидуального организованного туризма интенсивно формируется особый тип путешествия, которое осуществляется прежде всего с познавательными целями, как правило, в нетуристические места и (или) не по шаблонным, разработанным туристической индустрией, маршрутам. Но в сравнении с индивидуализированной туристской поездкой самостоятельное путешествие отличается осознанным отказом от посреднических услуг туристического агентства на всех этапах путешествия и намного более разнообразными комбинациями целевых установок.

Процесс индивидуализации путешествий, помимо познавательной мотивации, обнаруживает возрастающее значение новых критериев выбора:

- отказываться от готового решения (маршрута, времени, последовательности и т. п.), разработанного туристической индустрией, в пользу свободы выбора;
- выбирать поездки в небольшом составе;
- использовать нестандартные способы путешествия (например, в выборе транспорта или места расположения, ночлега);

- экономить [5].

Следует отметить, что индивидуализация далеко не всегда и необязательно коррелирует с экономией. Индивидуальные туры чаще обходятся дороже, чем групповые, да и самостоятельные путешествия обычно требуют намного больших финансовых вложений. На самом деле стремление минимизировать затраты не является существенной чертой индивидуализированных путешествий. Их привлекательность обусловлена, скорее всего, возможностью реализовать концепцию свободного перемещения, собственные цели, потребности и желания. Более того, в такого рода поездках самоценными всегда остаются процесс и вовлеченность. Иначе говоря, рассматриваемая тенденция свидетельствует об изменении отношения к путешествию и популяризации понимания его как повседневной практики. Новое значение путешествия предполагает восприятие всех его этапов в качестве важных составляющих процесса приключения. Поэтому, например, долгая дорога к месту назначения в самостоятельно организованном путешествии (в отличие от организованного туристского выезда) понимается не как простое физическое перемещение, не как технический переход и даже не как начало путешествия, а как существенная часть нелинейного дискретного процесса, необходимая для целостного понимания иной повседневности. При таком отношении к путешествию большую смысловую нагрузку имеют отклонения от запланированной программы и встречи с неожиданными событиями.

Формируется новая модель социальных отношений. В традиционной системе турист – туристическая индустрия созданное и запланированное заранее предложение определяет спрос, а в новой концепции туризма, наоборот, туристские потребности формируют последующие предложения. На уровне путешественника особое значение имеют независимость выбора от желаний группы, потребность в оригинальном маршруте. На уровне системы турист – местное население изменяется статус туриста. Вместо системы клиент – место, заданной потребительскими установками, формируется модель взаимных ориентаций между принимающей стороной (аутентичной культурой) и гостем [5].

Перераспределение туристских потоков: от туризма в развитые страны к туризму в страны с растущей экономикой. На протяжении XXI в. поток туристов в регионы с растущей экономикой увеличился более чем в 2 раза. Согласно данным Барометра международного туризма ЮНВТО на январь 2018 г. количество туристских прибытий в развивающиеся страны выросло с 250 млн. в 2000 г. до 597 млн. в 2017 г., а прирост в 2017 г. в сопоставлении с 2016 г.

³Reisemarkt Deutschland 2021: digitale und nachhaltige Aspekte [Elektronische Ressource]. URL: <https://tramino.s3.amazonaws.com/s/netzvitamine/1094778/netzvitamineinfografik-2021-2021-04-30-v10-aha.pdf> (Datum der Bewerbung: 18.02.2022).

составил 7,9 %. В этом же туристском направлении количество приехавших туристов в 2016 г. по сравнению с 2015 г. увеличилось всего на 2,7 %⁴. Количество туристских поездок в развитые страны также значительно выросло, но не такими темпами: с 430 млн. в 2000 г. до 724 млн. в 2017 г. Прирост туристов в 2016 г. по сравнению с 2015 г. составил 4,8 %, а в 2017 г. по сравнению с 2016 г. – 5,7 %⁵. Как видно, более динамичный рост потоков туристов имеют страны с развивающейся экономикой. Можно предположить, что тенденция, которая в большей степени определит формирование образа современного путешественника, будет связана с изменением популярного направления и маршрутов.

По краткосрочному прогнозу ЮНВТО (2017) будет увеличиваться поток туристов в Азию и Тихоокеанский регион, Африку и на Ближний Восток больше, чем в Европу. Для сравнения предполагалось увеличение доли туристов в европейские страны и Америку на 3,5–4,5 % в 2018 г., в Африку на 5–7 %, на Ближний Восток на 4–6 %⁶. Тенденция выражает переход от поиска близких и предсказуемых впечатлений к поиску нового и неожиданного опыта. Можно допустить, что это связано не только с темпами технологического развития, но и с изменением мотивации поиска информации в повседневном межкультурном общении.

Однако пандемия COVID-19 внесла свои коррективы, ударив по туризму в развитых и развивающихся странах. В ООН уже в середине 2020 г. обеспокоились прежде всего относительно туризма в наименее развитых и малых островных государствах с быстрорастущим сектором туристических услуг, но более уязвимых в условиях ограничений 2020–2021 гг.⁷ В начале 2022 г., по данным ЮНВТО⁸, наблюдался значительный рост статистических показателей туристических въездов (выездов) по сравнению с 2021 г. (число прибытий по всему миру увеличилось в 2 раза). Можно предположить, что перераспределение туристских потоков имеет отложенную перспективу.

От потребительского туризма к устойчивому.

Это направление изменений обусловлено потребностями общемирового пространства, осознающего наличие социально-значимых проблем глобально-локального характера и необходимость минимизации влияния туризма на окружающую природную и социокультурную среду. Для организации совместной деятельности по управлению негативными последствиями ЮНВТО в своих программных документах предлагает стратегию устойчивого развития туризма до 2030 г.⁹ Для ее разработки и реализации в 2000 г. был сформирован Комитет по устойчивому развитию туризма, который в 2013 г. был преобразован в Комитет по туризму и устойчивости.

В разных странах, заинтересованных в развитии международного туризма, разрабатываются проекты по обмену опытом и провозглашаются в контексте общих задач принципы устойчивого туризма¹⁰:

- сохранение культурного богатства;
- дружелюбное отношение туриста к принимающей культуре и поведение, не противоречащее нормативной структуре принимающей культуры;
- «зеленый» туризм и развитие туристской экономики без разрушения окружающей среды;
- отказ от потребительского отношения к природе;
- признание разнообразия развития разных культур;
- безопасное путешествие.

Социальные установки устойчивого туризма являются достаточно укоренившимися среди путешественников. По состоянию на начало 2020 г. немецкие путешественники считают проблему влияния туризма на окружающую среду и климат актуальной (67 %), а к наиболее острым формам негативных последствий туризма относят угрозу уничтожения природных, естественных территорий (47 %). Распространенный характер уже имеют понимание необходимости запрета внутренних авиарейсов (56 %) и восприятие случаев, предполагающих большое количество перелетов, как безответственных

⁴Reisemarkt Deutschland 2021: digitale und nachhaltige Aspekte [Elektronische Ressource]. URL: <https://tramino.s3.amazonaws.com/s/netzvitamine/1094778/netzvitamineinfografik-2021-2021-04-30-v10-aha.pdf> (Datum der Bewerbung: 18.02.2022).

⁵Барометр международного туризма ЮНВТО. Статистическое приложение [Электронный ресурс]. URL: http://www.mf.rmat.ru/wyswyg/file/2018%20news/UNWTO_Barom18_01_January_Statistical_Annex_ru.pdf (дата обращения: 22.02.2022); World Tourism Barometer // UNWTO [Electronic resource]. URL: <https://www.e-unwto.org/toc/wtobarometerrus/20/2> (date of access: 14.04.2022).

⁶Барометр международного туризма ЮНВТО. Статистическое приложение [Электронный ресурс]. URL: http://www.mf.rmat.ru/wyswyg/file/2018%20news/UNWTO_Barom18_01_January_Statistical_Annex_ru.pdf (дата обращения: 22.02.2022); World Tourism Barometer // UNWTO [Electronic resource]. URL: <https://www.e-unwto.org/toc/wtobarometerrus/20/2> (date of access: 14.04.2022).

⁷Там же.

⁸Концептуальная записка: COVID-19 и перестройка сектора туризма. Август 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/2020/10/policy_brief_covid-19_and_transforming_tourism_russian.pdf (дата обращения: 16.03.2022).

⁹World Tourism Barometer // UNWTO [Electronic resource]. URL: <https://www.e-unwto.org/toc/wtobarometerrus/20/2> (date of access: 14.04.2022).

¹⁰Доклад Генерального секретаря. Часть I [Электронный ресурс]. URL: http://cf.cdn.unwto.org/sites/all/files/pdf/ce108_5_b_management_vision_and_priorities_rev1_ru.pdf (дата обращения: 14.02.2022); Программа устойчивого туризма // UNWTO [Электронный ресурс]. URL: <http://cf.cdn.unwto.org/sites/all/files/docpdf/brochure10yfpstprus17oct2016.pdf> (дата обращения: 19.01.2021).

(39 %). На уровне поведения принципы ответственного туризма проявляются в нескольких реальных формах: отказ от посещения переполненных мест отдыха (54 %), стремление меньше путешествовать (41 %) или путешествовать по железной дороге (38 %), меньше летать (27 %) ¹¹. Однако следует учитывать, что в условиях ограничений, обусловленных возникновением коронавирусной инфекции COVID-19, достижение некоторых задач стратегии устойчивого развития туризма оказывается под угрозой [5]. Несмотря на это, стратегия устойчивого развития сохраняет свое значение и предполагает закрепление общей ориентации на взаимную ответственность всех участников сектора туристической индустрии.

Дигитализация туризма. Составляющими тенденциями цифровизации сфер отдыха, досуга и путешествий являются использование мобильных технологий для продажи туристических услуг (мобильный туризм) и формирование рынка замещенной и дополненной реальности (виртуальные путешествия, турист, туристическое агентство, дестинация и т. п.). Для людей уже вполне привычными стали такие формы туризма, как мобильный и виртуальный.

В период распространения коронавирусной инфекции COVID-19 тяжелый удар пришелся по туристической отрасли во всем мире. И здесь нужно говорить о медицинских, экономических и социальных рисках. Следует также обратить внимание на изменения туристического поведения, которое редуцировалось в 2020–2022 гг. в две основные формы: внутренний туризм как альтернатива и как вынужденный отложенный выезд (отказ от путешествий). Так, например, исследование *Urlaubsplanung 2021: Zwischen Reiselust und Maßnahmenfrust* показало, что среди австрийских граждан ($n = 1004$ человека), желающих путешествовать в 2021 г., сознательно планируют туристские поездки только по своей стране 27 %, вынужденно – 46 %. Отказываются вовсе от путешествий из-за невозможности выехать за пределы страны 33 % [6].

В контексте возникшего противоречия между устойчивым желанием путешествовать и невозможностью это делать особое значение с 2020 г. приобретает новый этап виртуализации и цифровой трансформации туризма. Основной задачей этих процессов становится уже не столько удовлетво-

рение потребности глобального общества в постепенной цифровизации всех сфер, сколько переформатирование концепции туризма, стремящегося к самосохранению в условиях жестких ограничений мобильности и падения показателей мирового туризма.

Предпосылкой для успешного противостояния новым вызовам могут стать уже сформированные установки путешественников к применению цифровых продуктов туристической отрасли, включая готовность пользоваться не только привычными туристическими приложениями и информационными онлайн-ресурсами для планирования поездки, но и новыми технологиями на всех этапах путешествия. Речь идет о потребностях туристов в инструментах дополненной и виртуальной реальности (приложения 3D-реальности и видео на 360°, очки виртуальной реальности), цифровых сервисах отелей, умных цифровых продуктах туристской активности и развлечений (для просмотра в прямом эфире музыкальных и спортивных мероприятий, мобильной симуляции развлечений и т. п.) ¹². В свою очередь, туристические компании откликаются на возникшие запросы туристов. В качестве успешного примера разработки цифрового предложения можно рассматривать платформу *Digitale Modellregion Soest* ¹³, благодаря которой виртуальное путешествие в город Зост (Германия) становится вполне реальным.

Цифровые установки путешественников сформировались еще до объявления пандемии COVID-19. По результатам социологического исследования 2018 г., немецкие путешественники ($n = 1012$ человек) уже были готовы в ближайшем будущем реализовывать следующие формы туристического поведения: отображение на дисплее достопримечательностей во время полета (71 %), использование технологии «умный отель» (69 %), инструментов виртуального путешествия (54 %) и дополненной реальности (52 %), видео в формате 360° (48 %) ¹⁴.

Вместе с тем принципы устойчивого туризма не перестают быть актуальными, они связаны с расширением цифровых установок. Это предположение подтверждается исследованиями путешественников в середине 2020 г.: практически половина граждан Германии убеждены, что цифровые технологии поддерживают принципы устойчивого туризма (49,4 %) ¹⁵, и предлагают использовать цифровую систему поощрения в отношении ответственного по-

¹¹Digitaler Tourismus 2020: so smart reisen die Deutschen [Elektronische Ressource]. URL: https://www.bitkom.org/sites/default/files/2020-03/bitkompräsentation_tourismus2020.pdf (Datum der Bewerbung: 14.02.2022).

¹²Augmented und virtual Reality. Potenziale und praktische Anwendung immersiver Technologien [Elektronische Ressource]. URL: https://www.bitkom.org/sites/main/files/2021-04/210330_if_ar_vr.pdf (Datum der Bewerbung: 22.03.2022).

¹³Digitale modellregion Soest [Elektronische Ressource]. URL: <https://digital-soest.de/> (date of access: 02.04.2022).

¹⁴Die Zukunft des Reisens ist digital [Elektronische Ressource]. URL: <https://www.bitkom.org/Presse/Presseinformation/Die-Zukunft-des-Reisens-ist-digital.html> (Datum der Bewerbung: 02.04.2022).

¹⁵Nationale Tourismusstrategie digital denken Bitkom-Handlungsempfehlungen für den Tourismusstandort Deutschland // Bitkom [Elektronische Ressource]. URL: https://www.bitkom.org/sites/default/files/2020-05/20200504_bitkom_positionspapier_nationale-tourismusstrategie-digital-denken.pdf (Datum der Bewerbung: 22.02.2022).

ведения в дестинации (41,0 %) ¹⁶. Это значит, что тенденция цифровизации туризма будет сильно коррелировать с принципами качества туристского опыта, социальной ответственности путешественника и туристической индустрии, которые, по прогнозу Х. Мюллера [7], будут определять развитие туристической отрасли.

Будущее туризма. Согласно прогнозам Института исследований свободного времени и туризма (Берн), сделанным еще в начале XXI в., здоровье, красота, производительность и устойчивость – главные приоритеты концепции будущего туризма.

Заключение

Выявленные тренды в совокупности демонстрируют возрастающее значение визуальности путешествий. Но это уже иная система межкультурного взаимодействия, основанная на принципах познания и открытия инаковости, свободы траектории путешествия, ответственности и использования цифровых технологий. Динамика пространственных перемещений и коммуникации в зоне туризма и путешествия обнаруживает переход от восприятия визуального опыта как контекста к преобладающему пониманию визуальности как самоцели, которое и делает путешествие путешествием. Вместо измерения декораций и потребительства новая визуальная культура мобильности устанавливает самоценное значение визуальных образов и формирует ответственность в области туризма. В результате развиваются направления и виды туристских поездок, которые предъявляют новые правила и практики межкультурного взаимодействия, предлагают современные статусы вовлеченности, требуя иных компетенций и социальных качеств от участников путешествия.

Все рассмотренные тенденции изменения туризма создают предпосылки развития новых форм взаимодействия между субъектами туристической индустрии, путешественниками и принимающей стороной. Однако на нынешнем этапе ведущей тенденцией, последствия которой еще не до конца осознаются обществом, становится процесс расширения цифровой инфраструктуры туризма, необходимый для перезагрузки туризма и возобновления его циклов. При этом следует понимать, что активизация внедрения информационных, мобильных, виртуальных и коммуникационных технологий в туристической сфере представляется возможной толь-

ко при условии закрепления цифровых установок среди потенциальных путешественников. Потребности и ценностные ориентации субъектов маркируют состояние туристической сферы. Выявленные преобразования, происходящие в сфере туризма, свидетельствуют, очевидно, об изменениях спроса и предложения в конкурентной среде и обусловлены процессами глобализации, цифровизации и визуализации. Но еще в большей степени они представляют изменившуюся структуру желаний, предпочтений и мотивов. Следовательно, общим основанием всех рассмотренных тенденций является трансформация структуры потребностей и ожиданий на групповом и индивидуальном уровнях, а также изменение статусно-ролевых моделей взаимодействия между путешествующими, принимающей культурой и туристической индустрией. В совокупности образ современного туриста сочетает сильное стремление к «близкому соприсутствию», осуществление познавательной, ответственной и экологичной межкультурной коммуникации в зоне путешествия и готовность к цифровизации всех этапов путешествия. С учетом перечисленных составляющих структуры потребностей посттуриста, можно предполагать, что постпандемический туризм в большей степени будет развивать не столько различные формы массового туризма, сколько индивидуально-ориентированные путешествия, помещенные в цифровую инфраструктуру. А это означает, что для понимания процессов будущей трансформации путешествия, в том числе в динамике до и после инфекции COVID-19, необходимы дальнейшие междисциплинарные исследования социальных отношений в сферах досуга и туризма.

Библиографические ссылки

1. Steinbach J. *Tourismus: Einführung in das räumlich-zeitliche System*. Berlin: De Gruyter Oldenbourg; 2003. 440 S.
2. Więckowski M. Przestrzeń turystyczna – próba nowego spojrzenia. *Turyzm*. 2014;24(1):17–24.
3. van Vuuren C, Slabbert E. Travel motivations and behaviour of tourists to a South African resort. *Tourism & Management Studies*. 2011;1:295–304.

¹⁶Digitaler Tourismus 2020: so smart reisen die Deutschen [Electronic resource]. URL: https://www.bitkom.org/sites/default/files/2020-03/bitkompräsentation_tourismus2020.pdf (date of access: 14.02.2022).

4. Мошняга ЕВ. Основные тенденции развития туризма в современном мире. *Вестник РМАТ*. 2013;3(9):20–33.
5. Kozłowski L, Brzyka A, Rudnicki R. Niskobudżetowa turystyka a indywidualna jako forma aktywności turystycznej. *Ekonomiczne Problemy Turystyki* [Internet]. 2016 [cytowane 12 grudnia 2021 r.];1(33):259–272. Dostępne na: <https://wnus.edu.pl/ept/file/article/view/4669.pdf>. DOI: 10.18276/ept.2016.1.33-21.
6. Zellmann P. Institut für Freizeit- und Tourismusforschung. Urlaubsplanung 2021: zwischen Reiselust und Maßnahmenfrust [Internet; zitiert am 14. Februar 2022]. Verfügbar für: <https://www.freizeitforschung.at/data/forschungsarchiv/2021/183.%20FT%201-2021%20Urlaubsplanung.pdf>.
7. Müller H. *Qualitätsorientiertes Tourismus-Management: Wege zu einer kontinuierlichen Weiterentwicklung*. Bern: Haupt UTB; 2004. 233 S.
8. Müller H, Weber F. 2030: der schweizer Tourismus im Klimawandel [Internet]. 2008 [zitiert am 14. Februar 2022]. 31 S. Verfügbar für: https://www.seco.admin.ch/dam/seco/de/dokumente/Standortfoerderung/Tourismus/Strategische%20Themen/Klimawandel/Klimawandel_2030_ST.pdf.download.pdf/2030%20-%20Der%20Schweizer%20Tourismus%20im%20Klimawandel.pdf.

References

1. Steinbach J. *Tourismus: Einführung in das räumlich-zeitliche System*. Berlin: De Gruyter Oldenbourg; 2003. 440 S.
2. Więckowski M. Przestrzeń turystyczna – próba nowego spojrzenia. *Turyzm*. 2014;24(1):17–24.
3. van Vuuren C, Slabbert E. Travel motivations and behaviour of tourists to a South African resort. *Tourism & Management Studies*. 2011;1:295–304.
4. Moshnyaga EV. [The main trends in the development of tourism in the modern world]. *Vestnik RMAТ*. 2013;3(9):20–33. Russian.
5. Kozłowski L, Brzyka A, Rudnicki R. Niskobudżetowa turystyka a indywidualna jako forma aktywności turystycznej. *Ekonomiczne Problemy Turystyki* [Internet]. 2016 [cytowane 12 grudnia 2021 r.];1(33):259–272. Dostępne na: <https://wnus.edu.pl/ept/file/article/view/4669.pdf>. DOI: 10.18276/ept.2016.1.33-21.
6. Zellmann P. Institut für Freizeit- und Tourismusforschung. Urlaubsplanung 2021: zwischen Reiselust und Maßnahmenfrust [Internet; zitiert am 14. Februar 2022]. Verfügbar für: <https://www.freizeitforschung.at/data/forschungsarchiv/2021/183.%20FT%201-2021%20Urlaubsplanung.pdf>.
7. Müller H. *Qualitätsorientiertes Tourismus-Management: Wege zu einer kontinuierlichen Weiterentwicklung*. Bern: Haupt UTB; 2004. 233 S.
8. Müller H, Weber F. 2030: der schweizer Tourismus im Klimawandel [Internet]. 2008 [zitiert am 14. Februar 2022]. 31 S. Verfügbar für: https://www.seco.admin.ch/dam/seco/de/dokumente/Standortfoerderung/Tourismus/Strategische%20Themen/Klimawandel/Klimawandel_2030_ST.pdf.download.pdf/2030%20-%20Der%20Schweizer%20Tourismus%20im%20Klimawandel.pdf.

Статья поступила в редколлегию 21.04.2022.
Received by editorial board 21.04.2022.

УДК 159.9:316.614:004.738.5:004.946

СОЦИАЛИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОНЛАЙН-РЕСУРСОВ

В. И. СЕМАК¹⁾

¹⁾Военная академия Республики Беларусь, пр. Независимости, 220, 220057, г. Минск, Беларусь

Обозначена проблема, связанная с использованием интернет-технологий современной молодежью в процессе социализации. Произведен анализ результатов научной деятельности в данном направлении. Показаны отдельные позитивные и негативные аспекты использования онлайн-ресурсов. Акцентируется внимание на амбивалентности научных данных и недостаточности научных сведений. Обозначены общие аспекты концепций сетевого индивидуализма и сетевого общества, теории киберсоциализации.

Ключевые слова: интернет; онлайн-ресурсы; социальные сети; современная молодежь; социализация; коммуникации; сознание; влияние.

SOCIALISATION OF THE MODERN YOUTH IN THE CONTEXT OF THE ONLINE RESOURCES USE

V. I. SEMAK^a

^aMilitary Academy of the Republic of Belarus, 220 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220057, Belarus

The article outlined the problem, associated with the use of the Internet technologies by modern youth in the process of socialisation. The analysis of the results of scientific activity in this direction is made. The separate positive and negative aspects of the using online resources are shown. Attention is focused on the ambivalence of the scientific data and the disadvantage of the scientific information. The general aspects of the concepts of network individualism and network society, the theory of cybersocialisation are outlined.

Keywords: Internet; online resources; social networks; modern youth; socialisation; communications; consciousness; influence.

По официальным данным Национального статистического комитета Республики Беларусь на конец 2019 г. на 100 человек населения страны приходилось 139 абонентов сети интернет¹. При этом из информации, предоставляемой в 2016 г. государственными

СМИ, «91 % белорусских пользователей интернета заходят в сеть ежедневно», среди молодежи этот показатель составлял 98 % [1]. Так, в настоящее время онлайн-ресурсы являются основным источником информации для современных молодых людей.

¹Количество абонентов сети Интернет на 100 человек населения // Офиц. интернет-портал Нац. стат. ком. Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/svyaz-i-informatsionno-kommunikatsionnye-tehnologii/graficheskiy-material-grafiki-diagrammy/kolichestvo-abonentov-seti-internet-na-100-chelovek-naseleniya/> (дата обращения: 20.01.2021).

Образец цитирования:

Семак В.И. Социализация современной молодежи в контексте использования онлайн-ресурсов. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2022;2:41–48.

For citation:

Semak V.I. Socialisation of the modern youth in the context of the online resources use. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2022;2:41–48. Russian.

Автор:

Вадим Иванович Семак – адъюнкт кафедры идеологической работы и социальных наук. Научный руководитель – кандидат психологических наук, доцент А. Г. Тицкий.

Author:

Vadzim I. Semak, adjunct at the department of ideological work and social sciences.
sotnik-1@mail.ru

В этой связи особую актуальность приобретает исследование особенностей и возможных последствий активного использования молодежью информационных продуктов через интернет. Целью данной статьи является теоретический анализ результатов научной деятельности, направленной на выявление последствий потребления интернет-технологий, отражающихся на сознании современной молодежи в процессе ее социализации. Раскрытые причинно-следственные связи могут обеспечить решение научной задачи по конструктивному, экологичному использованию интернет-сервисов в условиях информационного общества.

В научной литературе в обозначенном направлении встречаются различные точки зрения. Полученные в результате исследований данные характеризуются амбивалентностью. Единое мнение об истинных последствиях онлайн-взаимодействия (положительных или отрицательных) отсутствует [2, р. 80], что подчеркивает недостаточный, фрагментарный характер исследований в целом.

Существует утверждение, что при использовании компьютеров и информационных технологий современное поколение становится «как рука в перчатке»² [3, р. 216–217] – молодые люди «имеют плохую социальную связь и являются довольно изолированными индивидами» [4, р. 35–36]. По результатам исследований на ранних этапах развития Сети, отрицательная связь между использованием онлайн-ресурсов и временем, проведенным офлайн, объяснялась эффектом вытеснения интернета [5, р. 268].

Необходимо также понимать, что информационное пространство неотделимо от общего пространства социализации человека. Оно входит в общую «структуру поля социализации» [6, с. 94]. В условиях информационного общества, когда роль виртуального общения значительно возросла, стремление молодежи к освоению этого пространства приобретает нормальный характер, особенно если скорейшая интеграция в общие процессы информатизации и виртуализации обеспечивает эффективное социальное становление.

Многие молодые люди, которые привыкли с детства использовать возможности искусственного интеллекта в образовательном процессе [7, с. 8] и при проведении своего досуга [8, р. 23], мгновенно получать необходимую информацию и общаться между собой независимо от расстояния, естественно, по-иному воспринимают информационное пространство. Однако именно они стали «движущей силой внедрения новых технологий» [9, р. 3, 20, 35], появление которых неразрывно связано с потребностями современной науки [10, с. 180].

Исходя из того, что злоупотребление достижениями любого прогресса, в т. ч. информационного,

может привести к нежелательным эффектам, в настоящей статье рассматривается проблема влияния интернет-среды на сознание современной молодежи с учетом позитивных и негативных аспектов использования онлайн-ресурсов. Основное внимание при этом уделяется такой сфере социализации, как общение.

В наиболее общем виде отмечается, что интернет-потребление помогает развитию логического, прогностического и оперативного мышления, усиливает интеллектуальные способности при решении сложных и неординарных задач, положительно отражается на самооценке, уверенности в себе, формировании других личностных черт. Систематическое и чрезмерное использование возможностей интернета приводит к снижению интеллектуальных способностей при решении примитивных задач и гибкости познавательных процессов, риску формирования зависимого и деструктивного поведения и иной отрицательной деформации личностной структуры [7, с. 32–33].

Особенности построения коммуникации для взаимодействия в виртуальном пространстве отличаются исходя из возраста и социального опыта. Взрослые пользователи интернета считают киберпространство иллюзорным и, как правило, используют его для дополнения и восстановления нарушенной картины мира, а молодые люди нередко воспринимают виртуальную реальность как норму, средство создания своего мира, разнящегося с передаваемым от старшего поколения. При этом молодежь, получая опыт взаимодействия онлайн, не склонна придавать серьезное значение недополучению социального опыта в реальном мире [6, с. 92; 11, с. 26; 12, с. 109].

Легкодоступная и привлекательная интернет-среда позволяет человеку чувствовать себя социально активным, достигать поставленных целей, «экспериментировать с разными ролями и формами общения» [12, с. 110; 13, с. 412; 14, р. 447, 452, 454], отвлекаться от тревожных мыслей и избегать неудач, характерных для реальной действительности, легко сглаживать и устранять нежелательные последствия, «облегчать дисфорические настроения» [15, р. 352–353; 16, р. 513–514, 525; 17, р. 149; 18, р. 404], не опасаться «получения наказания от социальной среды» [19, р. 723], быть отвергнутым, поскольку можно замаскировать истинные данные о личности, воспользоваться анонимностью [20, с. 36]. Многообразие сетевых сообществ предоставляет возможность найти себе любую другую эксклюзивную виртуальную группу общения в случае неудачи [21, с. 35; 22, с. 56].

Как следствие, подавляющее большинство молодых людей оказались вовлечены в виртуальное

²Здесь и далее перевод наш. – В. С.

пространство³, особое место в котором занимает взаимодействие в социальных сетях [8, р. 36–40], ставших той важнейшей коммуникативной средой, «где реализуются фундаментальные возрастные изменения, связанные с социализацией» [23, с. 23–24, 33; 24]. При этом активность в данном направлении они начинают проявлять в подростковом возрасте [16, р. 512; 25, с. 118; 26, р. 2328–2338], когда «формирование и поддержание близких дружеских отношений являются обязательным условием здорового когнитивного, эмоционального и социального развития» [5, р. 267]. Для многих подростков социальная сеть выступает в качестве атрибута соответствия взрослости, социальной зрелости и помогает удовлетворить потребности в успехе, идентификации, повышении и поддержании социального статуса и самооценки⁴.

Авторами научных публикаций отмечаются как позитивные [27, с. 29–32; 28], так и негативные аспекты влияния сетевого взаимодействия. С одной стороны, на данном этапе взросления онлайн-коммуникация действительно предоставляет возможность проверить различные модели проявления своей индивидуальности [14, р. 447, 452, 454; 23, с. 26, 33–34], способствует решению реальных проблем общения. Например, закомплексованный человек, испытывающий серьезные трудности во взаимодействии с людьми, в социальной сети получает возможность полностью раскрепоститься, попробовать многообразные способы и тактики общения, получить навыки коммуникации, что поможет лучше ориентироваться во взаимоотношениях в реальной жизни [9, р. 73; 29, с. 1005–1006]. Позитивными аспектами личностного развития при общении онлайн считаются также повышение информированности, расширение круга общения, преодоление коммуникативного дефицита, обмен ситуативными эмоциональными состояниями в реальном времени, накопление «социального капитала» [16, р. 510, 511–513, 525–528] и «защищенность от наиболее грубых манипулятивных действий» [27, с. 32].

Кроме того, ученые отмечают, что в ситуациях, связанных с ощущением личностной неполноценности, виртуальная коммуникация позволяет компенсировать недостатки, трудности или дефицит реального социального взаимодействия [9, р. 40; 20, с. 36], психологические или физиологические комплексы неполноценности, межличностные конфликты, недостаточно развитые способности [3, р. 212–213; 5, р. 270; 24; 26, р. 2331; 28, с. 90; 30, с. 83].

Важно заметить, что в отдельных случаях использование социальных сетей объясняется той

необходимостью, когда онлайн-коммуникация является альтернативой личному взаимодействию и востребована по объективной причине физического отдаления, связанного с географическими ограничениями или изоляцией, а также с болезнью [16, р. 510–511; 31, р. 1017].

С другой стороны, частое общение в социальных сетях чревато быстрым привыканием к неограниченному пребыванию на данных аккаунтах, нецелесообразным использованием времени, нарушением биоритма в организме вследствие недосыпания, ухудшением зрения, расстройствами нервной системы и др. [32, с. 97]. Общение в киберпространстве неспособно восполнить дефицит непосредственного эмоционального общения [33, с. 100], вызванный в результате возможного снижения количества и качества контактов социального взаимодействия в реальности. При этом следует отметить, что отдельные авторы с высокой степенью вероятности допускают стимулирование реальных отношений, проявление эмоциональной близости в киберпространстве с продолжением отношений в реальности между потенциально близкими во многих направлениях людьми [5, р. 268, 274; 9, р. 72].

Злоупотребление «удобным инструментом коммуникаций» в решении проблем личного характера, при предупреждении конфликтных ситуаций и сглаживании переживаний социально-психологических кризисов может негативно отразиться на особенностях личностного развития и взаимодействии с настоящим окружением [12, с. 110–111]. В данном случае формирование искаженного понимания реального социального опыта приведет к обратному эффекту – замещению или усугублению существующих проблем [22, с. 56; 15, р. 353]. Их разрешение для личности, попавшей в подобную ситуацию (если она способна в реально-виртуальных отношениях своевременно расставить приоритеты и ограничения), представляется вероятным благодаря функционирующей сети естественной поддержки, что одновременно является серьезным барьером при выходе из киберпространства. В результате возникает риск дальнейшего нарушения реальных коммуникативных связей и углубления кризиса социальных отношений [3, р. 212–213; 34, с. 55–58].

Ввиду того, что в данном случае незавершенность процесса социального становления на одном этапе взросления может создать препятствия для последующих этапов, интернет выступает как инструмент социализации с сомнительными последствиями. При этом важно заметить, что использование социальных сетей не является первопричиной негативного результата процесса социализации молодых

³Лукина Н. А. Психологические особенности опосредованного Интернетом межличностного общения студентов : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07. Самара, 2013. 26 с.

⁴Безбогова М. С. Социальные сети как фактор формирования социальных установок современной молодежи : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05. М., 2017. 25 с.

людей, однако оно может усугублять существующие изъяны в индивидуальном и общественном становлении личности [23].

Недостаток социального опыта и соответствующих знаний, а также низкий уровень развития способностей к аналитической деятельности, не позволяющий спрогнозировать и своевременно предупредить определенные последствия интернет-влияния на психику, приводят к чрезмерно серьезному отношению личности к завязываемым связям в виртуальном пространстве. Последующее сосуществование человека в реальном и виртуальном мирах может обусловить утрату эмоций и чувств, потребность в рефлексии, возрастание вероятности отказа от смысложизненных ценностей и исканий [11, с. 22].

Уклонение от внешних стрессогенных факторов, «субъективное бегство от эмоциональных трудностей» [18, р. 405] или от кризисной ситуации в виртуальную среду вместо конструктивного их разрешения может привести в своеобразную зону отчуждения. При этом рассматривать киберпространство как такую зону можно только с позиции реального мира, потому что пользователь социальных сетей, не развивающий или потерявший в действительности некоторые или все реальные коммуникативные связи, может быть частью огромного виртуального мира, иметь в нем друзей и товарищей и субъективно ощущать себя в центре всеобщего внимания [3, р. 214; 9, р. 98; 21, с. 36].

Сознательно погружаясь в киберпространство, личность в подобной ситуации не замечает, что содержание ее бессознательного также проецируется в виртуальный мир, который посредством воображения наполняется глубоким смыслом. При постепенном ослабевании рефлексивной активности образ становится «ведущей составляющей представлений о социальном мире» [24], а виртуальная реальность более важной, чем жизнь во внешнем мире [35, с. 516].

Так, условия, созданные в объективной реальности, позволяют интернет-пользователям уйти от действительности и принятых стандартов общественной жизни, в которой они перестают принимать участие, в мир иллюзий и фантазий киберпространства, подвергая себя такому социальному явлению, как эскапизм [15, р. 353–354].

Именно высокий уровень общественного развития стимулирует через интернет данное социальное явление в новых формах своего проявления. Например, к концу XX в. эскапизм распространился среди молодежи, пристрастившейся к компьютерным играм, где им предоставлялась возможность быть не только наблюдателями или персонажами, но и создателями того или иного виртуального мира [36, с. 807; 37, с. 92–93, 119–120; 38; 39, р. 469]. Таким образом, в настоящее время на первый план выхо-

дят онлайн-игры, которые из-за отвлечения от решения актуальных жизненных задач повышают риск дезадаптивного поведения [22, с. 53].

Приобщение к субкультурам с узкой идентичностью, сетевым сообществам, живущим по своим правилам, также является своеобразным эскапизмом [36, с. 807]: приобретая *nickname*, т. е. псевдоним, посредством сетевой коммуникации личность получает ощущение привязанности к определенной виртуальной группе, которая, с одной стороны, навязывает свои правила, с другой – отторгает их и нормы традиционной культуры.

Рассмотреть подробно многие иные выявленные последствия злоупотребления интернет-технологиями, которые отражаются на сознании современной молодежи в процессе социализации, в рамках одной статьи трудно. Среди всего спектра проблем в обозначенном направлении (наряду с кратко рассмотренным отчуждением личности от общества и «самого себя») можно назвать следующие: формирование деструктивных моделей поведения, клипового мышления, интернет-зависимости и профилактику связанной с ней психосоциальной депривации личности.

Естественно, что у большинства представителей молодежи, которые активно участвуют в онлайн-коммуникации, но при этом ведут образ жизни, не предусматривающий сокращения количества реальных социальных связей, характер настоящего общения не меняется [24; 31, р. 1028]. Поэтому негативным последствиям от вовлечения в виртуальную реальность они подвержены в меньшей степени.

Следует отметить, что исследование обозначенной проблемы в настоящее время может осуществляться в рамках соответствующих концепций и теорий, например концепции сетевого индивидуализма Л. Райни и Б. Уэллмана. Она заключается в создании новой модели социальности, которая сводится к тому, что в современных условиях происходит освобождение индивидов от влияния традиционных социальных систем. При этом увеличивается влияние персональной социальной сети [40, с. 11]. Будущее сетевого индивидуализма, по мнению А. Микони, предполагает повсеместное внедрение виртуальной реальности в повседневную жизнь людей. Интеграция виртуальности и реальности должна будет привести к созданию «обобщенной дополненной реальности». Так исследователями понимается «социальная операционная система» Л. Райни и Б. Уэллмана [41, р. 955, 958].

Согласно концепции сетевого общества М. Кастельса интернет является инфраструктурой, которая обеспечивает поддержку сетей межличностных отношений и в рамках глобального процесса общественных изменений ускоряет сетевую организацию общества [42, р. 24–27]. Распространение коммуникационных сетей «в мультимодальном гипертексте»,

как считает ученый, способствует развитию сетевого общества [43, р. 239].

Концепции сетевого индивидуализма и сетевого общества носят междисциплинарный характер. В психологической науке наибольший интерес может представлять теория киберсоциализации В. А. Плешакова. Российский ученый считает, что динамичное развитие и внедрение информационно-коммуникационных технологий во все сферы жизнедеятельности общества выступают предпосылками появления «социально-психолого-педагогического феномена киберсоциализации человека» [44, с. 47]. Автор теории замечает, что в рамках информационного общества успех и успешность личности зависят от использования возможностей интернета. В. А. Плешаков обращает внимание, что проявляемая таким образом «эра инновационных технологий» способствует включению человека в процесс инновационного вида социализации (киберсоциализации), т. е. переходу человека от *homo sapiens* к *homo cyberus* [44, с. 47–49].

Р. М. Айсина и А. А. Нестерова в этой связи замечают, «что процессы киберсоциализации и традиционной социализации могут быть как взаимодополняющими, так и не согласующимися» [45, с. 43], в результате чего успешность в построении коммуникаций в виртуальном пространстве может сопровождаться дезадаптивными паттернами за

пределами интернет-среды. Ученые считают, что исследование различных векторов киберсоциализации молодежи имеет большое значение, и предлагают комплексный анализ эффектов и рисков социализации современных молодых людей в виртуальном пространстве, а также определяют на его основе типы и уровни киберсоциализации [45, с. 43–50].

Таким образом, использование онлайн-ресурсов современной молодежью в процессе социализации – многоаспектное явление, связанное с развитием информационного общества, обусловленное действительностью, способное оказывать влияние на сознание и определять поведение молодых людей в киберпространстве. Широкий спектр возможностей, доступность, простота и удобство использования интернет-технологий, а также экономия времени при работе с ними создали благоприятные условия для реализации потребностей молодежи в различных сферах интересов и деятельности. При этом привлекательная среда виртуального пространства создает предпосылки для чрезмерного приобщения личности к нему и злоупотребления различными сервисами. В интересах обеспечения гармоничного развития молодых людей, предупреждения негативных последствий данное явление требует системного научного внимания и контроля со стороны общества.

Библиографические ссылки

1. Костюкевич А. Онлайн каждый день. *СБ. Беларусь сегодня* [Интернет]. 2016 [процитировано 30 октября 2020 г.]. Доступно по: <https://www.sb.by/articles/onlayn-kazhdyy-den.html>.
2. Yang Shu Ching, Tung Chieh Ju. Comparison of Internet addicts and non-addicts in Taiwanese high school. *Computers in Human Behavior*. 2007;23(1):79–96. DOI: 10.1016/j.chb.2004.03.037.
3. Griffiths M. Does Internet and computer «addiction» exist? Some case study evidence. *CyberPsychology & Behaviour*. 2000;3(2):211–218. DOI: 10.1089/109493100316067.
4. Griffiths M. Internet «addiction»: an issue for clinical psychology? *Clinical Psychology Forum*. 1996;97:32–36.
5. Valkenburg PM, Peter J. Preadolescents' and adolescents' online communication and their closeness to friends. *Developmental Psychology*. 2007;43(2):267–277. DOI: 10.1037/0012-1649.43.2.267.
6. Марцинковская ТД. Информационное пространство как фактор социализации современных подростков. *Мир психологии*. 2010;3:90–102.
7. Юрьева ЛН, Больбот ТЮ. Компьютерная зависимость: формирование, диагностика, коррекция и профилактика. Днепрпетровск: Пороги; 2006. 196 с.
8. Livingstone S, Haddon L, Görzig A, Ólafsson K. *Risks and safety on the Internet: the perspective of European children: Full findings and policy implication from the EU kids online survey of 9–16 year olds and their parents in 25 countries*. London: EU Kids Online; 2011. 170 p.
9. Rosen DL. *Me, MySpace, and I: parenting the net generation*. New York: Palgrave Macmillan; 2007. 258 p.
10. Хасина ПЛ. «Круглый стол» на тему «Интернет и сознание». *Вопросы психологии*. 2007;1:179–182.
11. Баева ЛВ. Экзистенциальные риски информационной эпохи. *Информационное общество*. 2013;3:18–27.
12. Кондрашкин АВ, Хломов КД. Девиантное поведение подростков и интернет: изменение социальной ситуации. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2012;9(3):102–113.
13. Белинская ЕП, Жичкина АЕ. Современные исследования виртуальной коммуникации: проблемы, гипотезы, результаты. В: Собкин ВС, редактор. *Образование и информационная культура. Социологические аспекты. Труды по социологии образования. Том 5. Выпуск 7*. Москва: Институт социологии образования Российской академии образования; 2000. с. 395–430.
14. Manago AM, Graham MB, Greenfield PM, Salimkhan G. Self-presentation and gender on MySpace. *Journal of Applied Developmental Psychology*. 2008;29(6):446–458. DOI: 10.1016/j.appdev.2008.07.001.
15. Kardefelt-Winther D. A conceptual and methodological critique of internet addiction research: towards a model of compensatory internet use. *Computers in Human Behaviour*. 2014;31:351–354. DOI: 10.1016/j.chb.2013.10.059.
16. Lee Sook Jung. Online communication and adolescent social ties: who benefits more from Internet use? *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2009;14(3):509–531. DOI: 10.1111/j.1083-6101.2009.01451.x.

17. Leo Sang-Min Whang, Sujin Lee, Geun-Young Chang. Internet over-users' psychological profiles: a behaviour sampling analysis on Internet addiction. *CyberPsychology & Behaviour*. 2003;6(2):143–150. DOI:10.1089/109493103321640338.
18. Young KS. Internet addiction: a new clinical phenomenon and its consequences. *American Behavioral Scientist*. 2004;48(4):402–415. DOI: 10.1177/0002764204270278.
19. Caplan SE. A Social skill account of problematic Internet use. *Journal of Communication*. 2005;55(4):721–736. DOI: 10.1111/j.1460-2466.2005.tb03019.x.
20. Колесников ВН, Мельник ЮИ, Теплова ЛИ. Интернет-активность и проблемное использование интернета в юношеском возрасте. *Национальный психологический журнал*. 2019;1:34–46. DOI: 10.11621/npj.2019.0104.
21. Барышев РА, Румянцев МВ. Киберпространство как зона отчуждения. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: философия*. 2008;6(1):34–36.
22. Лажинцева ЕМ, Бочавер АА. Интернет как новая среда для проявления девиантного поведения подростка. *Вопросы психологии*. 2015;4:49–58.
23. Собкин ВС, Федотова АВ. Подросток в социальных сетях: к вопросу о социально-психологическом самочувствии. *Национальный психологический журнал*. 2018;3:23–36. DOI: 10.11621/npj.2018.0303.
24. Белинская ЕП. Информационная социализация подростков: опыт пользования социальными сетями и психологическое благополучие. *Психологические исследования* [Интернет]. 2013 [процитировано 28 июня 2020 г.];6(30). Доступно по: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/858>. DOI: 10.54359/ps.v6i30.679.
25. Кондрашкин АВ. Интернет в развитии современных подростков. *Психологическая наука и образование*. 2013;5(2):114–134.
26. van der Merwe P. Adolescence, Internet use, social adjustment and emotional intelligence. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2014;5(23):2327–2339.
27. Бабаева ЮД, Войскунский АЕ, Смыслова ОВ. Интернет: воздействие на личность. В: Войскунский АЕ, редактор. *Гуманитарные исследования в интернете*. Москва: Можайск-Терра; 2000. с. 11–39.
28. Чучкова ГС. О проблеме общения в виртуальной коммуникативной среде. *Омский научный вестник*. 2007;1:90–94.
29. Шахмартова ОМ, Болтага ЕЮ. Психологические аспекты общения в социальных сетях виртуальной реальности. *Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского*. 2011;24:1002–1008.
30. Васильева ИА, Осипова ЕМ, Петрова НН. Психологические аспекты применения информационных технологий. *Вопросы психологии*. 2002;3:80–88.
31. Kraut R, Patterson M, Lundmark V, Kiesler S, Mukopadhyay T, Scherlis W. Internet paradox: a social technology that reduced social involvement and psychological well-being? *American Psychologist*. 1998;53(9):1017–1031. DOI: 10.1037/0003-066x.53.9.1017.
32. Котлярова ВВ, Шубина ММ, Сысоева ОН. Молодежный экстремизм в социальных сетях: специфика и теоретическое осмысление. *Alma mater*. 2016;5:95–99. DOI: 10.20339/AM.05-16.095.
33. Цой НА. Феномен интернет-зависимости и одиночество. *Социологические исследования*. 2011;12:98–107.
34. Емелин ВА, Рассказова ЕИ, Тхостов АШ. Влияние информационных технологий на трансформацию совладающего поведения. *Вопросы психологии*. 2014;4:49–59.
35. Россохин АВ. Виртуальное счастье или виртуальная зависимость. В: Россохин АВ, Измагурова ВЛ. *Личность в измененных состояниях сознания в психоанализе и психотерапии*. Москва: Смысл; 2004. с. 516–523.
36. Гавриленко ВГ. *Национальная безопасность: энциклопедический словарь-справочник*. Минск: Право и экономика; 2014. 845 с.
37. Греков МА. *Феномен эскапизма в медианасыщенном обществе* [диссертация]. Омск: Курганский государственный университет; 2008. 131 с.
38. Войскунский АЕ. Групповая игровая деятельность в Интернете. *Cyberpsy* [Интернет; процитировано 28 июня 2020 г.]. Доступно по: https://cyberpsy.ru/articles/internet_games/.
39. Koo Dong Mo. The moderating role of locus of control on the links between experiential motives and intention to play online games. *Computers in Human Behaviour*. 2009;25(2):466–474. DOI: 10.1016/j.chb.2008.10.010.
40. Плотинский ЮМ. Парадигмы социальности в информационную эпоху. *Информационные ресурсы России*. 2015;1:10–13.
41. Miconi A. Lee Rainie and Barry Wellman. Networked: the new social operation system [book review]. *International Journal of Communication*. 2013;7:954–959.
42. Castells M. *Communication power*. New York: Oxford University Press; 2009. 571 p.
43. Castells M. Communication, power and counter-power in the network society. *International Journal of Communication*. 2007;1:238–266.
44. Плешаков ВА. Перспектива развития теории киберсоциализации человека в XXI веке. *Идеи и идеалы*. 2011;2(3):47–62.
45. Айсина РМ, Нестерова АА. Киберсоциализация молодежи в информационно-коммуникационном пространстве современного мира: эффекты и риски. *Социальная психология и общество*. 2019;10(4):42–57. DOI: 10.17759/sps.2019100404.

References

1. Kostyukevich A. Online every day. *SB. Belarus' segodnya* [Internet]. 2016 [cited 2020 October 30]. Available from: <https://www.sb.by/articles/onlayn-kazhdy-den.html>. Russian.
2. Yang Shu Ching, Tung Chieh Ju. Comparison of Internet addicts and non-addicts in Taiwanese high school. *Computers in Human Behavior*. 2007;23(1):79–96. DOI: 10.1016/j.chb.2004.03.037.
3. Griffiths M. Does Internet and computer «addiction» exist? Some case study evidence. *CyberPsychology & Behaviour*. 2000;3(2):211–218. DOI: 10.1089/109493100316067.

4. Griffiths M. Internet «addiction»: an issue for clinical psychology? *Clinical Psychology Forum*. 1996;97:32–36.
5. Valkenburg PM, Peter J. Preadolescents' and adolescents' online communication and their closeness to friends. *Developmental Psychology*. 2007;43(2):267–277. DOI: 10.1037/0012-1649.43.2.267.
6. Martsinkovskaya TD. [Information space as a factor of socialisation of modern teenagers]. *Mir psikhologii*. 2010;3:90–102. Russian.
7. Yur'eva LN, Bol'bot TYu. *Komp'yuternaya zavisimost': formirovanie, diagnostika, korrektsiya i profilaktika* [Computer addiction: formation, diagnosis, correction and prevention]. Dnepropetrovsk: Porogi; 2006. 196 p. Russian.
8. Livingstone S, Haddon L, Görzig A, Ólafsson K. *Risks and safety on the Internet: the perspective of European children: Full findings and policy implication from the EU Kids Online survey of 9–16 year olds and their parents in 25 countries*. London: EU Kids Online; 2011. 170 p.
9. Rosen DL. *Me, MySpace, and I: parenting the net generation*. New York: Palgrave Macmillan; 2007. 258 p.
10. Khasina PL. [«Round table» on the topic «Internet and consciousness»]. *Voprosy psikhologii*. 2007;1:179–182. Russian.
11. Baeva IV. [Existential risks of the information age]. *Informatsionnoe obshchestvo*. 2013;3:18–27. Russian.
12. Kondrashkin AV, Khomov KD. [Deviant behaviour of adolescents and the Internet: changing the social situation]. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2012;9(3):102–113. Russian.
13. Belinskaya EP, Zhichkina AE. [Modern research of virtual communication: problems, hypotheses, results]. In: Sobkin VS, editor. *Obrazovanie i informatsionnaya kul'tura. Sotsiologicheskie aspekty. Trudy po sotsiologii obrazovaniya. Tom 5. Vypusk 7* [Education and information culture. Sociological aspects. Works on the sociology of education. Volume 5. Issue 7]. Moscow: Institute of Sociology of Education of the Russian Academy of Education; 2000. p. 395–430. Russian.
14. Manago AM, Graham MB, Greenfield PM, Salimkhan G. Self-presentation and gender on MySpace. *Journal of Applied Developmental Psychology*. 2008;29(6):446–458. DOI: 10.1016/j.appdev.2008.07.001.
15. Kardefelt-Winther D. A conceptual and methodological critique of internet addiction research: towards a model of compensatory internet use. *Computers in Human Behaviour*. 2014;31:351–354. DOI: 10.1016/j.chb.2013.10.059.
16. Sook Jung Lee. Online communication and adolescent social ties: who benefits more from Internet use? *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2009;14(3):509–531. DOI: 10.1111/j.1083-6101.2009.01451.x.
17. Whang Leo Sang Min, Lee Sujin, Chang Geun Young. Internet over-users' psychological profiles: a behaviour sampling analysis on Internet addiction. *CyberPsychology & Behaviour*. 2003;6(2):143–150. DOI:10.1089/109493103321640338.
18. Young KS. Internet addiction: a new clinical phenomenon and its consequences. *American Behavioural Scientist*. 2004;48(4):402–415. DOI: 10.1177/0002764204270278.
19. Caplan SE. A Social skill account of problematic Internet use. *Journal of Communication*. 2005;55(4):721–736. DOI: 10.1111/j.1460-2466.2005.tb03019.x.
20. Kolesnikov VN, Melnik YuI, Teplova LI. Internet activity and problematic internet use in adolescence. *National Psychological Journal*. 2019;1:34–46. Russian. DOI: 10.11621/npj.2019.0104.
21. Baryshev RA, Rumyantsev MV. [Cyberspace as an alienation zone]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: filosofiya*. 2008;6(1):34–36. Russian.
22. Lazhintseva EM, Bocharov AA. [Internet as a new environment for the manifestation of deviant behaviour of a teenager]. *Voprosy psikhologii*. 2015;4:49–58. Russian.
23. Sobkin VS, Fedotova AV. Adolescent in social networks: on the issue of social psychological well-being. *National Psychological Journal*. 2018;3:23–36. DOI: 10.11621/npj.2018.0303.
24. Belinskaya EP. Informational socialisation in adolescents: experience of using social networks and psychological well-being. *Psychological studies* [Internet]. 2013 [cited 2020 June 28];6(30). Available from: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/858>. Russian. DOI: 10.54359/ps.v6i30.679.
25. Kondrashkin AV. Role of the Internet in the development of modern teenagers. *Psychological Science and Education*. 2013;5(2):114–134. Russian.
26. van der Merwe P. Adolescence, Internet use, social adjustment and emotional intelligence. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2014;5(23):2327–2339.
27. Babaeva YuD, Voiskunskii AE, Smyslova OV. [Internet: impact on the personality]. In: Voiskunskii AE, editor. *Gumanitarnye issledovaniya v internete* [Humanitarian researches on the Internet]. Moscow: Mozhaisk-Terra; 2000. p. 11–39. Russian.
28. Chuchkova GS. [On the problem of communication in a virtual communicative environment]. *Omskii nauchnyi vestnik*. 2007;1:90–94. Russian.
29. Shakhmartova OM, Boltaga EYu. Psychological aspects of communication in the social networks of «virtual reality». *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo*. 2011;24:1002–1008. Russian.
30. Vasil'eva IA, Osipova EM, Petrova NN. [Psychological aspects of the application of information technologies]. *Voprosy psikhologii*. 2002;3:80–88. Russian.
31. Kraut R, Patterson M, Lundmark V, Kiesler S, Mukopadhyay T, Scherlis W. Internet paradox: a social technology that reduced social involvement and psychological well-being? *American Psychologist*. 1998;53(9):1017–1031. DOI: 10.1037/0003-066x.53.9.1017.
32. Kotlyarova VV, Shubina MM, Sysoeva ON. Youth extremism in social networks: specificity and theoretical comprehension. *Alma Mater*. 2016;5:95–99. Russian. DOI: 10.20339/AM.05-16.095.
33. Tsoi NA. [The phenomenon of Internet addiction and loneliness]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2011;12:98–107.
34. Emelin VA, Rasskazova EI, Tkhostov ASH. [The influence of information technologies on the transformation of coping behaviour]. *Voprosy psikhologii*. 2014;4:49–59.
35. Rossokhin AV. [Virtual happiness or virtual dependence]. In: Rossokhin AV, Izmagurova VL. *Lichnost' v izmenennykh sostoyaniyakh soznaniya v psikhooanalize i psikhoterapii* [Personality in altered states of consciousness]. Moscow: Smysl; 2004. p. 516–523. Russian.
36. Gavrilenko VG. *Natsional'naya bezopasnost': entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik* [National security: an encyclopedic dictionary-reference book]. Minsk: Pravo i ekonomika; 2014. 845 p. Russian.
37. Grekov MA. *Fenomen eskapizma v medianasyshchenom obshchestve* [The phenomenon of escapism in a media-saturated society; dissertation]. Omsk: Kurgan State University; 2008. 131 p. Russian.

38. Voiskunskii AE. Group gaming activity on the Internet. *Cyberpsy* [Internet; cited 2020 June 28]. Available from: https://cyberpsy.ru/articles/internet_games/. Russian.
39. Koo Dong Mo. The moderating role of locus of control on the links between experiential motives and intention to play online games. *Computers in Human Behaviour*. 2009;25(2):466–474. DOI: 10.1016/j.chb.2008.10.010.
40. Plotinsky YuM. Paradigms of sociality in the information age. *Informatsionnye resursy Rossii*. 2015;1:10–13. Russian.
41. Miconi A. Lee Rainie and Barry Wellman. Networked: the new social operation system [book review]. *International Journal of Communication*. 2013;7:954–959.
42. Castells M. *Communication power*. New York: Oxford University Press; 2009. 571 p.
43. Castells M. Communication, power and counter-power in the network society. *International Journal of Communication*. 2007;1:238–266.
44. Pleshakov VA. [Perspective of the development of the theory of human cybersocialisation in the 21st century]. *Idei i idealy*. 2011;2(3):47–62. Russian.
45. Aysina RM, Nesterova AA. Cyber socialisation of youth in the information and communication space of the modern world: effects and risks. *Social Psychology and Society*. 2019;10(4):42–57. Russian. DOI: 10.17759/sps.2019100404.

Статья поступила в редколлегию 09.02.2022.
Received by editorial board 09.02.2022.

Психологические исследования

PSYCHOLOGICAL RESEARCHES

УДК 159.922.8:316.346.36

ВНУТРЕННЯЯ СОГЛАСОВАННОСТЬ ШКАЛ КИТАЙСКОГО ВАРИАНТА ОПРОСНИКА «АФФЕКТИВНЫЕ МОТИВАЦИОННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ В СЕКСУАЛЬНОЙ ЖИЗНИ»

И. А. ФУРМАНОВ¹⁾, СИНЬЧУНЬ НЕ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Понимание различных сексуальных мотивов оказывает глубокое влияние на определение причин, значимости и последствий сексуального поведения. Представлена процедура адаптации китайского варианта опросника «Аффективные мотивационные ориентации в сексуальной жизни». Эмпирически установлена его надежность по критерию внутренней согласованности. Выявлены гендерные различия в иерархиях и силе диспозиционных сексуальных мотивов китайцев: женщины отличаются большей силой мотивов комфорта, власти, заботы и собственной значимости, а мужчины – большей силой мотивов значимости партнера, удовольствия, подчинения и произведения потомства.

Ключевые слова: сексуальная мотивация; надежность; внутренняя согласованность.

Образец цитирования:

Фурманов ИА, Синьчунь Не. Внутренняя согласованность шкал китайского варианта опросника «Аффективные мотивационные ориентации в сексуальной жизни». *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2022;2:49–58.

For citation:

Fourmanov IA, Xinchun Nie. Internal consistency of the scales of the Chinese version of the questionnaire «Affective and motivational orientation related to erotic arousal». *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2022;2:49–58. Russian.

Авторы:

Игорь Александрович Фурманов – доктор психологических наук, профессор; заведующий кафедрой социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук.

Синьчунь Не – аспирант кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – И. А. Фурманов.

Authors:

Igor A. Fourmanov, doctor of science (psychology), full professor; head of the department of social and organisational psychology, faculty of philosophy and social sciences.

fourmigor@gmail.com

Xinchun Nie, postgraduate student at the department of social and organisational psychology, faculty of philosophy and social sciences.

307059497@qq.com

INTERNAL CONSISTENCY OF THE SCALES OF THE CHINESE VERSION OF THE QUESTIONNAIRE «AFFECTIVE AND MOTIVATIONAL ORIENTATION RELATED TO EROTIC AROUSAL»

I. A. FOURMANOV^a, XINCHUN NIE^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: I. A. Fourmanov (fourmigor@gmail.com)

Understanding various sexual motives has a profound impact on determining the causes, significance and consequences of sexual behaviour. The article presents the procedure for adapting the Chinese version of the questionnaire «Affective and motivational orientation related to erotic arousal» and empirically established its reliability by the criterion of internal consistency. Gender differences in hierarchies and the strength of dispositional sexual motives of the Chinese were also revealed: women differ in the greater strength of the motives of comfort, power, care and self-importance, and men – in the greater strength of the motives of the importance of a partner, pleasure, submission and procreation.

Keywords: sexual motivation; reliability; internal consistency.

Введение

Ценности сексуальных отношений неоднократно менялись на протяжении разных культурных и исторических эпох. Однако сексуальные отношения всегда различаются, отражая не только общепринятые нормы, правила и установки сексуального поведения, но и ценности межличностного гендерного взаимодействия [1]. Отмечается, что различные модели сексуального поведения могут по-разному влиять на здоровье и счастье человека [2]. В связи с этим определение конкретных сексуальных мотивов позволяет изучить факторы, влияющие на улучшение качества сексуального опыта, сексуальных и романтических отношений, сексуальную дисфункцию, домашнее и сексуальное насилие [3]. Таким образом, исследование и познание сексуальной мотивации имеют большое значение для укрепления общественного и индивидуального здоровья [4].

Многие китайские антропологи и психологи подчеркивают уважение к приличиям с его строгими моральными и социальными нормами в Китае, ведущими к подавлению сексуальных потребностей и самовыражения. Некоторые вообще описывают китайскую культуру как асексуальную.

Однако китайская сексуальная культура является достаточно многогранной, поскольку сочетает в себе по крайней мере три философские концепции [5]. Хотя эти концепции взаимодействуют друг с другом, у каждой из них есть собственные точки соприкосновения, которые определяют различия в сексуальных аттитюдах китайцев.

Самой ранней китайской философией, которая продолжает оказывать свое влияние на социум, является доктрина инь и ян. Согласно этой доктрине секс является неотъемлемым элементом

природы, а сексуальный союз мужчины и женщины – это просто микрокосмическое функционирование двух природных сил, которые постоянно стремятся к гармонии. В идеях инь и ян секс в определенных формах может быть нездоровым или противоречить гармонии природы, а то, что гармонично или нет, толкуется по своему усмотрению. Например, лейтмотивами многих китайских сексуальных заблуждений и суеверий являются ценность удержания спермы, разрушительность последствий ночных поллюций и мастурбации, нежелательность полового акта в определенное время или при определенных условиях, отвратительность гомосексуалистов и т. д. В некотором смысле эти мифы увековечивают идеи секса или сексуального воздержания.

В даосизме все человеческие желания, включая секс, считаются источником неприятностей и страданий, но дисциплина, правила или моральные кодексы для их контроля не одобряются, поскольку контроль создает еще больше проблем. Сторонники даосизма выступают за то, чтобы позволить спонтанному событию идти своим естественным путем, т. е. следовать дао. В некотором смысле это подтверждает доктрину инь и ян, в которой поддерживается открытое восприятие секса. В даосизме было представлено псевдофизиологическое объяснение обмена между инь и ян во время полового акта, что еще больше укрепило мифы о сексе. Таким образом, влияние даосизма на сексуальные отношения китайцев также биполярно.

Среди трех философских течений конфуцианство является супердоминантным в китайской культуре. Конфуций в своих учениях не давал никаких прямых указаний относительно сексуальных отношений.

Он был довольно прагматичен касательно гетеросексуальных отношений до тех пор, пока это не мешало социальной стабильности и хорошим межличностным отношениям. Однако в его работах можно проследить трактовку совершенно разных моделей сексуальных отношений. В одной он подробно описывает очень строгие правила, которые должны были соблюдаться во всех типах отношений, включая сексуальные. В другой дает явную оценку наслаждению сексуальными влечениями, ухаживаниям и половому акту. Однако позднее неоконфуцианцами стала навязываться доктрина сексуального подавления, которая сформировала основу традиционной китайской ориентации в этой области. Именно на данном этапе конфуцианства китайцы построили свои подавляющие сексуальные установки и свое поведение.

Тем не менее в реальности сексуальные отношения и социальная жизнь китайцев демонстрировали мало признаков сексуального подавления. Процесс ухаживания, брак и развод, а также различные типы гетеросексуальных или гомосексуальных отношений существовали без каких-либо признаков осуждения или неодобрения.

В современной китайской сексуальной культуре наблюдаются две ярко выраженные тенденции. Одна часть китайцев настолько сильно испытала западное и христианское влияние, что приобрела множество сексуально подавляющих установок, например, по отношению к гомосексуальности, внебрачному сексу и проституции. К их высокой и жесткой сексуальной морали можно отнести советы молодым женщинам выражать сексуальные чувства только в браке; профилактику венерических заболеваний; рекомендации в качестве нормы по частоте половых сношений (один или два раза в неделю); выступления против потери девственности до брака и обращение внимания на то, что добрачный секс является преступлением. Другая часть китайцев достаточно терпимо относится к транссексуализму, гомосексуальности и различного рода сексуальным дисфункциям.

В последние годы произошел интенсивный обмен между западной и китайской культурой, что в сочетании с быстрым развитием рыночной экономики привело к существенному изменению взглядов и убеждений людей. Стало уделяться больше внимания личной свободе выбора, принятию решений, правам и интересам личности. Увеличивается количество китайцев, начинающих признавать важным тот факт, что у каждого есть свои привычки и моральные принципы, которые не следует осуждать или презирать до тех пор, пока не будет совершено преступление против общества или интересов других. В частности, наиболее важным изменением за последние годы является признание растущего

разнообразия сексуального поведения. Это особенно заметно у сексуально активных людей молодого и среднего возраста. Мнение о том, что половой акт следует рассматривать только как акт продолжения рода, перестало быть доминирующим.

Все шире (особенно среди молодежи) получает одобрение и распространение добрачный секс [6]. Общественное отношение к внебрачному сексу изменилось с сильного неодобрения (например, развратников) на принятие при учете определенных жизненных обстоятельств (например, сострадание и понимание в случае смерти партнера по браку).

Китайцы долгое время верили, что брак доминирует над любовью и сексом, поэтому любовь после брака была обычным явлением. Однако в настоящее время молодые люди считают, что любовь доминирует в браке, а любовь и секс – сиаамские близнецы. Женщины начинают отказываться от своей традиционной роли асексуальных существ или пассивных сексуальных объектов, находящихся в простом распоряжении мужчин. Они, как правило, более активны в сексе. Все чаще женщины, недовольные своей сексуальной жизнью, вступают во внебрачные отношения. Супружеские пары теперь склонны уделять больше внимания качеству своего брака, а не просто его стабильности. Уровень сексуальной жизни человека, гармония в сексуальных отношениях в настоящее время ценятся больше, чем раньше [7].

Процессы глобализации и вестернизации китайской культуры, юридические и социально-экономические изменения в сторону большего равноправия гендерных отношений и более либеральных сексуальных установок отразились на трансформации сексуального поведения китайцев и в первую очередь мотивации сексуального поведения.

Мотивация, являясь первоисточником и побудителем человеческого поведения, определяет организацию и направленность активности. Исходя из этого сексуальные мотивы представляют собой сознательные и субъективные причины, которые побуждают мужчин и женщин к участию в сексуальной активности [8]. Иными словами, сексуальная мотивация – это предполагаемое внутреннее состояние повышенного интереса к определенной цели, включающее инициирование и поддержание сексуального поведения, направленного на достижение этой цели [3]. Сексуальная мотивация, как правило, обусловлена влиянием нескольких факторов (индивидуальных, культурных, исторических), определяющих участие и направленность в сексуальной активности.

В ряде ранних исследований в качестве сексуальных мотивов рассматривались желания испытать удовольствие, выразить эмоциональную

близость, произвести потомство, понравиться партнеру, испытать чувство завоевания (покорения) партнера, снизить сексуальную напряженность [9–12].

Однако, как показывает анализ, среди основных мотивов сексуальных отношений наиболее часто упоминается так называемая большая тройка – любовь, получение удовольствия и эротизм (достижение физического наслаждения, секс как развлечение, «спортивное траханье»), деторождение [13]. Вместе с тем в качестве сексуальных мотивов предлагаются и другие побуждения, например подтверждение или повышение самооценки или статуса, достижение превосходства, исполнение долга, комфортность, сердечность (выражение нежности чувств), завоевание (власть), подчинение партнеру, жажда мести (стремление победить, унижить и наказать), любопытство, деньги, желание сгладить ситуацию после ссоры (примирительный секс), стремление вызвать у кого-то ревность, редукция стресса и т. д. [14].

К. А. Хилл и Л. К. Престон [3] предложили типологию сексуальной мотивации, в которую вошли восемь специфических типов внутренних побуждений: 1) подтверждение собственной ценности для партнера; 2) подтверждение ценности партнера; 3) получение

эмоциональной разрядки от стресса или негативных психологических состояний; 4) проявление заботы с целью улучшить психологическое состояние партнера; 5) усиление чувств от проявления собственной власти над партнером; 6) усиление чувств от проявления власти партнера; 7) переживание удовольствия; 8) произведение потомства.

Как показал анализ литературы, несмотря на возросший интерес к вопросам сексуальных отношений среди китайских культурологов, социологов и психологов, работ о проблеме сексуальной мотивации крайне мало. Авторами данной статьи обнаружено только одно кросс-культурное исследование. В частности, Тан Нью и его коллегами [8] было установлено, что у американцев преобладают индивидуалистические мотивы (поиск сексуального удовольствия и редукция сексуального стресса), а у китайцев – коллективистские мотивы (желание понравиться партнеру и поддержание отношений).

Скудность эмпирических данных о сексуальных мотивах китайцев обусловлена отсутствием соответствующего диагностического инструментария. В связи с этим целью данной работы стала культурная адаптация опросника «Аффективные мотивационные ориентации в сексуальной жизни» [3].

Материалы и методы исследования

В качестве материалов для культурной адаптации использовались опросник «Аффективные мотивационные ориентации в сексуальной жизни» (*Affective and motivational orientation related to erotic arousal*, AMORE), разработанный К. А. Хиллом и Л. К. Престоном [3], и адаптированный И. А. Фурмановым его русскоязычный вариант [1].

Данная методика состоит из 62 вопросов, каждый из которых оценивается по пятибалльной шкале Лайкерта, и направлена на выявление следующих диспозиционных сексуальных мотивов:

- 1) подчинение – ощущение властвования партнера;
- 2) значимость партнера – подтверждение ценности партнера;
- 3) комфорт – получение эмоциональной разрядки от стресса или негативных психологических состояний;
- 4) произведение потомства – воспроизведение рода;
- 5) власть – усиление чувств от проявления власти над партнером;
- 6) собственная значимость – подтверждение собственной ценности для партнера;

7) забота – проявление заботы в целях улучшения психологического состояния партнера;

8) удовольствие – переживание удовольствия [15, с. 304].

Процедура культурной адаптации китайского варианта методики AMORE осуществлялась посредством поэтапной реализации всех необходимых стандартных лингвистических и психологических процедур (см. приложение).

Для определения внутренней согласованности опросника был проведен анализ пунктов, подразумевающий статистическую проверку диагностической пригодности каждого из утверждений методики. Данный анализ осуществлялся с использованием коэффициента α -Кронбаха, который является мерой внутренней согласованности. Кроме того, были определены и гендерные различия по F -критерию Фишера, а также оценка величины статистического эффекта с помощью коэффициента d Коэна.

Данные были получены от выборки, состоящей из 197 человек в возрасте от 17 до 34 лет (97 женщин и 100 мужчин).

Для статистической обработки результатов исследования использовался пакет *SPSS.13*.

Результаты и их обсуждение

Результаты анализа значений коэффициентов корреляции ответов по пунктам каждой шкалы со средними баллами по шкалам опросника «Аффек-

тивные мотивационные ориентации в сексуальной жизни» свидетельствуют о высокой степени внутренней согласованности (табл. 1).

Таблица 1

**Коэффициенты надежности
по внутренней согласованности шкал опросника**

Table 1

**Coefficients of reliability
for the internal consistency of the questionnaire scales**

№ п/п	Наименование шкалы	α -Кронбаха
1	Подчинение	0,926
2	Значимость партнера	0,923
3	Комфорт	0,921
4	Произведение потомства	0,798
5	Власть	0,929
6	Собственная значимость	0,900
7	Забота	0,845
8	Удовольствие	0,700

Также были выявлены статистически достоверные различия со средними значениями эффекта: женщины в сравнении с мужчинами отличаются большей силой мотивов комфорта, власти, заботы и собственной значимости, а мужчины – большей силой мотивов значимости партнера, удовольствия, подчинения и произведения потомства (табл. 2).

Более высокие показатели мотивов комфорта (желание испытать эмоциональную разрядку от стрес-

са), власти (желание усилить чувства от проявления собственной власти) и собственной значимости (сосредоточенность на себе, желание быть оцененным партнером) у китайских женщин в сравнении с мужчинами могут свидетельствовать о сильно выраженных тенденциях избавиться от негативных переживаний и чувства личностной неполноценности, например, заверяя себя в собственной сексуальной желанности или привлекательности.

Таблица 2

Гендерные различия по шкалам опросника

Table 2

Gender differences according to the scales of the questionnaire

№ п/п	Наименование шкал	Показатели								
		М	SD	М	SD	М	SD	F	p (1-2)	d
		Вся выборка		Женщины (1)		Мужчины (2)				
1	Подчинение	3,49	0,88	3,27	0,94	3,68	0,79	11,227	0,001	0,47
2	Значимость партнера	3,66	0,87	3,43	0,94	3,87	0,73	12,963	≤0,001	0,52
3	Комфорт	2,53	0,87	2,80	0,97	2,29	0,69	17,924	≤0,001	0,60
4	Произведение потомства	3,14	0,72	2,94	0,74	3,33	0,64	16,193	≤0,001	0,56
5	Власть	2,53	0,92	2,72	0,99	2,35	0,82	8,046	0,005	0,40
6	Собственная значимость	2,39	0,88	2,65	0,95	2,15	0,73	16,796	≤0,001	0,59
7	Забота	2,36	0,85	2,68	0,93	2,08	0,66	27,085	≤0,001	0,74
8	Удовольствие	3,61	0,95	3,35	0,96	3,85	0,87	14,394	≤0,001	0,54

Примечание. М – среднее отклонение, SD – стандартное отклонение.

Таким образом, китайский вариант методики AMORE может считаться профессионально разработанным тестом для диагностики сексуальной мотивации китайских респондентов.

Для апробации методики было проведено пилотажное исследование с целью определить гендерные различия в сексуальных мотивах китайцев (табл. 2).

Было установлено, что в иерархии сексуальных мотивов китайцев (любого пола) наибольшей силой обладают мотивы значимости партнера, удовольствия и подчинения. Полученные данные могут свидетельствовать о том, что независимо от пола для сексуальных отношений китайцев характерны такие мотивационные тенденции, как подтверждение ценности партнера, переживание удовольствия и ощущение властвования партнера.

Кроме того, сексуальную мотивацию китайских женщин в большей мере определяют убеждения в том, что секс – это та сфера отношений, в которой человек может почувствовать себя властным и привлекательным для партнера, осознать, что он является сильной личностью, держащей все под контролем. Ощущение власти над партнером может становиться фактором возбуждения и усиления сексуального желания, а проявление власти и контроля во время сексуальной близости с партнером – дополнительным стимулом получения сексуального удовольствия.

Китайских женщин также отличает более заботливое отношение, внимание к физическому и эмоциональному состоянию партнера, его переживаниям и самочувствию. Сексуальная близость чаще рассматривается ими как способ помочь партнеру повысить его самооценку, стать более уверенным в себе и оптимистичным, пережить трудные времена, забыть о его проблемах.

В отличие от женщин, китайские мужчины в большей степени посвящают себя своим сексуальным партнерам, занимаются сексом, чтобы прежде всего укрепить узы с партнером. Кроме того, предполагается, что выраженность мотива подтверждения ценности партнера может свидетельствовать о повышенном стремлении мужчин сделать так, чтобы женщина получала удовольствие [11]. Как отмечают Тан Ню и его коллеги [8], китайские мужчины, воз-

можно, озабочены счастьем своих партнеров и поддержанием отношений, мотивированы стремлением добиться их расположения больше, чем женщины. Секс с чрезвычайно самоуверенным, требовательным, настойчивым, авторитарным, агрессивным, властным, доминирующим и контролирующим партнером становится все более привлекательным и возбуждающим [15].

Вполне вероятно, что для мужчин с такой сексуальной мотивацией характерны сильные переживания по поводу угрозы разрыва отношений, опасения утраты партнера и, как следствие, всяческое подчеркивание в сексуальных отношениях силы, власти и значимости партнера. Возможно, китайские мужчины в большей степени заинтересованы в сексуальном поведении с сильным партнером, чем женщины [16].

Отмечается, что мотивы получения одобрения от партнера побуждают к занятию сексом для того, чтобы избежать негативных последствий во взаимоотношениях. Они положительно коррелируют с эротофобией (негативным эмоциональным отношением к сексу), тем самым доказывая, что людям, которые занимаются сексом, может не хватать уверенности в себе, чтобы понравиться своим партнерам или расположить их к себе [3; 17].

Полученные данные также некоторым образом согласуются с результатами исследований, в которых было установлено, что тревога, вызванная угрозой привязанности, значимо положительно коррелировала с сексуальными мотивами, связанными с ощущением опасности (из-за страха потерять партнера), совладанием с негативными переживаниями и стремлением к подчинению (получению ощущения властвования партнера) [18].

Усиление мотива удовольствия также может свидетельствовать о том, что китайские мужчины хотят чувственную, романтическую физическую близость, стремятся участвовать в бурной, безудержной, ориентированной на получение удовольствия сексуальной активности с партнером [3]. Полученные данные отчасти согласуются с исследованиями, в которых было установлено, что китайцы (как и американцы) готовы доставлять удовольствие партнеру и поддерживать отношения, занимаясь сексом [8].

Заключение

Была проведена адаптация китайского варианта опросника «Аффективные мотивационные ориентации в сексуальной жизни» и эмпирически установлена его надежность по критерию внутренней согласованности. Также обнаружены гендерные различия в иерархиях и силе любовных аттитю-

дов китайцев: женщины в сравнении с мужчинами отличаются большей силой мотивов комфорта, власти, заботы и собственной значимости, а мужчины – большей силой мотивов значимости партнера, удовольствия, подчинения и произведения потомства.

Приложение

性生活中情感动机倾向调查(AMORE)问卷

性别:

年龄:

以下是有关性生活的各种论点. 请在下述表格中打√, 表达自己的想法:

1 – 完全不同意; 2 – 不同意; 3 – 难以回答; 4 – 同意; 5 – 完全同意.

观点	1	2	3	4	5
1. 渴望与伴侣发生性关系, 是因为性亲密的确有助于感受到爱, 温暖和关怀.					
2. 如果能够使自己的性伴侣振作起来, 并变得更加乐观, 那么性生活会带来更多的快感.					
3. 当任何不好或令人沮丧的事情发生时, 性幻想或性亲密有助于令人感觉更好.					
4. 在很大程度上, 性对于繁衍后代(生育)很重要.					
5. 与一个极其自信, 要求很高的伴侣产生性幻想和性亲密会更加令人兴奋.					
6. 性行为的表现往往会增强优越感和权力感.					
7. 权力感是性爱中最令人兴奋的方面之一.					
8. 在性亲密或性幻想的时候, 认为因此会生下孩子的想法是极其激动的.					
9. 为了感受别人的关心, 与伴侣的性亲密是最佳的方式.					
10. 如果性行为能让性伴侣忘记烦恼, 使其愉快的生活, 那么性生活就可以带来更大的乐趣.					
11. 当性伴侣的一方感觉自己更强, 更占优势时, 性幻想最容易激发.					
12. 性想法或性亲密有时有助于解决一些日常问题.					
13. 当伴侣在性亲密期间变得非常执着和好斗时, 就会产生强烈的兴奋.					
14. 当你希望伴侣关注并重视自己时, 则会产生对性亲密的渴望.					
15. 当双方都想生一个孩子时, 性快感尤其明显.					
16. 与伴侣的性亲密关系是展示自己力量的好方法.					
17. 做爱的最主要的原因是有机会表达关心, 并向伴侣展示他的重要性.					
18. 身体愉悦的感觉是性关系和幻想的主要原因.					
19. 当伴侣完全臣服自己, 并建立起完整的掌控的时候, 性亲密和性幻想最让人兴奋.					
20. 当出现问题, 并且你想要感觉更好时, 性幻想或性行为比其它方式更有效.					
21. 渴望生孩子不是性关系中的最重要的原因.					
22. 性幻想和亲密关系本身是最使人兴奋, 并在最大程度上带来最大的快感.					
23. 当伴侣自主进入主导角色, 开始谈论在做爱的时候应该怎么做的时候, 尤其令人激动和兴奋.					
24. 当性关系带来满足, 并且为生活带来多样性和风险因素的时候, 具有特殊的价值.					
25. 在性亲密的时候, 许多人体验到一种来自自己伴侣方面的控制欲和权力欲.					
26. 与伴侣发生性关系是成为其生活重要组成部分的好机会.					
27. 性亲密或性想法可以帮助你度过生活中一些不愉快的时刻.					
28. 当生活不太顺利而您想要感觉更好时, 就有表达你的性欲或幻想性的欲望.					
29. 要想向伴侣展示自己的权力和力量 – 就去和他做爱.					
30. 嬉戏和玩乐(无拘无束)是表达性爱和激发伴侣的重要元素.					
31. 性想法和性亲密通常会减轻压力使人放松.					
32. 做爱的首要任务就是传宗接代.					
33. 性亲密可以防止伴侣精神堕落, 使其重新振作, 是改善其自我感觉的一种很好的方法.					
34. 性兴奋在许多情况下是性活动和对性幻想中最关心和最重要的一面.					
35. 当一个人想要被理解时, 就产生了与性伴侣之间的对性亲密和隐私关系的需求.					

Взгляд	1	2	3	4	5
36. Когда человек желает зависеть и полагаться на кого-то, сексуальная жизнь является одним из важных способов установить близкие отношения.					
37. Когда все идет не так, секс может сделать вас более позитивным.					
38. Сексуальные отношения с партнером являются необходимым условием укрепления близких отношений.					
39. Сексуальность или сексуальные мысли могут улучшить настроение или депрессию.					
40. Когда дела идут не так, сексуальное поведение или сексуальность могут помочь людям забыть о проблемах и стать более позитивными.					
41. Секс — это сфера отношений, в этой сфере человек может почувствовать силу партнера и привлекательность.					
42. Сексуальность важна для тех, кто хочет детей.					
43. В сексуальных отношениях с партнером эмоциональная связь является важным условием.					
44. Наиболее удовлетворены теми, кто имеет возможность испытать с партнером сильные чувства.					
45. Когда человек чувствует депрессию или грусть, ему необходимо фантазировать или заниматься сексом с кем-то.					
46. Точно так же, секс может понравиться только тем, кто жаждет доминировать и контролировать партнера.					
47. Люди считают, что сексуальный контроль, сексуальная фантазия или сексуальность становятся авторитарными и жестокими, это является состоянием.					
48. Сексуальный контроль делает людей более возбужденными и усиливает сексуальную привлекательность.					
49. Чувство тела, возбуждение, партнерское удовлетворение — это то, что заставляет людей заниматься сексом.					
50. В сексуальности или сексуальных фантазиях, те, кто проявляет потребность и долговременность, особенно интересны.					
51. Те, кто контролирует сексуальное поведение и сексуальность, передают эту энергию другим партнерам.					
52. Когда человек знает, что партнер любит его, это может повысить его уверенность, сексуальные отношения с партнером также могут стать более интенсивными.					
53. Сексуальное самовыражение обычно заставляет человека чувствовать себя более контролируемым.					
54. Люди считают, что в сексуальности или сексуальных фантазиях, сексуальное доминирование и контроль особенно интересны.					
55. Сексуальными отношениями наиболее привлекает тот, кто является партнером, которому действительно нужен партнер, любящий и мягкий.					
56. Сексуальный контроль является важным аспектом сексуальных отношений.					
57. Сексуальными отношениями наиболее положительно влияет на то, что может помочь партнеру преодолеть трудности, выразить заботу.					
58. В сексуальных отношениях с партнером использование власти и контроль являются способами получения сексуального удовольствия.					
59. Сексуальные отношения с партнером играют важную роль в установлении близких отношений.					
60. Сексуальные отношения взаимной зависимости и любви — это наиболее эффективный способ заботы о партнере.					
61. Секс — это эмоциональная близость, которая является лучшим способом почувствовать свою ценность.					
62. Сексуальность имеет положительные стороны, она помогает повысить самооценку партнера.					

1. Чувство зависимости от партнера.
Положительный балл — 5, 13, 19, 23, 25, 29, 47, 50, 51, 54.
2. Важность партнера.
Положительный балл — 17, 43, 44, 49, 55, 59, 60, 61.
3. Способы преодоления негативных психологических состояний.
Отрицательный балл — 3, 12, 20, 27, 28, 31, 37, 39, 40, 45.
4. Семейное воспроизводство.
Положительный балл — 4, 8, 15, 32, 42.
Отрицательный балл — 21.
5. Чувство власти над партнером.
Отрицательный балл — 6, 7, 11, 16, 41, 46, 48, 53, 56, 58.
6. Важность партнера.
Отрицательный балл — 1, 9, 14, 26, 35, 36, 38.
7. Забота о партнере для улучшения психологического состояния.
Отрицательный балл — 2, 10, 33, 52, 57, 62.
8. Получение удовольствия.
Положительный балл — 18, 22, 24, 30, 34.

Библиографические ссылки

1. Фурманов ИА. Диспозиционные сексуальные мотивы как зеркало ценностей в гетеросексуальных межличностных отношениях. *Национальный психологический журнал*. 2017;4:75–82. DOI: 10.11621/npj.2017.0407.
2. Cooper ML, Shapiro CM, Powers AM. Motivations for sex and risky sexual behaviour among adolescents and young adults: a functional perspective. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1998;75(6):1528–1558. DOI: 10.1037/0022-3514.75.6.1528.
3. Hill CA, Preston LK. Individual differences in the experience of sexual motivation: theory and measurement of dispositional sexual motives. *The Journal of Sex Research*. 1996;33(1):27–45. DOI: 10.1080/00224499609551812.
4. Hensel DJ, He F, Harezlak J, Fortenberry JD. Daily diary study of adult men's and women's event-level sexual motivations and sexual behaviour. *Sex Health*. 2017;14(2):147–154. DOI: 10.1071/SH16109.
5. Manwa Lawrence Ng, Lau MP. Sexual Attitudes in the Chinese. *Archives of Sexual Behaviour*. 1990;19(4):373–388. DOI: 10.1007/BF01541932.
6. Xinli Chi, van de Bongardt D, Hawk ST. Intrapersonal and interpersonal sexual behaviours of Chinese university students: gender differences in prevalence and correlates. *The Journal of Sex Research*. 2015;52(5):532–542. DOI: 10.1080/00224499.2014.914131.
7. Kai Zhang, Beck EJ. Changing sexual attitudes and behaviour in China: implications for the spread of HIV and other sexually transmitted diseases. *AIDS Care*. 1999;11(5):581–589. DOI: 10.1080/09540129947730.
8. Tang Nu, Bensman L, Hatfield E. The impact of culture and gender on sexual motives: differences between Chinese and North Americans. *International Journal of Intercultural Relations*. 2012;36(2):286–294. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2011.12.013.
9. Carroll JL, Volk KD, Hyde JS. Differences between males and females in motives for engaging in sexual intercourse. *Archives of Sexual Behaviour*. 1985;14(2):131–139. DOI: 10.1007/BF01541658.
10. Denney NW, Field JK, Quadagno D. Sex differences in sexual needs and desires. *Archives of Sexual Behaviour*. 1984;13:233–245. DOI: 10.1007/BF01541650.
11. Leigh BC. Reasons for having and avoiding sex: gender, sexual orientation, and relationship to sexual behaviour. *The Journal of Sex Research*. 1989;26(2):199–209. DOI: 10.1080/00224498909551506.
12. Whitley BE. The relation of gender-role orientation to sexual experience among college students. *Sex Roles*. 1988;19:619–638. DOI: 10.1007/BF00289740.
13. Hatfield E, Luckhurst CL, Rapson RL. Sexual motives: cultural, evolutionary, and social psychological perspectives. *Sexuality and Culture*. 2010;14:173–190. DOI: 10.1007/s12119-010-9072-z.
14. Hatfield E, Luckhurst CL, Rapson RL. Sexual motives: the impact of gender, personality, and social context on sexual motives and sexual behaviour – especially risky sexual behaviour. *An International Journal on Personal Relationships*. 2011;59(2):95–133. DOI: 10.5964/ijpr.v5i2.60.
15. Фурманов ИА. Диспозиционные мотивы сексуальной жизни в период ранней взрослости. В: Козлов ВВ, редактор. *Психология XXI столетия. Сборник по материалам ежегодного Конгресса «Психология XXI столетия»*; 13–15 мая 2016 г.; Ярославль, Россия. Ярославль: Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова; 2016. с. 502–506. Совместно с Международной академией психологических наук.
16. Hill CA. Gender, relationship stage, and sexual behaviour: the importance of partner emotional investment within specific situations. *The Journal of Sex Research*. 2002;39(3):228–240. DOI: 10.1080/00224490209552145.
17. Sheldon MS, Cooper ML, Geary DC, Hoard M, DeSoto MC. Fertility cycle patterns in motives for sexual behaviour. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2006;32(12):1659–1673. DOI: 10.1177/0146167206292690.
18. Schachner DA, Shaver PR. Attachment dimensions and sexual motives. *Personal Relationships*. 2004;11(2):179–195. DOI: 10.1111/j.1475-6811.2004.00077.x.

References

1. Fourmanov IA. Dispositional sexual motives as the mirror of values in heterosexual interpersonal relations. *National Psychological Journal*. 2017;4:75–82. Russian. DOI: 10.11621/npj.2017.0407.
2. Cooper ML, Shapiro CM, Powers AM. Motivations for sex and risky sexual behaviour among adolescents and young adults: a functional perspective. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1998;75(6):1528–1558. DOI: 10.1037/0022-3514.75.6.1528.
3. Hill CA, Preston LK. Individual differences in the experience of sexual motivation: theory and measurement of dispositional sexual motives. *The Journal of Sex Research*. 1996;33(1):27–45. DOI: 10.1080/00224499609551812.
4. Hensel DJ, He F, Harezlak J, Fortenberry JD. Daily diary study of adult men's and women's event-level sexual motivations and sexual behaviour. *Sex Health*. 2017;14(2):147–154. DOI: 10.1071/SH16109.
5. Manwa Lawrence Ng, Lau MP. Sexual attitudes in the Chinese. *Archives of Sexual Behaviour*. 1990;19(4):373–388. DOI: 10.1007/BF01541932.
6. Xinli Chi, van de Bongardt D, Hawk ST. Intrapersonal and interpersonal sexual behaviours of Chinese university students: gender differences in prevalence and correlates. *The Journal of Sex Research*. 2015;52(5):532–542. DOI: 10.1080/00224499.2014.914131.
7. Kai Zhang, Beck EJ. Changing sexual attitudes and behaviour in China: implications for the spread of HIV and other sexually transmitted diseases. *AIDS Care*. 1999;11(5):581–589. DOI: 10.1080/09540129947730.
8. Tan Nu, Bensman L, Hatfield E. The impact of culture and gender on sexual motives: differences between Chinese and North Americans. *International Journal of Intercultural Relations*. 2012;36(2):286–294. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2011.12.013.
9. Carroll JL, Volk KD, Hyde JS. Differences between males and females in motives for engaging in sexual intercourse. *Archives of Sexual Behaviour*. 1985;14(2):131–139. DOI: 10.1007/BF01541658.
10. Denney NW, Field JK, Quadagno D. Sex differences in sexual needs and desires. *Archives of Sexual Behaviour*. 1984;13:233–245. DOI: 10.1007/BF01541650.

11. Leigh BC. Reasons for having and avoiding sex: gender, sexual orientation, and relationship to sexual behaviour. *The Journal of Sex Research*. 1989;26(2):199–209. DOI: 10.1080/00224498909551506.
12. Whitley BE. The relation of gender-role orientation to sexual experience among college students. *Sex Roles*. 1988;19:619–638. DOI: 10.1007/BF00289740.
13. Hatfield E, Luckhurst CL, Rapson RL. Sexual motives: cultural, evolutionary, and social psychological perspectives. *Sexuality and Culture*. 2010;14:173–190. DOI: 10.1007/s12119-010-9072-z.
14. Hatfield E, Luckhurst CL, Rapson RL. Sexual motives: the impact of gender, personality, and social context on sexual motives and sexual behaviour – especially risky sexual behaviour. *An International Journal on Personal Relationships*. 2011;59(2):95–133. DOI: 10.5964/ijpr.v5i2.60.
15. Furmanov IA. [Dispositional motives of sexual life in early adulthood]. In: Kozlov VV, editor. *Psikhologiya XXI stoletiya. Sbornik po materialam ezhegodnogo Kongressa «Psikhologiya XXI stoletiya»; 13–15 maya 2016 g.; Yaroslavl', Rossiya* [Psychology of the 21st century. Collection based on the materials of the annual Congress «Psychology of the 21st century»; 2016 May 15–16; Yaroslavl, Russia]. Yaroslavl: P. G. Demidov Yaroslavl State University; 2016. p. 502–506. Co-published by the International Academy of Psychological Sciences. Russian.
16. Hill CA. Gender, relationship stage, and sexual behaviour: the importance of partner emotional investment within specific situations. *The Journal of Sex Research*. 2002;39(3):228–240. DOI: 10.1080/00224490209552145.
17. Sheldon MS, Cooper ML, Geary DC, Hoard M, DeSoto MC. Fertility cycle patterns in motives for sexual behaviour. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2006;32(12):1659–1673. DOI: 10.1177/0146167206292690.
18. Schachner DA, Shaver PR. Attachment dimensions and sexual motives. *Personal Relationships*. 2004;11(2):179–195. DOI: 10.1111/j.1475-6811.2004.00077.x.

Статья поступила в редколлегию 22.02.2022.
Received by editorial board 22.02.2022.

СУИЦИДАЛЬНЫЙ РИСК И ЛОКУС КОНТРОЛЯ У МУЖЧИН НА ЭТАПЕ РАННЕЙ ЗРЕЛОСТИ

Е. А. ТРУХАН¹⁾, М. А. ШАРАНДА²⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾Независимый исследователь, г. Минск, Беларусь

Исследование направлено на поиск антисуицидальных факторов и коррелятов снижения суицидального риска у мужчин. Представлены результаты корреляционного анализа показателей суицидального риска и локуса контроля у мужчин на этапе ранней зрелости. Выявлено, что в период ранней зрелости у мужчин суицидальные тенденции постепенно снижаются, а общая интернальность повышается. Обнаружены преимущественно отрицательные взаимосвязи между интернальностью в различных сферах и формами суицидальных намерений. Установлено, что выраженный антисуицидальный эффект возможен при повышении общей интернальности мужчин (прежде всего интернальности в сфере производственных отношений).

Ключевые слова: суицидальный риск; антисуицидальные факторы; локус контроля; интернальность; ранняя зрелость.

SUICIDAL RISK AND LOCUS OF CONTROL IN MEN IN EARLY MATURITY

E. A. TRUHAN^a, M. A. SHARANDA^b

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

^bIndependent researcher, Minsk, Belarus

Corresponding author: E. A. Truhan (elena.an.t@tut.by)

The study is aimed at finding anti-suicidal factors and correlates of reducing suicidal risk in men. The results of the correlation analysis of indicators of suicidal risk and locus of control in men during early maturity are presented. In men during early maturity suicidal tendencies decrease, but general internality increases. Between internality in various spheres and forms of suicidal intentions, mainly negative correlations were found. The pronounced anti-suicidal effect in men is possible with an increase in the general internality (especially their internality in the sphere of occupational relations).

Keywords: suicidal risk; anti-suicidal factors; locus of control; internality; early maturity.

Человек, который не способен обнаружить смысл своего существования из-за утраты прежних ценностей, неверия в будущее, состояния разочарования, полного отрицания всего, может выбрать суицидальную модель поведения. Проблема суицидов считается одной из наиболее трагичных реалий мира. Это распространенная причи-

на смертности трудоспособного населения. Своевременное выявление суицидальных намерений, поиск антисуицидальных факторов и эффективных мер профилактики попыток совершения самоубийства являются актуальными и важными задачами как для психологии, так и для общества в целом.

Образец цитирования:

Трухан ЕА, Шаранда МА. Суицидальный риск и локус контроля у мужчин на этапе ранней зрелости. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2022;2:59–65.

For citation:

Truhan EA, Sharanda MA. Suicidal risk and locus of control in men in early maturity. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2022;2:59–65. Russian.

Авторы:

Елена Антоновна Трухан – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры общей и медицинской психологии факультета философии и социальных наук.
Михаил Александрович Шаранда – независимый исследователь.

Authors:

Elena A. Truhan, PhD (psychology), docent; associate professor at the department of general and medical psychology, faculty of philosophy and social sciences.
elena.an.t@tut.by
Mikhail A. Sharanda, independent researcher.
fntaker@gmail.com

Под **суицидальным риском** понимают потенциальную готовность личности совершить самоубийство, а также степень вероятности возникновения суицидальных намерений и осуществления суицидальных действий.

По мнению А. А. Колмакова, риск суицидального поведения формируется в экстремальной для личности ситуации в рамках динамической модели личностная predisпозиция – социально-психологическая дезадаптация в условиях конфликта – суицидальное намерение. Суицидальное поведение обусловлено сложно опосредованным взаимодействием макро- и микросоциальных, а также личностных факторов. Стоит отметить, что для молодых людей наиболее значимо влияние именно личностных факторов [1].

В литературе упоминаются несколько маркеров суицидального поведения.

Поведенческий маркер отражает стремление человека самоизолироваться от семьи и друзей, прекратить обычную социальную активность. Он становится замкнутым, рассеянным или растерянным, неоднократно обращается к теме смерти в литературе, делает зарисовки на тему смерти, часто прослушивает грустные песни, употребляет алкоголь, приводит в порядок свои дела и долги, раздаривает личные вещи, составляет или меняет завешание, стремится к рискованным действиям (например, опасному управлению автомобилем), теряет интерес к увлечениям и спорту, нарушает дисциплину, пренебрежительно относится к внешнему виду, а также не соблюдает правила личной гигиены.

Когнитивный маркер включает философствование на темы вечности, смерти, свободы, ощущение незащищенности, беспомощности или ничтожности, диффузность автобиографических воспоминаний. Человек считает, что другие люди враждебны и потенциально опасны, а окружающий мир является местом потерь и разочарований. Он не способен концентрироваться и принимать решения, видеть жизненные перспективы, при этом фиксирует внимание на суицидальной информации, интересуется материалами о способах совершения самоубийства, может ощущать поражение и безнадежность, пессимизм, испытывать затруднения с актуализацией позитивных событий жизни.

Для *эмоционального маркера* характерны перепады настроения, эмоциональная неуравновешенность, неадекватный смех, беспокойство, ненависть к себе, депрессия, подавленность, ощущения неудовлетворенности во всем, скуки, тоски, чувство вины, а также потеря самоуважения. В конкретных ситуациях эмоции доминируют над интеллектуальным контролем.

Коммуникативный маркер включает многозначительное прощание с друзьями и близкими, внезап-

ное примирение со всеми, просьбы о прощении за все. Человек сообщает о конкретном плане суицида, проявляет агрессию в общении и аутоагрессию, добавляет записи в социальные сети («все надоело», «скоро все это закончится»).

Вегетативный маркер отражает такие реакции, как повышенная слезливость, бессонница, сонливость, отсутствие аппетита или булимия (отказ от еды или стремление попробовать все, что до этого момента не пробовал), расширение зрачков, головные боли, потеря или набор веса, снижение полового влечения. У человека появляются сбой дыхания, бледность или, наоборот, яркая окраска кожных покровов, нестабильная динамика состояния в течение суток, гипо- или гипердинамика [2–6].

При определении индивидуального суицидального риска необходимо учесть ситуативный контекст (состояние здоровья, наличие конфликтов, угроз, травли, насилия и т. д.) и сопоставить согласно А. Г. Амбрумовой и В. А. Тихоненко суицидогенные и антисуицидальные факторы. Диагностика антисуицидального ряда включает выявление прежде всего факторов деятельности, требующих для своего поддержания постоянной деятельности и дополнительных затрат энергии (например, наличие творческих планов), а также факторов представлений (устойчивых представлений о греховности суицида и т. п.) [7].

Среди антисуицидальных факторов личности, препятствующих реализации суицидальных намерений, А. Г. Амбрумова и В. А. Тихоненко выделяют интенсивную эмоциональную привязанность к значимым близким; родительские обязанности; выраженное чувство долга, обязательность; представления о неиспользованных жизненных возможностях; наличие творческих планов, тенденций, замыслов; концентрацию внимания на состоянии собственного здоровья, боязнь причинения себе физического страдания или ущерба; зависимость от общественного мнения и избегание осуждения со стороны окружающих; представления о позорности, греховности суицида; наличие эстетических критериев (нежелание выглядеть некрасивым даже после смерти). Чем большим количеством действующих антисуицидальных факторов обладает личность, тем прочнее ее антисуицидальный барьер и менее вероятна реализация суицидальных тенденций [7].

Проблема локуса контроля известна давно в различных трактовках, таких как судьба, рок, божественная воля, сверхсилы и т. п. Понятие *локус контроля* отражает степень самостоятельности и целеустремленности личности. Согласно этому термину, который был предложен американским психологом Дж. Роттером, два полюса локуса контроля (интернальность и экстернальность) характеризуют

склонность индивида воспринимать вознаграждение как зависящее от его собственного поведения и усилий по сравнению со случайностью, удачей или контролем других людей [8].

Цель данной работы – выявить структуру взаимосвязей между проявлениями суицидального риска и локуса контроля у мужчин на этапе ранней зрелости. В исследовании приняли участие 110 респондентов мужского пола (среди мужчин число совершенных суицидов в несколько раз выше, чем среди женщин) в возрасте от 22 до 41 года с различными образовательным, профессиональным и семейным статусами. Для достижения цели исследования были использованы опросник суицидального риска (ОСР) А. Г. Шмелева и И. Ю. Беляковой, а также метод исследования уровня субъективного контроля (УСК) Е. Ф. Бажина, Е. А. Голынкиной и А. М. Эткинды. С помощью упомянутого ОСР определялось содержание суицидальных намерений мужчин (демонстративность, аффективность, уникальность, несостоятельность, социальный пессимизм, слом культурных барьеров, максимализм, временная перспектива, антисуицидальный фактор) [9]. Русскоязычный вариант адаптации шкалы локуса контроля Дж. Роттера – опросник УСК Е. Ф. Бажина, Е. А. Га-

лынкиной и А. М. Эткинды с шестибалльной шкалой ответов от -3 до $+3$ (вариант А, предназначенный для исследовательских целей) – позволил выявить у мужчин специфику субъективного контроля (интернальности – экстернальности) над различными жизненными ситуациями, а именно в ситуациях достижений и неудач, в сферах производственных, межличностных и семейных отношений, здоровья и болезни [10].

В результате корреляционного анализа (непараметрический метод по Спирмену) полученных данных (рис. 1) были выявлены отрицательные взаимосвязи возраста с такими шкалами суицидального риска, как демонстративность ($r = -0,443$ при $p < 0,001$), уникальность ($r = -0,233$ при $p = 0,014$), несостоятельность ($r = -0,419$ при $p < 0,001$), слом культурных барьеров ($r = -0,263$ при $p = 0,005$), максимализм ($r = -0,489$ при $p < 0,001$), временная перспектива ($r = -0,311$ при $p < 0,001$). Следовательно, на этапе ранней зрелости у мужчин происходит снижение суицидальных тенденций и потенциальной готовности совершить самоубийство. Как отмечает Л. Н. Юрьева, существуют три периода возрастания суицидальных тенденций, на первый из которых (15–24 года) приходится пик суицидов [11].

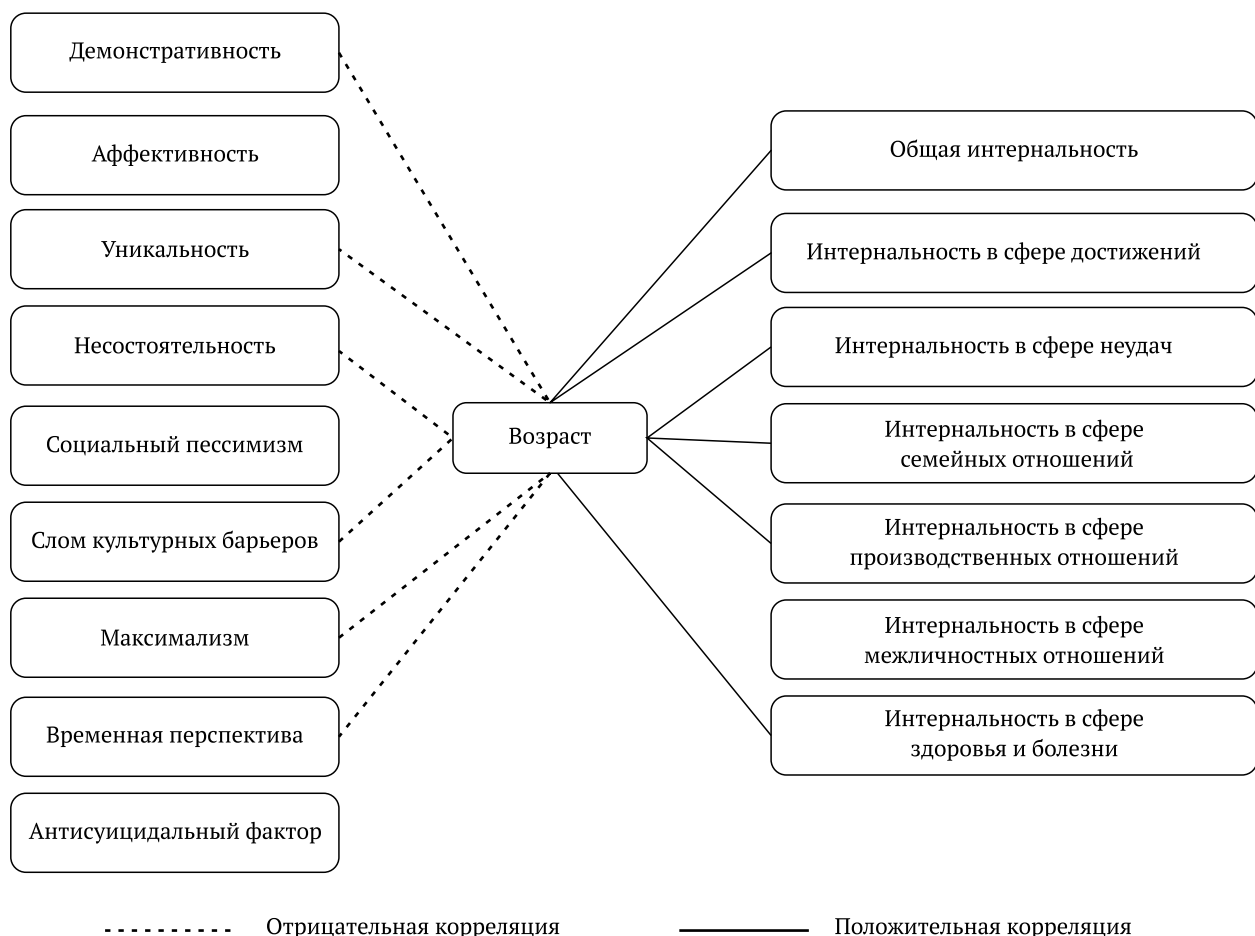

Рис. 1. Взаимосвязь возраста с суицидальными тенденциями и показателями интернальности у всей выборки
Fig. 1. The correlation of age with suicidal tendencies and indicators of internality in the whole sample

Однако между возрастом и интернальным локусом контроля обнаружены исключительно положительные взаимосвязи как в общей интернальности ($r = 0,298$ при $p = 0,002$), так и в интернальности в сферах достижений ($r = 0,312$ при $p < 0,001$), неудач ($r = 0,299$ при $p < 0,001$), семейных отношений ($r = 0,197$ при $p = 0,04$), производственных отношений ($r = 0,332$ при $p < 0,001$), здоровья и болезни ($r = 0,419$ при $p < 0,001$). Это означает, что в период ранней зрелости у мужчин происходит повышение интернальности во всех сферах, кроме межличностных отношений.

Проведенный корреляционный анализ между проявлениями интернальности и формами суицидальных намерений (рис. 2) позволяет сделать общий вывод о том, что усиление суицидальных тенденций у мужчин связано со снижением показателей интернальности (соответственно, увеличением экстернальности). Аналогичные результаты получены в исследовании А. С. Бондаренко, в котором было установлено, что суициденты (мужчины и женщины в фазе постсуицида) имеют ряд

специфических личностных особенностей, в частности доминирование экстернального локуса контроля [12].

Шкала демонстративности. Выявлены отрицательные корреляции между шкалой демонстративности и общей интернальностью ($r = -0,229$ при $p = 0,016$), интернальностью в сферах неудач ($r = -0,372$ при $p = 0,001$), производственных отношений ($r = -0,535$ при $p < 0,001$), здоровья и болезни ($r = -0,535$ при $p < 0,001$).

Согласно А. Е. Личко суицидальная демонстративность характеризуется желанием привлечь или вернуть утраченное к себе внимание, разжалобить, вызвать сочувствие, избавиться от грозящих неприятностей или наказаний за проступки либо, наоборот, наказать обидчика, обратив на него возмущение окружающих и доставив ему серьезные неприятности. Истинного намерения покончить с жизнью при этом не наблюдается. Человек, совершающий демонстративный суицид, выбирает достаточно безопасный способ самоубийства и рассчитывает на то, что его вовремя спасут [13].

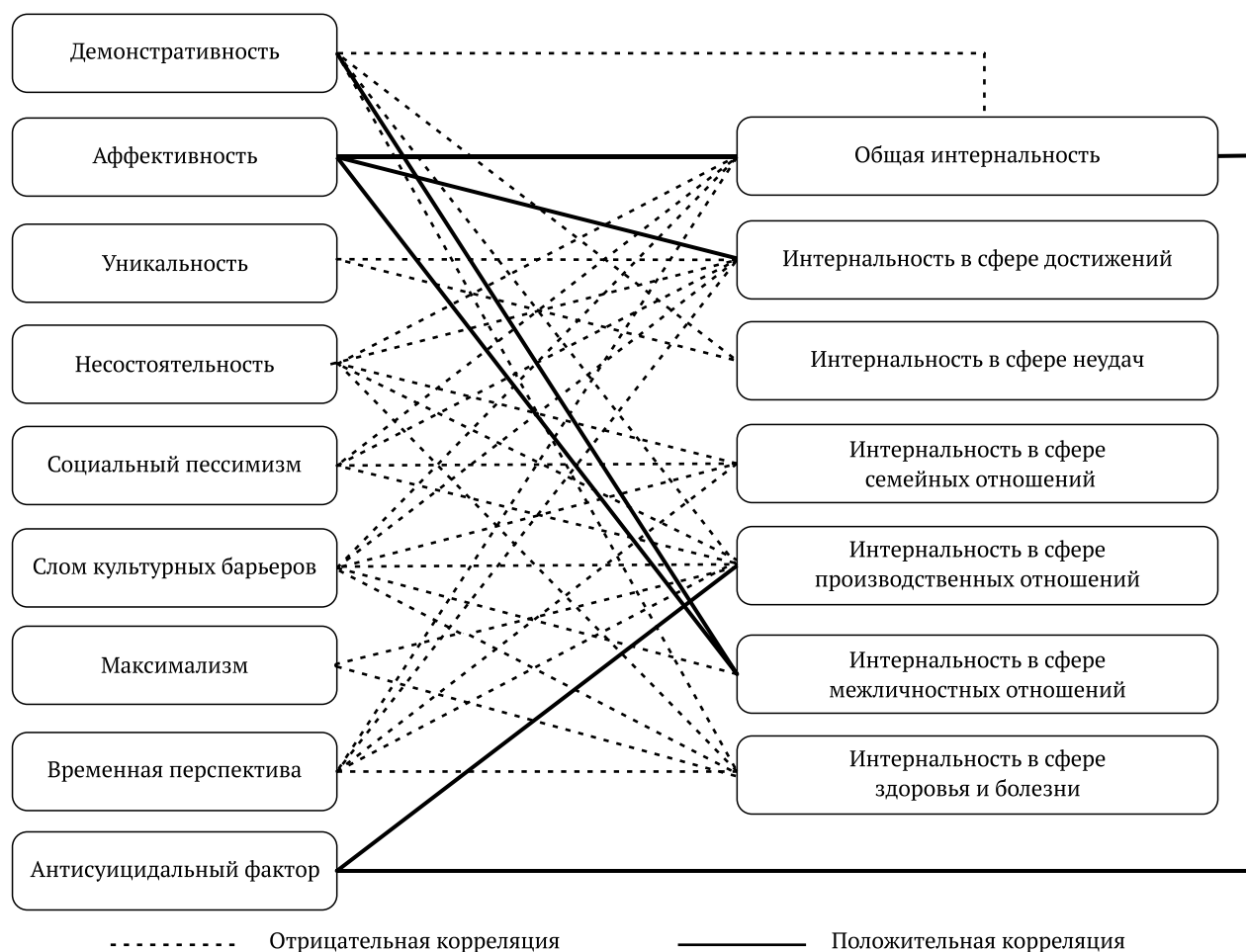

Рис. 2. Взаимосвязь суицидальных тенденций и показателей интернальности у мужчин на этапе ранней зрелости

Fig. 2. Correlation between suicidal tendencies and indicators of internality in men in early maturity

Результаты данного исследования указывают на сниженную способность к самостоятельному решению проблем у людей данного типа. Они не считают себя способными контролировать развитие ситуаций и полагают, что большинство событий являются результатом случая или действий других людей. Такие личности склонны приписывать ответственность за отрицательные события и неуспех другим людям и считать их результатом своего невезения. В сфере профессиональных отношений индивиды думают, что не они сами, а другие факторы (начальство, коллеги, фортуна и др.) определяют все, происходящее с ними. Они рассматривают болезнь как результат случая и надеются, что выздоровление наступит вследствие действий других людей (прежде всего врачей).

В то же время была выявлена положительная корреляция между шкалой демонстративности и интернальностью в сфере межличностных отношений. Следовательно, такие личности полагают, что они могут контролировать свои неформальные отношения с другими людьми, вызывать симпатию, формировать свой круг общения, активно на него влиять и удовлетворять таким образом свои потребности. Очевидно, что демонстративное суицидальное поведение, оцениваемое из внешней позиции как шантаж, «истероидное выпячивание трудностей», по сути, является призывом о помощи.

Шкала аффективности. Обнаружены положительные корреляции между шкалой аффективности и общей интернальностью ($r = 0,214$ при $p = 0,025$), интернальностью в сферах достижений ($r = 0,402$ при $p < 0,001$), межличностных отношений ($r = 0,256$ при $p = 0,007$). Это означает, что увеличение уровня аффективности респондентов сопряжено с повышением уровня их субъективного контроля над значимыми ситуациями. Мужчины, реагирующие на психотравмирующие ситуации непосредственно и эмоционально, считают, что в жизни всего добились сами. Они чувствуют ответственность за эти события и за то, как складывается их жизнь в целом. Острые аффективные реакции часто бывают вызваны обесцениванием достижений мужчин и ударами по их самолюбию.

Шкала уникальности. Выявлены отрицательные корреляции между шкалой уникальности и интернальностью в сферах достижений ($r = -0,293$ при $p = 0,002$), неудач ($r = -0,207$ при $p = 0,03$). Такое восприятие себя и ситуации связано с феноменом непроницаемости для опыта (недостаточным умением использовать жизненный опыт и ошибки) и подразумевает исключительные варианты выхода из затруднительных ситуаций, в частности суицид. Непроницаемость для опыта формируется из закрепившихся предубеждений о том, что любые успехи или неудачи человека всегда зависят от внеш-

него мира (обусловлены другими людьми, судьбой, случайным совпадением и т. д.).

Шкала несостоятельности. Обнаружены отрицательные корреляции между шкалой несостоятельности и общей интернальностью ($r = -0,271$ при $p = 0,004$), интернальностью в сферах достижений ($r = -0,340$ при $p < 0,001$), семейных отношений ($r = -0,298$ при $p = 0,002$), производственных отношений ($r = -0,312$ при $p < 0,001$), здоровья и болезни ($r = -0,256$ при $p = 0,007$). Поскольку данная шкала отражает наличие негативной концепции собственной личности, следовательно, снижение интернальности сопряжено с усилением у мужчин представлений об их несостоятельности, некомпетентности, ненужности. Как можно заметить, данная шкала связана с мнениями о физической, интеллектуальной, моральной и иной несостоятельности, которая проявляется в сферах достижений, семейных и рабочих отношениях, здоровья, влияя на них негативно. В сфере достижений человек приписывает свои успехи стечению обстоятельств; в сфере семейных отношений считает своих близких ответственными за возникающие в семье ситуации; в сфере производственных отношений полагает, что не он сам, а кто-то другой определяет его карьерный рост; в сфере здоровья обвиняет в случае болезни внешние факторы (экологию, систему здравоохранения и т. д.).

Шкала социального пессимизма. Выявлены отрицательные корреляции между шкалой социального пессимизма и общей интернальностью ($r = -0,295$ при $p = 0,002$), интернальностью в сферах достижений ($r = -0,411$ при $p < 0,001$), семейных отношений ($r = -0,223$ при $p = 0,019$), производственных отношений ($r = -0,296$ при $p = 0,002$). Негативная концепция окружающего мира, восприятие мира как враждебного, не соответствующего представлениям о нормальных или удовлетворительных для человека отношениях, связаны с усилением и общей экстернальности, и экстернальности в сферах достижений, семейных и производственных отношений. При отсутствии социальных лифтов многие индивиды не имеют реальных перспектив улучшения своей жизни. В сочетании с невысоким уровнем жизни и комплексом социально-бытовых проблем это может подтолкнуть к совершению отчаянных поступков тех людей, которые убеждены в том, что их достижения и успехи от них самих не зависят.

Шкала слома культурных барьеров. Обнаружены отрицательные корреляции между шкалой слома культурных барьеров и общей интернальностью ($r = -0,292$ при $p = 0,002$), интернальностью в сферах достижений ($r = -0,209$ при $p = 0,029$), семейных отношений ($r = -0,283$ при $p = 0,003$), производственных отношений ($r = -0,428$ при $p < 0,001$), межличностных отношений ($r = -0,201$ при $p = 0,035$), здоровья и болезни ($r = -0,325$ при $p < 0,001$). Поиск культурных ценностей и нормативов,

которые оправдывают суицидальное поведение или делают его привлекательным, инверсия ценностей жизни и смерти, эстетизация смерти, заимствование суицидальных моделей поведения из литературы и кино усиливаются при экстермальном локусе контроля. Поскольку в исследовании выявлены положительные корреляции шкалы слом культурных барьеров со шкалами демонстративности ($r = 0,348$ при $p < 0,001$), несостоятельности ($r = 0,494$ при $p < 0,001$), социального пессимизма ($r = 0,341$ при $p < 0,001$), максимализма ($r = 0,341$ при $p < 0,001$), временной перспективы ($r = 0,495$ при $p < 0,001$), можно утверждать, что данный показатель является не только признаком эстетизации смерти, но и вполне самостоятельным фактором суицидальной направленности личности.

Шкала максимализма. Выявлены отрицательные корреляции между шкалой максимализма и интернальностью в сферах производственных отношений ($r = -0,428$ при $p < 0,001$), здоровья и болезни ($r = -0,325$ при $p < 0,001$). Инфантильный максимализм ценностных установок, аффективная фиксация на проблемах, распространение на все сферы жизни локального конфликта, существующего в какой-то одной жизненной сфере, будут проявляться в большей степени там, где у мужчин наблюдается повышение экстернальности, в частности в сферах производственных отношений и здоровья.

Шкала временной перспективы. Обнаружены отрицательные корреляции между шкалой временной перспективы и общей интернальностью ($r = -0,214$ при $p = 0,025$), интернальностью в сферах достижений ($r = -0,195$ при $p = 0,041$), семейных отношений ($r = -0,208$ при $p = 0,029$), производственных отношений ($r = -0,298$ при $p = 0,002$), здоровья и болезни ($r = -0,264$ при $p = 0,005$). У мужчин практически во всех сферах жизни экстернальность связана с тем, что они не могут конструктивно планировать будущее и трансформируют чувства неразрешимости текущей проблемы в глобальный страх. Это схоже с синдромом выученной беспомощности, когда индивид не предпринимает попыток к улучшению своего состояния (не пытается избежать не-

гативных стимулов или получить позитивное подкрепление), хотя имеет такую возможность. Следует также отметить, что данная шкала имеет положительную корреляцию со шкалой несостоятельности ($r = 0,569$ при $p < 0,001$), т. е. с представлениями человека о своей некомпетентности, ненужности, «выключенности» из мира.

Шкала антисуицидального фактора. Выявлена положительная связь между шкалой антисуицидального фактора и общей интернальностью ($r = 0,205$ при $p = 0,032$), интернальностью в сфере производственных отношений ($r = 0,244$ при $p = 0,01$). Следовательно, даже при высокой выраженности всех рассмотренных форм суицидальных намерений существует антисуицидальный фактор деятельности, способный снижать риск и потенциальную готовность личности совершить самоубийство, а именно глубокое понимание своей ответственности за других людей, чувство долга.

Таким образом, в период ранней зрелости усиление суицидальных тенденций у мужчин связано со снижением показателей их интернальности и, соответственно, повышением экстернальности. Вслед за А. С. Бондаренко авторы данной статьи рассматривают экстернальный локус контроля как фактор риска суицидальных тенденций у личности в критической для нее ситуации. В то же время, как показало исследование А. В. Визгиной и С. Р. Пантилеева, ощущение субъектности, осознание собственной роли в достижении успеха (интернальный локус контроля) являются необходимым элементом самоуважения мужчины, а также связаны с его позитивной самооценкой и представлением о самореализованности [14]. Настоящее исследование доказывает, что повышение общей интернальности (прежде всего интернальности в сфере производственных отношений) будет эффективной мерой профилактики суицидальных намерений у мужчин на этапе ранней зрелости. Беспомощность и безнадежность в условиях рабочего кризиса или конфликта (типичные реакции-триггеры суицидальных тенденций) могут быть успешно преодолены личностью, способной управлять своим Я и контролировать свое поведение.

Заключение

На этапе ранней зрелости у мужчин суицидальные тенденции постепенно снижаются, а общая интернальность, наоборот, повышается. Усиление суицидальных тенденций связано с уменьшением показателей интернальности и, соответственно, с увеличением экстернальности. Между интернальностью в различных сферах и формами суицидальных намерений обнаружены преимущественно отрицательные корреляции. Положительные связи выявлены только между шкалами общей интернальности, интернальности в сферах

достижений, межличностных отношений и уровнем аффективности, а также между интернальностью в сфере межличностных отношений и демонстративностью.

По результатам данного исследования антисуицидальным фактором деятельности и эффективной мерой профилактики суицидальных намерений у мужчин на этапе ранней зрелости можно считать повышение как общей интернальности, так и интернальности в различных сферах, прежде всего в сфере рабочих отношений.

Библиографические ссылки

1. Колмаков АА. Структурно-динамическая модель формирования и развития суицидального мотива. В: Соколова ЭА, Горленко ВП, Сильченко ИВ, Лытко АА, редакторы. *Проблемы суицидов и суицидального поведения: материалы Республиканской научно-практической конференции; 19–22 ноября 2008 г.; Гомель, Беларусь*. Гомель: Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины; 2008. с. 210–216.
2. Гусева ИС. Психологические маркеры суицидального поведения в профилях личности СМЛ и ОСР. *Виктимология*. 2018;4(18):50–53.
3. Букин СИ. Критерии оценки риска суицида. *Журнал Гродненского государственного медицинского университета*. 2019;5:530–537.
4. Сапоровская МВ, Крюкова ТЛ, Хазова СА, Самохвалова АГ, Тихомирова ЕВ. *Диагностика суицидального риска и психопрофилактика суицида у детей и подростков*. Кострома: КГУ; 2016. 140 с.
5. Гуренкова ТН, Голубева ОЮ, Тарасова АА, редакторы. *Методические рекомендации по диагностике суицидального поведения*. Москва: ФКУ «Центр экстренной психологической помощи МЧС России»; 2009. 108 с.
6. Зотов МВ, Петрукович ВМ, Сысоев ВН. *Методика экспресс-диагностики суицидального риска*. Санкт-Петербург: ИМАТОН; 2016. 21 с.
7. Амбрумова АГ, Тихоненко ВА, составители. *Диагностика суицидального поведения*. Москва: Московский научно-исследовательский институт психиатрии; 1980. 48 с.
8. Rotter JB. Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement. *Psychological Monographs: General and Applied*. 1966;80(1):1–28.
9. Шмелев АГ, Белякова ИЮ. Опросник суицидального риска. В: Пантеев СР, редактор. *Практикум по психодиагностике. Прикладная психодиагностика*. Москва: МГУ имени М. В. Ломоносова; 1992. с. 3–8.
10. Бажин ЕФ, Голынкина ЕА, Эткин АМ. Метод исследования уровня субъективного контроля. *Психологический журнал*. 1984;3:152–163.
11. Юрьева ЛН. *Клиническая суицидология*. Днепропетровск: Пороги; 2006. 472 с.
12. Бондаренко АС. *Личностные доминанты у лиц с суицидальными тенденциями* [диссертация]. Владивосток: Владивостокский государственный университет экономики и сервиса; 2004. 195 с.
13. Личко АЕ. *Психопатии и акцентуации характера у подростков*. Ленинград: Медицина; 1983. 256 с.
14. Визгина АВ, Пантеев СР. Проявление личностных особенностей в самоописаниях мужчин и женщин. *Вопросы психологии*. 2001;3:91–100.

References

1. Kolmakov AA. [Structural-dynamic model of the formation and development of a suicidal tendency]. In: Sokolova EA, Gorlenko VP, Sil'chenko IV, Lytko AA, editors. *Problemy suitsidov i suitsidal'nogo povedeniya: materialy Respublikanskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 19–22 noyabrya 2008 g.; Gomeľ, Belarus'* [Problems of suicides and suicidal behaviour: materials of the Republican scientific-practical conference; 2008 November 19–22; Gomel, Belarus]. Gomel: Francisk Skorina Gomel State University; 2008. p. 210–216. Russian.
2. Guseva IS. Psychological markers of suicidal behaviour in the profiles of the personality of SMIL and OSR. *Viktimology*. 2018;4(18):50–53. Russian.
3. Bukin SI. Suicide risk assessment criteria. *Journal of the Grodno State Medical University*. 2019;5:530–537. Russian.
4. Saporskaya MV, Kryukova TL, Khazova SA, Samokhvalova AG, Tikhomirova EV. *Diagnostika suitsidal'nogo riska i psikhoprofilaktika suitsida u detei i podrostkov* [Diagnosis of suicidal risk and psychoprophylaxis of suicide in children and adolescents]. Kostroma: Kostroma State University; 2016. 140 p. Russian.
5. *Metodicheskie rekomendatsii po diagnostike suitsidal'nogo povedeniya* [Guidelines for the diagnosis of suicidal behaviour]. Gurenkova TN, Golubeva OYu, Tarasova AA, editors. Moscow: FКУ «Center for Emergency Psychological Assistance of the Ministry of Emergency Situations of Russia»; 2009. 108 p. Russian.
6. Zotov MV, Petrukovich VM, Sysoyev VN. *Metodika ekspress-diagnostiki suitsidal'nogo riska* [Methodology for rapid diagnosis of suicidal risk]. Saint Petersburg: IMATON; 2016. 21 p. Russian.
7. Ambrumova AG, Tikhonenko VA, compilers. *Diagnostika suitsidal'nogo povedeniya* [Diagnosis of suicidal behaviour]. Moscow: Moscow Research Institute of Psychiatry; 1980. 48 p. Russian.
8. Rotter JB. Generalised expectancies for internal versus external control of reinforcement. *Psychological Monographs: General and Applied*. 1966;80(1):1–28.
9. Shmelev AG, Belyakova IYu. [Suicidal risk questionnaire]. In: Pantileev SR, editor. *Praktikum po psikhodiagnostike. Prikladnaya psikhodiagnostika* [Workshop on psychodiagnostics. Applied psychodiagnostics]. Moscow: Lomonosov Moscow State University; 1992. p. 3–8.
10. Bazhin EF, Golyunkina EA, Etkind AM. [Method for studying the level of subjective control]. *Psikhologicheskii zhurnal*. 1984;3:152–163. Russian.
11. Yur'yeva LN. *Klinicheskaya suitsidologiya* [Clinical suicidology]. Dnepropetrovsk: Porogi; 2006. 472 p. Russian.
12. Bondarenko AS. *Lichnostnyye dominanty u lits s suitsidal'nymi tendentsiyami* [Personality dominants in individuals with suicidal tendencies; dissertation]. Vladivostok: Vladivostok State University of Economics and Service; 2004. 195 p. Russian.
13. Lichko AE. *Psikhopatii i aktsentuatsii kharaktera u podrostkov* [Psychopathies and character accentuations in adolescents]. Leningrad: Meditsina; 1983. 256 p. Russian.
14. Vizgina AV, Pantileev SR. [The manifestation of personal characteristics in the self-descriptions of men and women]. *Voprosy psikhologii*. 2001;3:91–100. Russian.

Статья поступила в редколлегию 23.02.2022.
Received by editorial board 23.02.2022.

ТЕНДЕНЦИИ В ВОЗРАСТНОЙ ДИНАМИКЕ ПРИМЕНЕНИЯ ТАКТИК РАЗРЕШЕНИЯ РОДИТЕЛЬСКО-ДЕТСКОГО КОНФЛИКТА В КИТАЙСКИХ СЕМЬЯХ

ЧЖАО СЫЛУ¹⁾, И. А. ФУРМАНОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассмотрены тенденции в возрастной динамике тактик разрешения родительско-детского конфликта в китайских семьях. Установлено, что в разные возрастные периоды (детство и ранняя взрослость) независимо от полов ребенка и родителя наиболее распространенными тактиками разрешения родительско-детского конфликта являются дисциплинирование, телесные наказания и психологическая агрессия. Матери отличаются от отцов большей вовлеченностью в разрешение родительско-детских конфликтов как с девочками, так и с мальчиками, особенно в период детства. Частота использования родителями тактик разрешения родительско-детского конфликта имеет тенденцию к снижению по мере взросления детей.

Ключевые слова: дисциплина; дисциплинирование; психологическая агрессия; телесные наказания; проявление жестокости; тенденции; тактики разрешения родительско-детского конфликта.

TRENDS IN AGE DYNAMICS OF THE USE PARENT-CHILD CONFLICT RESOLUTION TACTICS IN CHINESE FAMILIES

ZHAO SILU^a, I. A. FOURMANOV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: I. A. Fourmanov (fourmigor@gmail.com)

Trends in the age dynamics of tactics for resolving parent-child conflict in Chinese families are discussed. It was found that in different age periods (childhood and early adulthood), regardless of the sexes of the child and the parent, the most common tactics for resolving parent-child conflict are discipline, corporal punishment and psychological aggression. Mothers differ from fathers by their greater involvement in resolving parent-child conflicts with both girls and boys, especially during childhood. The frequency of parents' use of tactics for resolving parent-child conflict tends to decrease as children grow up.

Keywords: discipline; disciplining; psychological aggression; physical punishment; violent behaviour; tendencies; tactics to resolve parent-child conflict.

Образец цитирования:

Чжао Сылу, Фурманов ИА. Тенденции в возрастной динамике применения тактик разрешения родительско-детского конфликта в китайских семьях. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2022;2:66–75.

For citation:

Zhao Silu, Fourmanov IA. Trends in age dynamics of the use parent-child conflict resolution tactics in Chinese families. Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology. 2022;2:66–75. Russian.

Авторы:

Чжао Сылу – аспирант кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – И. А. Фурманов.
Игорь Александрович Фурманов – доктор психологических наук, профессор; заведующий кафедрой социальной и организационной психологии.

Authors:

Zhao Silu, postgraduate student at the department of social and organisational psychology, faculty of philosophy and social sciences.
siluzhao417@gmail.com
Igor A. Fourmanov, doctor of science (psychology), full professor; head of the chair of social and organisational psychology.
fourmigor@gmail.com

Введение

Родители играют решающую роль в процессе становления личности своего ребенка. Они поддерживают его физическое, эмоциональное, социальное и интеллектуальное развитие и обеспечивают ему всеобъемлющую среду для взросления. Хотя ребенок и наследует генетические особенности своих родителей, степень его развитости определяется качеством взаимодействия с матерью и отцом, а также ресурсами, которые они на него тратят. Многочисленными исследованиями было показано, что методы воспитания, применяемые родителями, оказывают значительное влияние на такие стороны развития ребенка, как самооценка, агрессия, отношения со сверстниками, мотивация к обучению, психосоциальная адаптация и благополучие. Более того, исследования подтвердили, что воспитание влияет на развитие ребенка уже в раннем возрасте и его последствия могут сохраняться даже в подростковом и более поздних возрастах.

Методы воспитания, как и многие другие аспекты человеческого поведения, находятся под влиянием общества и культуры. Цели и процессы социализации отличаются в разных культурах – то, что приемлемо в одной культуре, может не считаться таковым в другой. Например, было обнаружено, что стили воспитания по-разному влияют на детей в зависимости от культуры. В частности, исследования показали, что авторитетное воспитание связано с положительными результатами развития ребенка, а суровое и контролирующее воспитание, включая применение дисциплины, сопряженной с использованием физических наказаний, напротив, связано с негативными последствиями для детей.

Китайская культура, в сравнении с другими культурами, имеет свои особенности, которые влияют на методы воспитания родителями и социализацию китайских детей. Социокультурные традиции и нормы поведения в Китае по-прежнему находятся под сильным влиянием конфуцианства. В частности, Д. Я. Ф. Хо отмечал, что руководящий принцип, лежащий в основе социализации детей, воплощается в этике сыновнего почтения [1]. Благодаря этому принципу организуется и закрепляется приобретенный опыт ребенка, что проявляется в повиновении родителям, их почтении, поддержании положительной репутации семьи.

Конфуцианские верования отражены в китайских социальных ценностях и поведении, а конфуцианские учения широко распространены в социальных (семья), духовно-культурных (образование) институтах. Активное проявление сыновнего почтения, поддержание межличностной гармонии и уникальных взглядов на мораль, социальные ожидания и формирование мотивации достижения начинаются в раннем возрасте. В китайской культуре ожидается, что дети будут слушать взрослых, следовать

правилам, следить за собой и быть чувствительными к оценке и критике других людей. Ответственность и обязанность родителей состоят в том, чтобы обучать, дисциплинировать своих детей, воспитывать чувствительность к социальным правилам и привить чувство стыда в случае отклонения от этих правил. Дети обязаны слушать своих матерей и отцов, и этот акцент на послушании может привести к тому, что родители будут доминировать во взаимодействии со своими детьми, оставляя им меньше возможностей для влияния. Еще одной особенностью воспитания в Китае является акцент на эмоциональной сдержанности для содействия гармонии и здоровой адаптации, что заставляет китайских родителей уменьшать проявления теплоты к своим детям [2].

В Китае культурные традиции и конфуцианская культурная ориентация породили такую доктрину воспитания китайцев, как тренинг (教訓, jiàoxùn) [3]. Она предполагает раннее обучение родителями детей надлежащему поведению посредством руководства и постоянного мониторинга действий ребенка, при этом сохраняются вовлеченность в этот процесс, обеспечение ухода за ребенком и родительская поддержка. Тренинг нацелен на формирование послушания и ориентацию детей на установленные стандарты поведения.

Таким образом, основу китайской культурной традиции в воспитании детей составляют следующие императивы [2].

1. *Поддержка скромного поведения.* В традиционном китайском обществе достижение и поддержание общественного порядка и межличностной гармонии являются первоочередными задачами. Для сохранения социальной и межличностной гармонии индивид должен быть скромным, при взаимодействии с другими вести себя сдержанно, покорно и социально соответствующим образом.

2. *Родительская защита.* В соответствии с культурными ценностями, подчеркивающими важность семьи, родительской ответственности и обязанности воспитывать достойных детей (сыновний долг), китайские родители стремятся создавать безопасные условия, в которых их ребенок будет зависим от взрослых. Имеется мнение, что маленькие дети неспособны к пониманию («неразумные дитяти»), и поэтому родители считают себя защитниками, которые должны обеспечить им безопасную среду, поощряя зависимость ребенка от них. Дети младшего возраста обязаны почитать своих родителей, а родители должны нести ответственность за контроль над ребенком, его обучение и воспитание.

3. *Порицание.* Порицание, как опора формирования и поддержания чувства стыда, предназначена для того, чтобы помочь детям быть чувствительными к восприятию, оценкам и суждениям других и научить их избегать в будущем поведения,

которое могло бы вызвать стыд или смущение в семье. Маленькие дети достаточно социализированы для осознания того, что другие думают о них, за какие действия будут поощрять, а за какие наказывать. Порицание довольно распространенное средство моральной социализации. Оно включает элементы индукции чувства вины, отказ от проявлений любви и предупреждение о возможном наказании, а также заявления о стыде и смущении, вызванные неприемлемым детским поведением. Хотя порицание, по мнению некоторых психологов, и угрожает детскому самоуважению, контролируемая актуализация чувства стыда у ребенка рассматривается конфуцианской философией как способ помочь детям регулировать их поведение культурно приемлемыми, скромными, тактичными, сдержанными, почтительными и сенситивными способами.

4. *Директивность*. Родительская директивность относится к родителям, которые принимают на себя большую ответственность за регулирование поведения их детей. Они исходят из того, что маленькие дети неспособны к пониманию происходящих событий и принятию решений в собственных интересах. Китайские воспитательные методы директивной направленности не могут однозначно трактоваться как авторитарные и, следовательно, приводящие к негативным последствиям для детей. Когда они используются в сочетании с поддерживающими и физически близкими отношениями родителей и детей, то китайские дети, как правило, обычно отождествляют себя с идеалами родительского воспитания, которые способствуют достижениям и соответствию ожиданиям общества.

5. *Материнское участие*. Исторически сложилось так, что китайские мамы были достаточно сильно преданы своим детям, особенно в ранние годы, поскольку именно они обеспечивали максимально благоприятную среду для жизни, здоровья и развития ребенка, будучи физически доступными и оперативно удовлетворяющими все потребности своих детей. Данная традиция сохраняется и в настоящее время. Считается, что дети должны быть единственными интересом и заботой своих матерей и что мамы должны всюду брать их с собой. Когда дети достигают школьного возраста, матери должны оказывать им поддержку и стимулировать их к успеху в школе, чтобы в конечном итоге ребенок соответствовал ожиданиям общества и семьи в отношении успеха.

Дети являются активными участниками своей социализации и могут динамично формировать собственный опыт и влиять на воспитательную практику родителей. Ребенок может принимать просьбы своих мамы и папы, а может активно сопротивляться и противостоять их давлению, провоцировать суровую родительскую дисциплину и способствовать развитию конфликта. По мере взросления дети могут активно использовать свои формирующиеся на-

выки межличностного взаимодействия, чтобы согласовывать их с родительскими требованиями или противостоять им.

Конфликт между родителями и детьми можно определить как ситуацию, в которой родители и дети противостоят друг другу. Одной из главных целей воспитания является социализация ребенка – процесс, посредством которого родители прививают своему ребенку ценности и модели поведения, соответствующие члену общества. Естественно, что эта социализация часто приводит к конфликту, когда ребенок противостоит попыткам родителей изменить его поведение. Они не могут участвовать в процессе социализации без необходимости время от времени сталкиваться со своим сопротивляющимся ребенком, а дети не могут проверить границы своей развивающейся автономии, не вступая со своими родителями в противоречие [4].

Родительско-детский конфликт – не единичное явление. Характер и частота разногласий меняются по мере развития ребенка, равно как и стратегии разрешения конфликтов. Очевидно, что родитель, пытающийся управлять поведением ребенка, столкнется с совершенно иными проблемами, чем родитель, который стремится управлять поведением подростка. Развиваясь, дети становятся более восприимчивыми к признанию точки зрения своих родителей на проблемы, а также более способными вести переговоры с ними или сопротивляться их указаниям. Аналогичным образом ожидания родителей относительно поведения своих детей во время конфликтных ситуаций, а также их взгляд на собственную роль в качестве социализирующего агента будут меняться по мере развития их ребенка. С учетом изложенного, по-видимому, существует некоторая преемственность в том, как родители и дети управляют конфликтами. Если модель эффективного управления конфликтами, в которой оба партнера могут свободно выражать свои различные точки зрения и работать вместе для разрешения противоречий, возникает в раннем возрасте, то она, скорее всего, сохранится в течение всего детства и, возможно, в последующие периоды взросления, несмотря на меняющийся характер конфликта между родителями и детьми.

Современные исследования родительско-детского конфликта в Китае в основном сосредоточены на взаимоотношениях родителей и детей младшего и среднего школьных возрастов, в меньшей степени – подросткового возраста. Отмечается, что уровень рассматриваемого конфликта достигает пика в подростковом возрасте, т. е. имеет форму перевернутой буквы U. Однако исследования показали следующее: более высокий уровень родительско-детского конфликта сохраняется в позднем подростковом возрасте [5], частота конфликтов между родителями и детьми среди студентов университетов в целом низкая, конфликт между родителями и детьми

характеризуется определенной степенью непрерывности [6].

При серьезном разногласии между детьми и родителями необходимо применять методы его регулирования, учитывая тот факт, что причины его возникновения и методы разрешения различны. В частности, Хэ Вэньгуан и Сун Гуанвэнь [7] отмечают, что тактики разрешения родительско-детского конфликта в основном относятся к разным средствам и способам, используемым как родителями, так и детьми для контроля ситуации в процессе конфликтного поведения. Это ядро проблемы конфликта, которое доминирует над всем его процессом и влияет на исход. Юй Голян и Чжоу Сюэмэй [8] придерживаются другого мнения, предлагая рассматривать проблему конфликта целиком от его начала до завершения. Тактики, используемые обеими сторонами в конфликте, называются тактиками управления конфликтом, а тактики, используемые для завершения конфликта, называются тактиками разрешения. В целом, родительско-детский конфликт – это непрерывный процесс, и на практике трудно провести четкое различие между тактиками управления конфликтом и тактиками разрешения конфликта. Их часто смешивают, поэтому концепция имеет свои недостатки. В родительско-детском конфликте тактики управления определяют качество разрешения конфликта между ними, что тесно связано с формированием личности ребенка, развитием его когнитивных и социальных навыков, а также с характером отношений между родителями и детьми.

Как отмечается в литературе, основными причинами рассматриваемого конфликта являются проблемы в сферах обучения и воспитания детей [9]. Кроме того, в китайской традиции конфликт между родителями и детьми, как правило, еще объясняется и отсутствием сыновнего почтения и врожденной своенравностью ребенка, в результате чего ответственность за любой конфликт ложится на ребенка [10]. В связи с этим родительские стратегии разрешения конфликта с ребенком в основном ориентированы на дисциплину, послушание и достижение повиновения. В качестве тактик, применяемых родителями в разрешении родительско-детского конфликта, рассматривают дисциплинирование (ненасильственные действия родителей, направленные на регулирование поведения детей, предотвращение и профилактику возникшего конфликта путем убеждения, словесных объяснений или инструкций); психологическую агрессию (вербальные и символические действия родителей в виде угроз наказания и запугивания); физическую агрессию (широкий диапазон применяемых действий, включающих телесные наказания, проявление жестокости, физическую жестокость) [11].

Анализ литературы о проблеме тактик разрешения родительско-детского конфликта в китайской

культуре позволил выявить достаточно противоречивые данные. Так, Линь Лань [12] отмечает, что данный конфликт, касающийся обучения и поведенческих действий детей в возрасте от 3 до 6 лет, в основном разрешается с помощью вербальных и эмоциональных интервенций. Частота и интенсивность конфликтов между родителями и детьми по этому поводу постепенно увеличивались по мере взросления детей. В большинстве случаев для преодоления конфликта родители склонны использовать тактики переговоров (убеждение). Было установлено, что конфликты между матерью и ребенком встречаются чаще, чем конфликты между отцом и ребенком. При этом в отношении сыновей отцы используют физическое воздействие чаще, чем в отношении дочерей. Чжэн Ган с коллегами [13] обнаружили, что среди подростков из разных групп китайского населения всегда получали эмоциональную поддержку от матерей в трудные времена 76,5 % опрошенных, а находились под их чрезмерным контролем лишь 16,1 %.

Хотя в современном китайском законодательстве физическое наказание детей запрещено, имеются данные, свидетельствующие о следующем: физическое наказание является обычным явлением, будь то в семье или школе; суровое наказание может быть связано с представлением о том, что дети являются частью своих родителей [14; 15]. Суровая дисциплина – все еще распространенная родительская дисциплинарная техника в современных китайских семьях. Согласно недавно проведенному исследованию более 80 % китайских родителей, воспитывающих детей в возрасте 3–6 лет, проявляют психологическую агрессию в отношении своего ребенка и приблизительно 70 % применяют телесные наказания в течение предшествующего года [16]. Также было выявлено, что китайских студентов старших курсов (60 % мужчин и 50 % женщин) в детстве били исключительно родители, а не другие члены семьи [17].

Другое распространенное восприятие китайского воспитания и социализации детей касается гендерной дифференциации, в соответствии с которой мужчинам отдается преимущество перед женщинами из-за традиции патриархальности и связанного с этим предпочтения сыновей. С точки зрения аспектов воспитания систематических исследований дифференцированного отношения китайских родителей к своим детям мужского и женского пола относительно мало, однако в них обнаружены гендерные различия в пользу девочек. Анализ, который провел Чжан Лей и его коллеги [18], показал, что отцы мальчиков прибегают к более жестким воспитательным воздействиям, чем отцы девочек, в то время как матери и мальчиков, и девочек используют одинаковые жестокие методы воспитания. В исследовании Ванг Цянь, Е. Померанец и Чэнь Хуэйчан [19] обнаружено, что уровни родительской автономии, поведенческого контроля подростков (мужского

и женского полов) схожи. Однако мальчики имеют более высокий уровень родительского психологического контроля, чем девочки.

Вышеприведенное небольшое количество исследований не позволяют сделать однозначных выводов о гендерно-ролевых различиях в тактиках разрешения родительско-детского конфликта в китайских семьях. Кроме того, эти исследования фокусируются только на одном возрастном диапазоне детей (в ос-

новном от дошкольного до подросткового возраста) и не дают возможность проанализировать тенденции в динамике тактик разрешения родительско-детского конфликта от раннего детства до взрослой жизни. В связи с этим и было проведено данное исследование, целью которого является получение более полных данных об изменении тенденций в тактиках разрешения родительско-детского конфликта в китайских семьях.

Методы исследования

В исследовании использовался китайский вариант [21] методики «Шкала тактики поведения в родительско-детском конфликте» М. А. Стросса [11; 22]. Шкала состоит из 22 утверждений, позволяющих судить о способе разрешения родителями конфликта (в отдельности отцом и матерью), возникшего с ребенком. Каждое положение оценивалось по шкале Ликерта (1 – никогда, 2 – почти никогда, 3 – иногда, 4 – почти всегда, 5 – всегда). Выявлялись результаты по использованию пяти тактик разрешения родительско-детского конфликта: дисциплинирование (Д), психологическая агрессия (ПА), физическая агрессия, предполагающая телесные наказания (ТН), проявление жестокости (ПЖ) и физическая жесто-

кость (ФЖ). В исследованиях использовались две формы опросника: в первой респондентом оценивались тактики разрешения родительско-детского конфликта в детстве, а во второй – в настоящее время.

Выборку данного исследования составили 92 китайских студента (47 мужчин и 45 женщин) в возрасте 19–29 лет.

Статистическая обработка полученных данных осуществлялась с помощью пакета прикладных данных SPSS (версия 13.0). Были рассчитаны средние, средние стандартные отклонения, *t*-критерий Стьюдента для зависимых выборок, а также коэффициент *d* Коэна для оценки величины статистического эффекта.

Результаты и их обсуждение

Обобщенный анализ результатов исследования показал, что в китайских семьях независимо от возраста, полов ребенка и родителя наиболее распространенными тактиками разрешения родительско-детского конфликта являются дисциплинирование, телесные наказания и психологическая агрессия, а наименее распространенными – проявление жестокости и физическая жестокость.

Вместе с тем более детальный анализ показал, что существуют некоторые значимые различия в тактиках разрешения родительско-детского конфликта со стороны матери и отца в зависимости от пола и возраста ребенка.

Детство. Было установлено, что матери (в сравнении с отцами) в отношении девочек чаще используют такие тактики разрешения родительско-детского конфликта, как психологическая агрессия ($t = -2,088, p = 0,043, d = 0,29$) и телесные наказания ($t = -2,088, p = 0,007, d = 0,29$). Кроме того, на уровне тенденций матери прибегают к дисциплинированию девочек чаще, чем отцы ($t = -0,948, p = 0,058, d = 0,27$).

Различий в частоте проявления жестокости и использования физической жестокости в отношении девочек между матерями и отцами не обнаружено (рис. 1).

При разрешении родительско-детского конфликта в отношении мальчиков матери чаще, чем отцы, используют дисциплинирование ($t = -3,987,$

$p \leq 0,001, d = 0,36$). Помимо этого, на уровне тенденций матери прибегают к телесным наказаниям ($t = -1,900, p = 0,064, d = 0,26$) и психологической агрессии ($t = -1,898, p = 0,064, d = 0,19$) в отношении мальчиков чаще, чем отцы.

Различий в частоте проявления жестокости и использования физической жестокости в отношении мальчиков между матерями и отцами не обнаружено (рис. 2).

Взрослость. Было выявлено, что матери для разрешения родительско-детского конфликта с девушками в сравнении с отцами только на уровне тенденций чаще используют дисциплинирование ($t = -1,950, p = 0,058, d = 0,29$).

По всем остальным тактикам (психологическая агрессия, телесные наказания, проявление жестокости и использование физической жестокости) различий между матерями и отцами в их применении в отношении девушек не обнаружено (рис. 3).

Значимых различий между частотой использования матерями и отцами тактик разрешения родительско-детского конфликта с юношами не выявлено (рис. 4).

Обобщение полученных данных позволяет сделать вывод о том, что по оценкам детей в ситуациях родительско-детского конфликта родители используют как ненасильственные, так и насильственные способы разрешения. По всей вероятности, это связано с тем, какой стиль воспитания предпочитают родители.

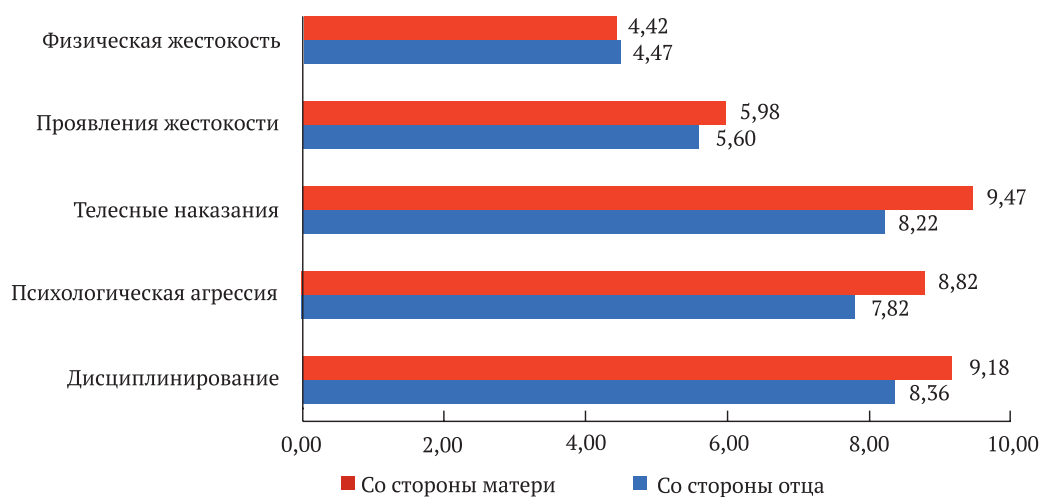

Рис. 1. Тактики разрешения родительско-детского конфликта с девочками со стороны матери и отца в детстве, балл

Fig. 1. Tactics for resolving parent-child conflict with girls by mother and father during childhood, score

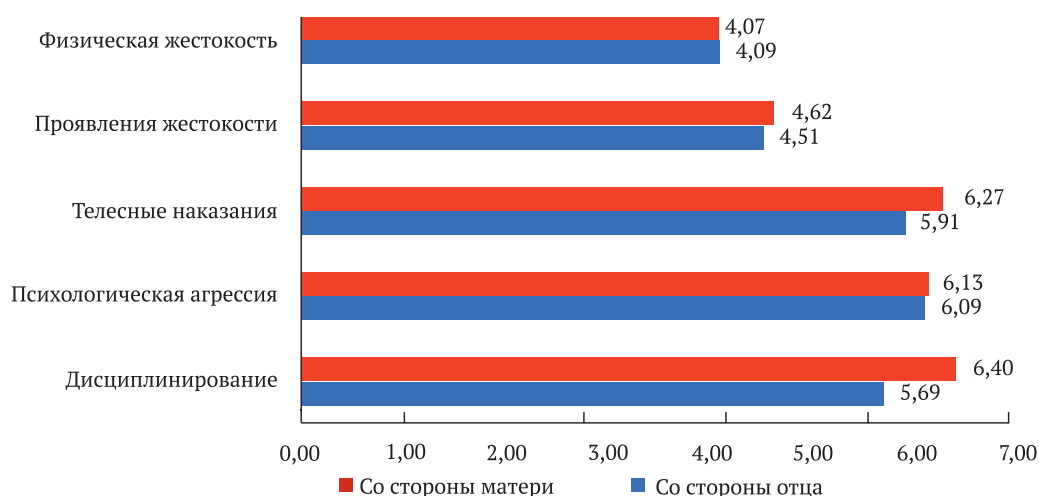

Рис. 2. Тактики разрешения родительско-детского конфликта с мальчиками со стороны матери и отца в детстве, балл

Fig. 2. Tactics for resolving parent-child conflict with boys by mother and father during childhood, score

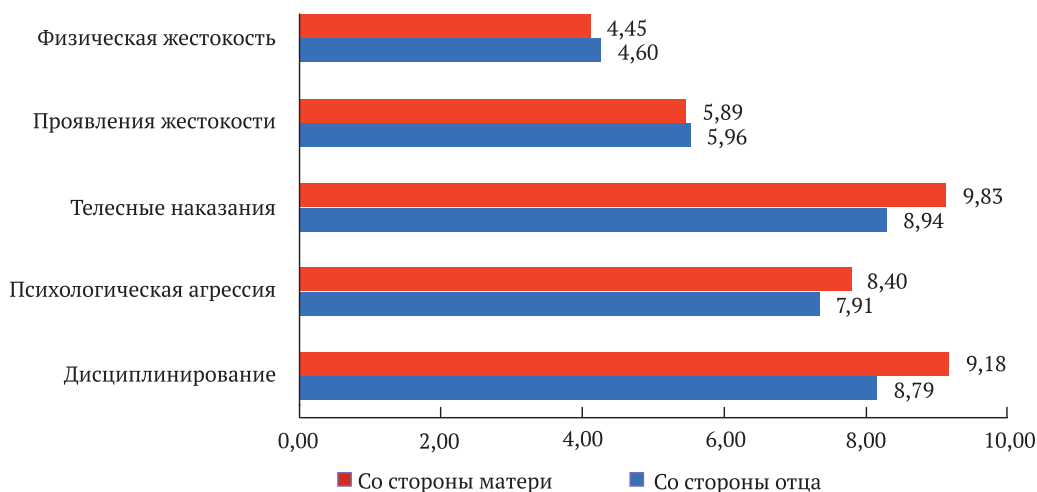

Рис. 3. Тактики разрешения родительско-детского конфликта с девушками со стороны матери и отца во взрослом возрасте, балл

Fig. 3. Tactics for resolving parent-child conflict with girls by mother and father in adulthood, score

Было проведено значительное количество исследований для определения процесса воспитания и изучения типов воспитания. В результате было выявлено, что в китайском обществе присутствуют как авторитетные, так и авторитарные модели воспитания [23; 24].

Авторитетное воспитание предполагает следующее: родители проявляют теплоту, отзывчивость и поддержку по отношению к детям, приводят аргументы, убеждают детей, предоставляют им автономию и поощряют демократическое участие детей, но при этом поддерживают надлежащий контроль за ребенком и устанавливают разумные правила. Авторитетные родители обеспечивают своим де-

тям дисциплину и предоставляют свободу действий, когда это оправдано, а также внимательно относятся к их потребностям. Авторитетные родители применяют взвешенные и последовательные наказания, а не суровые или произвольные. Они определяют четкие стандарты для своих детей, следят за установленными ими ограничениями и позволяют ребенку развивать чувство автономии. Этот стиль воспитания гораздо более эмоционально открыт. Дети вступают в дискуссию со своими родителями. Такого рода взаимодействие транслирует принятие родителями своих детей и заботу о них, а также оказывают положительное влияние на развитие детей.

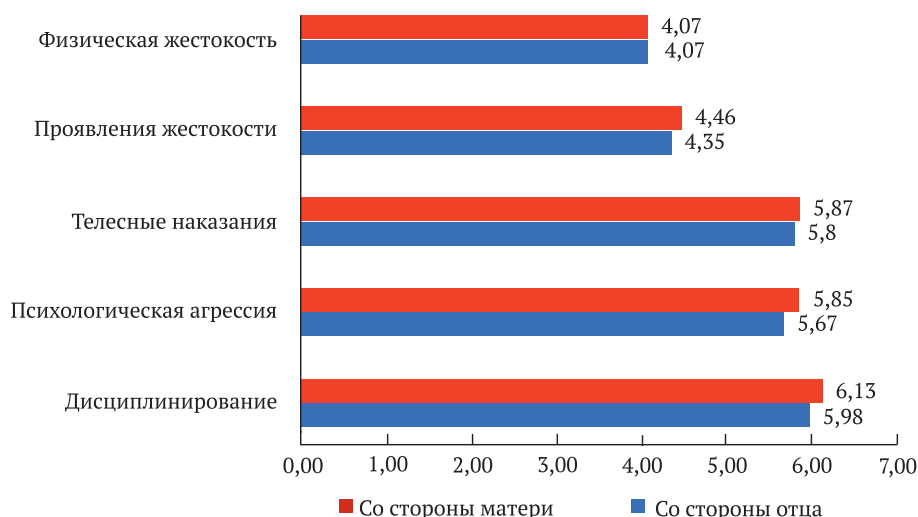

Рис. 4. Тактики разрешения родительско-детского конфликта с юношами со стороны матери и отца во взрослом возрасте, балл

Fig. 4. Tactics for resolving parent-child conflict with boys by mother and father in adulthood, score

Авторитарные родители, напротив, устанавливают четкие правила относительно поведения своих детей, ожидая подчинения и соответствия требованиям. Ребенку дают понять, что он должен вести себя определенным образом, иначе будет наказан. Такие родители многого ожидают от своих детей, но, как правило, не объясняют причин, лежащих в основе их правил. Они устанавливают требования, в которых мало места для дискуссий, переговоров или эмоциональной открытости. Авторитарное воспитание предполагает, что родители используют карательные дисциплинарные методы, а не убеждение, словесные объяснения или инструктирование детей, наказывают их физически и принуждают к чему-либо, а также проявляют словесную враждебность и психологический контроль по отношению к ребенку. Эти компоненты воспитания выражают неприятие родителями детей и отсутствие заботы о них, а так-

же имеют негативные последствия для развития ребенка [9].

Одной из примечательных тенденций, в том числе участия в родительско-детском конфликте, является большая вовлеченность матерей в семейное воспитание (по сравнению с отцами). В традиционной китайской культуре соответствующие роли отцов и матерей в воспитании детей подразумевают больший контроль со стороны отцов и большую эмоциональную поддержку или теплоту, проявляемые матерями. Китайские отцы часто берут на себя больше дисциплинарных обязанностей по социализации детей, чем матери [25]. В таком традиционном культурном контексте отцов могут чаще обвинять в ненадлежащем поведении ребенка, из-за чего они могут испытывать чувство вины. Таким образом, вполне допустимо, что по сравнению с матерями китайские отцы с большей вероятностью будут проявлять тревогу и применять суровую дисциплину в от-

ношении трудного ребенка. Однако в большинстве семей именно матери осуществляют уход за детьми и тратят больше времени и усилий на их воспитание. Недавнее исследование показало, что модернизация и вестернизация превратили родительские роли китайских родителей из строгого отца и теплой и заботливой матери в недостаточно вовлеченного отца и чрезмерно вовлеченную мать, причем женщина берет на себя как роль заботливого родителя, так и дисциплинарную роль в воспитании детей [26]. Матери имеют большое значение в жизни, опеке и воспитании ребенка, проводят больше времени с детьми, поэтому они чаще, чем отцы, конфликтуют с детьми. Именно ограниченное время, проведенное отцом с детьми, может сказываться на

отношении к воспитанию ребенка вообще и на однообразии выбора тактики дисциплинирования ребенка любого пола [27].

Еще одной тенденцией в тактиках разрешения родительско-детского конфликта является преемственность их использования независимо от возраста ребенка. Как в детстве, так и в период взрослости родители используют дисциплинирование, телесные наказания и психологическую агрессию. Однако следует отметить, что частота применения этих тактик с возрастом становится намного реже. Возможно, причиной является ослабление контроля родителей над поведением выросших детей в силу различных обстоятельств (например, обучение в другом городе или стране).

Заключение

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы.

1. Независимо от возраста, полов ребенка и родителя наиболее распространенными тактиками разрешения родительско-детского конфликта являются дисциплинирование, телесные наказания и психологическая агрессия, а наименее распространенными – проявление жестокости и физическая жестокость.

2. Матерей по сравнению с отцами отличает большая вовлеченность в разрешение родительско-

детских конфликтов как с девочками, так и с мальчиками. Данная тенденция сохраняется в период ранней взрослости, однако только по отношению к девочкам. В этот период матери и отцы включаются в разрешение родительско-детских конфликтов одинаково часто.

3. Частота применения тактики разрешения родительско-детского конфликта имеет тенденцию к постепенному снижению с увеличением возраста детей.

Библиографические ссылки

1. Ho DYF. Cognitive socialisation in Confucian heritage cultures. In: Greenfield PM, Cocking RR, editors. *Cross-cultural Roots of Minority Child Development*. Hove: Psychology Press; 1994. p. 285–314.
2. Huang Chingyu. Chinese parenting and children's compliance to adults: a cross-cultural comparative study [Internet]. 2012 [cited 2022 March 6]. 144 p. Available from: https://www.researchgate.net/publication/281126617_Chinese_parenting_and_children's_compliance_to_adults_a_cross-cultural_comparative_study.
3. Chao RK. Beyond parental control and authoritarian parenting style: understanding Chinese parenting through the cultural notion of training. *Child Development*. 1994;65:1111–1120. DOI: 10.1111/j.1467-8624.1994.tb00806.x.
4. Goodman M, Waters SF, Thompson RA. Parent – offspring conflict [Internet]. In: Barrett K, editor. *Handbook of self-regulatory processes in development: new directions and international perspectives*. Abingdon-on-Thames: Taylor & Francis; 2012 [cited 2022 March 6]. Available from: https://www.researchgate.net/publication/320811906_Parent-child_conflict.
5. 方晓义, 张锦涛, 孙莉, 刘钊. 亲子冲突与青少年社会适应的关系. *应用心理*. 2003;9(4):14–21 = Фан Сяои, Чжан Цзиньтао, Сунь Ли, Лю Чжао. Взаимосвязь между родительско-детским конфликтом и социальной адаптацией подростков. *Прикладная психология*. 2003;9(4):14–21.
6. 毕丹. 大学生亲子冲突的一般特点研究: 硕士论文 = Би Дань. Исследование общих характеристик родительско-детского конфликта среди студентов [Интернет]. 2012 [прочитано 10 апреля 2022 г.]. 43 с. Доступно по: https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CMFD&dbname=CMFD2009&filename=2009179216.nh&uniplatform=NZKPT&v=eguePX5wNzdzNmJWwZ7TSVM4lcNws0DmpQ4sbTl2z69Ij_YlI6PMZ7psYIAiKqto.
7. 何文广, 宋广文. 青少年亲子冲突处理策略问卷的初步编制. *中国心理测量与评估*. 2006;10:671–674 = Хэ Вэньгуан, Сун Гуанвэнь. Предварительная разработка шкалы по тактикам разрешения родительско-детского конфликта для подростков. *Психологическое измерение и анализ в Китае*. 2006;10:671–674.
8. 俞国良, 周雪梅. 青春期亲子冲突及其相关因素. *北京师范大学学报(社会科学版)*. 2003;6:33 = Юй Голян, Чжоу Сюэмэй. Родительско-детский конфликт в подростковом возрасте и связанные с ним факторы. *Журнал Пекинского педагогического университета (издание по общественным наукам)*. 2003;6:33.
9. Wang Qian, Chang Lei. Parenting and child socialisation in contemporary China. In: Michael HB, editor. *Oxford Handbook of Chinese Psychology*. Oxford: Oxford University Press; 2010. p. 53–68.
10. Yeh Kwong Fai, Bedford O. Filial belief and parent-child conflict. *International Journal of Psychology*. 2004;39(2):132–144.
11. Strauss MA. The multidimensional neglectful behavior scale. Form A: adolescent and adult-recall version [Internet]. 1995 [cited 2022 February 13]. Available from: <http://pubpages.unh.edu/~mas2/>.
12. 林岚. 3-6岁幼儿家庭亲子冲突的现状及其处理策略. *学前教育研究*. 2011;10:48–54 = Линь Лань. Текущая ситуация родительско-детского конфликта в семьях с маленькими детьми в возрасте 3–6 лет и тактики. *Исследования в области дошкольного воспитания*. 2011;10:48–54.

13. Zheng Gang, Shi Shaohua, Tang Hong. Population development and the value of children in the People's Republic of China. In: Trommsdorff G, Nauck B, editors. *The value of children in cross-cultural perspective: case studies from eight societies*. Lengerich: Pabst Science; 2005. p. 239–282.
14. 陈 晶琦. 我国儿童虐待及受害儿童心理健康的研究进展. 中华儿科杂志. 2006;8:625–628 = Чэнь Цзинци. Прогресс исследований в области жестокого обращения с детьми и психического здоровья детей-жертв в Китае. *Китайский журнал педиатрии*. 2006;8:625–628.
15. Naftali O. Empowering the child: Children's rights, citizenship and the state in contemporary China. *The China Journal*. 2009;61:79–104. DOI: 10.2307/20648046.
16. Wang Meifang, Liu Li. Parental harsh discipline in Mainland China: prevalence, frequency, and coexistence. *Child Abuse and Neglect*. 2014;38:1128–1137. DOI: 10.1016/j.chiabu.2014.02.016.
17. Hester M, He Junping, Lan Tian. Girls' and boys' experiences and perceptions of parental discipline and punishment while growing up in China and England. *Child Abuse Review*. 2009;18(6):401–413.
18. Chang Lei, Schwartz D, Dodge KA, McBride-Chang C. Harsh parenting in relation to child emotion regulation and aggression. *Journal of Family Psychology*. 2003;17:598–606. DOI: 10.1037/0893-3200.17.4.598.
19. Wang Qian, Pomerantz EM, Chen Huichang. The role of parents' control in early adolescents' psychological functioning: a longitudinal investigation in the United States and China. *Child Development*. 2007;78:1592–1610. DOI: 10.1111/j.1467-8624.2007.01085.x.
20. Shek DTL. A longitudinal study of perceived parental psychological control and psychological well-being in Chinese adolescents in Hong Kong. *Journal of Clinical Psychology*. 2007;63:1–22. DOI: 10.1002/jclp.20331.
21. Chan Koling. *Study on child abuse and spouse battering: report on findings of household survey*. Hong Kong: University of Hong Kong; 2005. 132 p.
22. Strauss MA. Identification of child maltreatment with the parent – child conflict tactics scales: development and psychometric data for a national sample of American parents. *Child Abuse & Neglect*. 1998;22(4):249–270.
23. Chen Xinyin, Dong Qi, Zhou Hong. Authoritative and authoritarian parenting practices and social and school performance in Chinese children. *International Journal of Behavioral Development*. 1997;21:855–873. DOI:10.1080/016502597384703.
24. Chen Xinyin, Liu Mowei, Li Boshu, Cen Guozhen, Chen Huichang, Wang Li. Maternal authoritative and authoritarian attitudes and mother-child interactions and relationships in urban China. *International Journal of Behavioral Development*. 2000;22:119–126. DOI: 10.1080/016502500383557.
25. Chen Xinyin, Wang Li, Chen Huichang, Liu Mowei. Noncompliance and childrearing attitudes as predictors of aggressive behaviour: a longitudinal study in Chinese children. *International Journal of Behavioral Development*. 2002;26:225–233. DOI: 10.1080/01650250.
26. Xing Xiaopei, Zhang Hongli, Shao Shuhui, Wang Meifang. Child negative emotionality and parental harsh discipline in Chinese preschoolers: the different mediating roles of maternal and paternal anxiety. *Frontiers in Psychology*. 2017;8:339. DOI: 10.3389/fpsyg.2017.00339.
27. Фурманов ИА, Ван Чжэньлань. Гендерные различия в тактиках разрешения родительско-детского конфликта в белорусских и китайских семьях. В: Фурманов ИА, редактор. *Психологические проблемы агрессии в социальных отношениях*. Брест: Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина; 2014. с. 206–215.

References

1. Ho DYF. Cognitive socialisation in Confucian heritage cultures. In: Greenfield PM, Cocking RR, editors. *Cross-cultural Roots of Minority Child Development*. Hove: Psychology Press; 1994. p. 285–314.
2. Huang Chingyu. Chinese parenting and children's compliance to adults: a cross-cultural comparative study [Internet]. 2012 [cited 2022 March 6]. 144 p. Available from: https://www.researchgate.net/publication/281126617_Chinese_parenting_and_children's_compliance_to_adults_a_cross-cultural_comparative_study.
3. Chao RK. Beyond parental control and authoritarian parenting style: understanding Chinese parenting through the cultural notion of training. *Child Development*. 1994;65:1111–1120. DOI: 10.1111/j.1467-8624.1994.tb00806.x.
4. Goodman M, Waters SF, Thompson RA. Parent – offspring conflict [Internet]. In: Barrett K, editor. *Handbook of self-regulatory processes in development: new directions and international perspectives*. Abingdon-on-Thames: Taylor & Francis; 2012 [cited 2022 March 6]. Available from: https://www.researchgate.net/publication/320811906_Parent-child_conflict.
5. Fang Xiaoyi, Zhang Jintao, Sun Li, Liu Zhao. [The relationship between parent-child conflict and the social adjustment of adolescents]. *Applied Psychology*. 2003;9(4):14–21. Chinese.
6. Bi Dan. Research on common characteristics of parent-child conflict among students [Internet]. 2012 [cited 2022 February 13]. 43 p. Available from: https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CMFD&dbname=CMFD2009&filename=2009179216.nh&uniplatform=NZKPT&v=eguePX5wNzdNmJWwZ7TSVM4lcnws0DmpQ4sbTl2z69Ij_YlI6PMZ7psYI-AiKqto. Chinese.
7. He Wengguang, Song Guangwen. [Preliminary development of a scale on parent-child conflict resolution tactics for adolescents]. *Psychological Measurement and Analysis in China*. 2006;10:671–674. Chinese.
8. Yu Guoliang, Zhou Xuemei. [Parent-child conflict in adolescence and related factors]. *Journal of Beijing Normal University (Social Science Publication)*. 2003;6:33. Chinese.
9. Wang Qian, Chang Lei. Parenting and child socialisation in contemporary China. In: Michael HB, editor. *Oxford Handbook of Chinese Psychology*. Oxford: Oxford University Press; 2010. p. 53–68.
10. Yeh Kwong Fai, Bedford O. Filial belief and parent-child conflict. *International Journal of Psychology*. 2004;39(2):132–144.
11. Strauss MA. The Multidimensional neglectful behaviour scale. Form A: adolescent and adult-recall version [Internet]. 1995 [cited 2022 February 13]. Available from: <http://pubpages.unh.edu/~mas2/>.
12. Lin Lan. [The current situation of parent-child conflict in families with young children aged 3–6 years and tactics]. *Studies in Early Childhood Education*. 2011;10:48–54. Chinese.

13. Zheng Gang, Shi Shaohua, Tang Hong. Population development and the value of children in the People's Republic of China. In: Trommsdorff G, Nauck B, editors. *The value of children in cross-cultural perspective: case studies from eight societies*. Lengerich: Pabst Science; 2005. p. 239–282.
14. Chen Qingqi. [Progress in research on child abuse and mental health of child victims in China]. *Chinese Journal of Pediatrics*. 2006;8:625–628. Chinese.
15. Naftali O. Empowering the child: Children's rights, citizenship and the state in contemporary China. *The China Journal*. 2009;61:79–104. DOI: 10.2307/20648046.
16. Wang Meifang, Liu Li. Parental harsh discipline in Mainland China: prevalence, frequency, and coexistence. *Child Abuse and Neglect*. 2014;38:1128–1137. DOI: 10.1016/j.chiabu.2014.02.016.
17. Hester M, He Junping, Lan Tian. Girls' and boys' experiences and perceptions of parental discipline and punishment while growing up in China and England. *Child Abuse Review*. 2009;18(6):401–413.
18. Chang Lei, Schwartz D, Dodge KA, McBride-Chang C. Harsh parenting in relation to child emotion regulation and aggression. *Journal of Family Psychology*. 2003;17:598–606. DOI: 10.1037/0893-3200.17.4.598.
19. Wang Qian, Pomerantz EM, Chen Huichang. The role of parents' control in early adolescents' psychological functioning: a longitudinal investigation in the United States and China. *Child Development*. 2007;78:1592–1610. DOI: 10.1111/j.1467-8624.2007.01085.x.
20. Shek DTL. A longitudinal study of perceived parental psychological control and psychological well-being in Chinese adolescents in Hong Kong. *Journal of Clinical Psychology*. 2007;63:1–22. DOI: 10.1002/jclp.20331.
21. Chan Koling. *Study on child abuse and spouse battering: Report on findings of household survey*. Hong Kong: University of Hong Kong; 2005. 132 p.
22. Strauss MA. Identification of child maltreatment with the parent – child conflict tactics scales: development and psychometric data for a national sample of American parents. *Child Abuse & Neglect*. 1998;22(4):249–270.
23. Chen Xinyin, Dong Qi, Zhou Hong. Authoritative and authoritarian parenting practices and social and school performance in Chinese children. *International Journal of Behavioral Development*. 1997;21:855–873. DOI: 10.1080/016502597384703.
24. Chen Xinyin, Liu Mowei, Li Boshu, Cen Guozhen, Chen Huichang, Wang Li. Maternal authoritative and authoritarian attitudes and mother-child interactions and relationships in urban China. *International Journal of Behavioral Development*. 2000;22:119–126. DOI: 10.1080/016502500383557.
25. Chen Xinyin, Wang Li, Chen Huichang, Liu Mowei. Noncompliance and childrearing attitudes as predictors of aggressive behaviour: a longitudinal study in Chinese children. *International Journal of Behavioral Development*. 2002;26:225–233. DOI: 10.1080/01650250.
26. Xing Xiaopei, Zhang Hongli, Shao Shuhui, Wang Meifang. Child negative emotionality and parental harsh discipline in Chinese preschoolers: the different mediating roles of maternal and paternal anxiety. *Frontiers in Psychology*. 2017;8:339. DOI: 10.3389/fpsyg.2017.00339.
27. Fourmanov IA, Wang Chenlan. [Gender differences in the tactics of parent-child conflict resolution in Belarusian and Chinese families]. In: Fourmanov IA, editor. *Psychological problems of aggression in social relations*. Brest: Brest State A. S. Pushkin University; 2014. p. 206–215. Russian.

Статья поступила в редакцию 14.02.2022.
Received by editorial board 14.02.2022.

ХАРАКТЕРИСТИКИ КОНСТРУКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ СО СВЕРСТНИКАМИ

Н. В. КРУГЛОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Изучаются характеристики конструктивного взаимодействия младших школьников со сверстниками в процессе совместного решения задач. Дети с высоким уровнем конструктивного взаимодействия в большей степени склонны проявлять альтруизм при решении совместной задачи как к принятым, так и к отверженным детям; имеют значимо более сильную мотивацию помогающего поведения в отношении отверженных сверстников и выраженную тенденцию оказания помощи принятым сверстникам; имеют более выраженную коллективистическую направленность коммуникации и тенденцию к выбору конструктивной стратегии принятия общего решения. Установлены значимые положительные взаимосвязи уровней конструктивного взаимодействия и мотивации помогающего поведения, альтруизма (как к принятому, так и к отверженному ребенку), мотивации деятельности, коллективистической направленности коммуникации и конструктивной стратегии принятия общего решения. Выявлена значимая отрицательная связь показателей конструктивного взаимодействия и эгоизма к принятому ребенку.

Ключевые слова: конструктивное взаимодействие; мотивация помогающего поведения; альтруизм; эгоизм; помогающее поведение; мотивация деятельности; результат деятельности; коллективистическая направленность коммуникации; конструктивная стратегия принятия общего решения; стратегия деятельности.

CHARACTERISTICS OF CONSTRUCTIVE INTERACTION OF YOUNGER PUPILS WITH THE PEERS

N. V. KRUGLOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The research is devoted to the study of the characteristics of constructive interaction between primary schoolchildren and peers in the process of joint problem solving. Children with a high level of constructive interaction are more inclined to show altruism in solving a joint problem for both preferred and rejected children; have significantly stronger motivation of helping behaviour towards rejected children and significant tendency to help preferred peers; have more significant cooperative orientation of communication and a tendency to choose a constructive strategy for making a common decision. Significant positive correlations between indicators of constructive interaction and motivation of helping behaviour, altruism to both the preferred and the rejected children, motivation of activity, cooperative orientation of communication and a constructive strategy for making a common decision established. A significant negative correlation was found between the indicators of constructive interaction and egoism to the preferred child.

Keywords: constructive interaction; motivation of helping behaviour; altruism; egoism; helping behaviour; motivation of activity; result of activity; cooperative orientation of communication; constructive strategy for making a common decision; strategy of activity.

Образец цитирования:

Круглова НВ. Характеристики конструктивного взаимодействия младших школьников со сверстниками. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2022;2:76–84.

For citation:

Kruglova NV. Characteristics of constructive interaction of younger pupils with the peers. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2022;2:76–84. Russian.

Автор:

Надежда Валентиновна Круглова – аспирантка кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор психологических наук, профессор И. А. Фурманов.

Author:

Nadezhda V. Kruglova, postgraduate student at the department of social and organisational psychology, faculty of philosophy and social sciences.
kruglova_nadya95@mail.ru

Введение

Понятие «взаимодействие» в последние годы продолжает активно обсуждаться при рассмотрении проблем образования и воспитания. В психолого-педагогической литературе нет единого толкования этого понятия. В общем понимании взаимодействие – это организованная совместная деятельность. В структурном отношении оно состоит из физического контакта и коммуникативного контакта, выраженного вербальным или невербальным способом. Взаимодействие является интерактивной стороной общения, которая обозначает характеристику его компонентов, связанных с влиянием людей друг на друга, организацией их совместной деятельности [1]. По мнению Т. В. Макаровой, межличностное взаимодействие представляет собой систему взаимно обусловленных действий индивидов, объединенных между собой причинной зависимостью, при которой поведение каждого из них является как стимулом, так и реакцией на поведение остальных участников процесса [2].

Межличностное взаимодействие детей и их сверстников можно рассматривать как случайный либо преднамеренный, частный либо публичный, продолжительный либо кратковременный, вербальный либо невербальный контакт двух или более детей. Следствием данного контакта являются взаимные изменения в поведении, деятельности, отношениях и установках детей. Межличностное взаимодействие ребенка с ребенком – это наиболее важный фактор для подражания и стимулирования его социализации [3].

Определенные затруднения возникают при попытке дать определение понятия «конструктивное

взаимодействие». Большинство современных справочных изданий по педагогике, психологии, социологии не дают однозначного определения данного термина, а его сущность частично раскрывается в достаточно узком контексте при характеристике конфликтного поведения в качестве одной из возможных стратегий выхода из конфликта. Можно заметить, что такое обстоятельство не соответствует реальной психологической практике, где понятие «конструктивное взаимодействие» применяется в более широком смысле.

Рассматривая этот термин, большинство авторов описывают его как поведение, которое включает в себя конкретность действий, вовлеченность в процесс, ясную и открытую коммуникацию, а также честность и готовность к сотрудничеству. Схожего мнения придерживается и В. С. Смирнов, понимая под конструктивным взаимодействием такой вид социального взаимодействия, который характеризуется продуктивностью и результативностью совместной деятельности [4]. Г. М. Шигабетдинова сравнивает такое взаимодействие с партнерством, которое, по ее мнению, представляет собой тип конструктивного взаимодействия, направленный на достижение общей цели и подразумевающий согласование разных позиций и наличие договоренностей (правил взаимодействия) [5]. Л. Д. Столяренко трактует данный процесс как кооперацию, которая включает взаимопомощь участников, взаимовлияние и включенность во взаимодействие [6].

О. А. Чебыкина выделила ряд характеристик конструктивного взаимодействия и объединила их в четыре основных компонента (см. таблицу) [7].

Характеристики конструктивного взаимодействия

Characteristics of constructive interaction

Компоненты взаимодействия	Характеристики
Когнитивно-коммуникативный	Знание коммуникации, умение излагать мысли, убеждать, аргументировать, анализировать, организовывать и поддерживать диалог, коммуникативно-организационные способности, познавательная активность, самостоятельность
Ценностно-мотивационный	Ценностные установки личности, стратегии психологической защиты в общении
Рефлексивный	Способность к самоанализу, потребность в саморазвитии, самоактуализации, проявление эмпатии, взаимопонимание, взаимоподдержка, учет мнения другого
Деятельностный	Совместная деятельность, согласованность и координация действий, организационные умения

По мнению О. А. Чебыкиной, взаимодействие становится конструктивным в том случае, если оно представляет собой совместную деятельность заинтересованных друг в друге личностей и целенаправленно построено на основе их сотрудничества. Исследователь также называет конструктивное

взаимодействие рациональным и продуктивным. Его участники стремятся к эффективному разрешению возникающих противоречий. Признаками конструктивного взаимодействия являются целенаправленность, мотивированность, согласованность и организованность.

С опорой на вышеизложенные характеристики конструктивного взаимодействия был проведен анализ исследований, конкретизирующих отдельные компоненты конструктивного взаимодействия у детей младшего школьного возраста. Как показал анализ, современной литературы по конструктивному взаимодействию у младших школьников недостаточно, что и обосновывает научную необходимость проведения настоящей работы.

Когнитивно-коммуникативный компонент. В исследовании [8] среди мотивов учебной деятельности выделяется мотив «работать на благо коллективной деятельности», что свидетельствует о стремлении школьников к коммуникации и взаимодействию друг с другом. Также в некоторых трудах обнаружено, что дети имеют потребность в принятии их сверстниками, выявлена взаимосвязь между оценкой детьми своих сверстников и их личностными взаимоотношениями. Кроме того, некоторые психологи пришли к выводу, что неспособность выстраивать коммуникацию в младшем школьном возрасте позже становится причиной повышенной тревожности у подростков.

Ценностно-мотивационный компонент. В работе [9] было выявлено, что система развивающего обучения, где внимание уделяется формированию гуманистических взаимоотношений и духовно-нравственному воспитанию, способствует более высоким уровням сплоченности и организованности детского коллектива. Помимо этого, некоторые школьные предметы социально-гуманитарной направленности имеют необходимый образовательно-воспитательный инструментарий, который способствует формированию толерантности в классе.

Рефлексивный компонент. В рамках исследования [10] была установлена зависимость социометрического статуса от таких личностных характеристик, как внешний вид, коммуникабельность, интеллектуальная одаренность, готовность оказать помощь товарищу. Для детей наиболее значимыми личностными чертами сверстника являются качества, проявляемые в общении и взаимодействии. На 1-м месте оказалась готовность помочь другому в учебе и жизни в целом, честность, на 2-м – волевые качества личности, на 3-м – умственные способности. На социометрический статус также влияют умение сопереживать другим и способность сотрудничать с ними.

Деятельностный компонент. В непрерывном процессе осуществления различной деятельности взаимодействие детей проходит путь от знакомства до дружбы. Исследователи утверждают, что конструктивное взаимодействие формируется не сразу и проходит через следующие этапы: знакомство, приятельские, товарищеские и дружеские отношения [9].

Кроме вышеперечисленных компонентов, в психолого-педагогической литературе затронуты и дру-

гие аспекты межличностных отношений школьников. Отмечается, что степень удовлетворенности ребенка в совместной деятельности зависит от его эмоциональных предпочтений к партнерам по сотрудничеству. Т. В. Калинина установила, что межличностное взаимодействие учащихся младших классов представляет собой особую форму проявления активности, которая направлена на удовлетворение потребности детей в эмоциональном контакте со значимыми для них людьми [11]. Е. В. Воробьева указывает на то, что младшие школьники выстраивают межличностные отношения, основываясь не на восприятии внешности, а на оценке паттернов поведения и понимании значимых личностных характеристик [12].

Таким образом, конструктивное взаимодействие младших школьников можно определить как совместную деятельность двух и более детей, требующую от них достаточно высокого уровня развития коммуникативных навыков, рефлексии и организационных умений, активную и партнерскую позицию каждого участника, мотивированность и стремление к сотрудничеству, а также нацеленность на достижение общего результата. Такая деятельность приводит к взаимным изменениям всех субъектов (участников) этого процесса.

Иными словами, признаком конструктивного взаимодействия в детском возрасте может быть достижение общего результата совместной деятельности. Важным здесь является именно совместная деятельность детей, направленная на достижение результата. Он также может быть достигнут каждым ребенком в отдельности, но такая ситуация не является случаем конструктивного взаимодействия. В связи с этим важно добавить, что такое взаимодействие предполагает умение детей договариваться, прислушиваться к партнеру, разрешать возникающие противоречия, чтобы осуществлять взаимодействие, не выбирая индивидуалистическую стратегию достижения результата.

Проведенный теоретический анализ литературы показал, что в исследованиях, посвященных изучению взаимодействия младших школьников со сверстниками, понятие «конструктивное взаимодействие» встречается крайне редко. Также следует отметить фрагментарный характер этих работ, рассмотрение лишь отдельных проявлений и компонентов целостной структуры конструктивного взаимодействия. Согласно определению, приведенному ранее, малоизученными в экспериментальных исследованиях остаются взаимосвязь уровня развития коммуникативных навыков детей и особенностей совместной деятельности, мотивы выбора коллективистической или индивидуалистической стратегии деятельности и мотивы оказания помощи партнерам. В связи с этим актуальным и важным является проведение эксперимента, который позволит выявить особенности конструктивного взаимодействия

в младшем школьном возрасте и дополнить существующие теоретические определения данного понятия с учетом полученных эмпирических данных.

Цель работы – экспериментально изучить характеристики конструктивного взаимодействия детей младшего школьного возраста со сверстниками.

Материалы и методы исследования

Для достижения цели исследования была разработана методика эксперимента [13]. Описанные ранее характеристики конструктивного взаимодействия фиксировались в процессе выполнения детьми совместного задания «Танграм» [14]. Танграм представляет собой развивающую логическую игру-головоломку для детей от трех лет, состоящую из семи отдельных небольших разных геометрических фигур, отличающихся по цвету, из которых необходимо по образцу собрать узор. Рисунки размещены на восьми карточках (по четыре на каждой). Карточки, в свою очередь, разделены по уровням сложности (1 – простой, 2 – средний, 3 – сложный).

Для изучения конструктивного взаимодействия за основу было взято исследование, в котором рассматривается помогающее и мешающее поведение. В работе [14] помогающее поведение определяется как сумма актов деятельности, направленных на другого с целью помочь или облегчить страдания для достижения его установки. Мешающее поведение описывается аналогично и подразумевает сумму актов, препятствующих достижению цели другим.

На основе социометрического теста дети делились на три группы, где ребенок 1 (Р1) являлся основным актором, ребенок 2 (Р2) принят актором по результатам социометрии, ребенок 3 (Р3) отвержен им. Эксперимент был направлен на установление особенностей совместной деятельности, проявления помогающего (альтруистического) и мешающего (эгоистического) поведения с учетом межличностных отношений между детьми в классе. При выполнении задания фиксировались параметры взаимодействия.

1. Мотивация помогающего поведения (МПП). Она учитывалась при диадном взаимодействии и оценивалась с учетом направленности на себя или на другого по трехбалльной шкале (0 баллов – затруднение выбора; 1 балл – выбор награды для себя; 2 балла – выбор награды для другого (партнера)).

2. Альтруизм (А) и эгоизм (Э). Альтруизм измерялся в количестве актов помощи, когда один ребенок помогал другому в выполнении задания, выбирал сложность задания по просьбе другого ребенка и игнорировал незначительные недочеты в выполненном задании. В качестве эгоизма фиксировались поведение, мешающее выполнять задания другому ребенку, а также моменты, когда ребенок, дающий задание другому, торопил его, придирался к мелочам и незначительным недочетам, игнорировал просьбы в выборе уровня сложности задания.

3. Мотивация деятельности (МД). Она характеризовала желание детей выполнять задание коллективно или индивидуально. При этом учитыва-

лось желание разделить награду на всех или забрать ее только себе, что также важно для оценки мотивов деятельности. МД была оценена по трехбалльной шкале (–1 балл – индивидуалистическая («чтобы я получил три награды»); 0 баллов – затруднение выбора; +1 балл – коллективистическая («чтобы все получили поровну по одной награде»)).

4. Результат деятельности (РД), или успешность выполнения задания. Для оценки результата время на выполнение задания было ограничено (7 мин). РД оценивался по трехбалльной шкале (3 балла – договорились и выполнили задание; 2 балла – договорились, но не выполнили задание; 1 балл – не договорились и не выполнили задание).

5. Коллективистическая направленность коммуникации (КНК). Она предполагала выбор стратегии деятельности. Особенности обсуждения были разделены по уровням и оценены по пятибалльной шкале (1 балл – не договорились; 2 балла – договорились случайно (чаще всего использовались детские считалочки и игра «камень – ножницы – бумага»); 3 балла – договорились путем подчинения (1 против 2 или 2 против 1); 4 балла – договорились путем компромисса (когда дети делали уступки друг другу); 5 баллов – договорились единогласно).

6. Конструктивная стратегия принятия общего решения (КСПОР). Она обозначала умение детей прийти к общему решению и договориться в ситуации выбора задания. КСПОР оценивалась по такой же пятибалльной шкале, как и КНК.

7. Стратегия деятельности (СД). Она предполагала учет стратегий, которые дети выберут для выполнения задания. СД была оценена по трехбалльной шкале (3 балла – коллективистическая стратегия; 2 балла – индивидуалистическая стратегия; 1 балл – конфликтная стратегия (когда дети не смогли договориться и прийти к единому решению)).

Исходя из описанных ранее определений конструктивного взаимодействия и учитывая данные, полученные эмпирическим путем, была выведена формула для расчета уровня конструктивного взаимодействия (УКВ): $УКВ = СД + А + КНК$. По результатам статистической обработки дети были разделены на 2 группы: с высоким уровнем конструктивного взаимодействия (ВУКВ; $n = 27$ человек) и низким уровнем конструктивного взаимодействия (НУКВ; $n = 25$ человек).

Эксперимент проводился с младшими школьниками в возрасте 8–10 лет ($n = 104$ человека). Статистическая обработка данных проводилась с помощью расчета t -критерия Стьюдента в программе SPSS 13.

Результаты и их обсуждение

Мотивация помогающего поведения. В результате сравнительного анализа было установлено, что Р1 с ВУКВ имеют более сильную мотивацию помогающего поведения ($t = 2,547$; $p = 0,014$) в отношении Р3, чем дети с НУКВ. Вместе с тем они также отличаются выраженной тенденцией оказания помощи ($t = 1,937$; $p = 0,058$) к Р2. Можно заключить, что дети с ВУКВ (по сравнению с детьми с НУКВ) имеют более выраженную склонность к оказанию помощи другим детям независимо от их социометрического статуса (рис. 1).

Особенности проявления альтруистического и эгоистического поведения. При анализе особен-

ностей проявления альтруистического и эгоистического поведения у младших школьников было выявлено, что дети с ВУКВ в сравнении с детьми с НУКВ в большей степени склонны проявлять альтруизм при решении совместной задачи как к Р2 ($t = 5,961$; $p \leq 0,001$), так и к Р3 ($t = 4,644$; $p \leq 0,001$). Подобных статистически значимых различий по показателям эгоизма не обнаружено (рис. 2). Таким образом, в совместной деятельности дети с ВУКВ отличаются недифференцированным альтруистическим отношением к сверстникам независимо от их социометрического статуса.

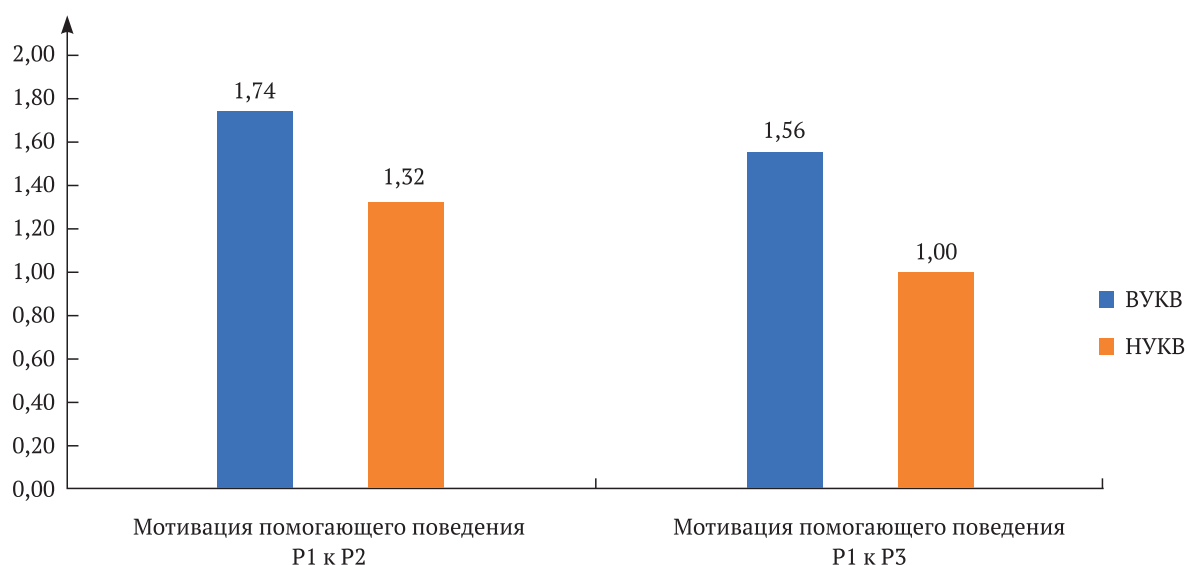

Рис. 1. Мотивация помогающего поведения к Р2 и Р3 у детей с различным уровнем конструктивного взаимодействия, балл

Fig. 1. Motivation of helping behaviour towards a P2 and P3 in children with different levels of constructive interaction, score

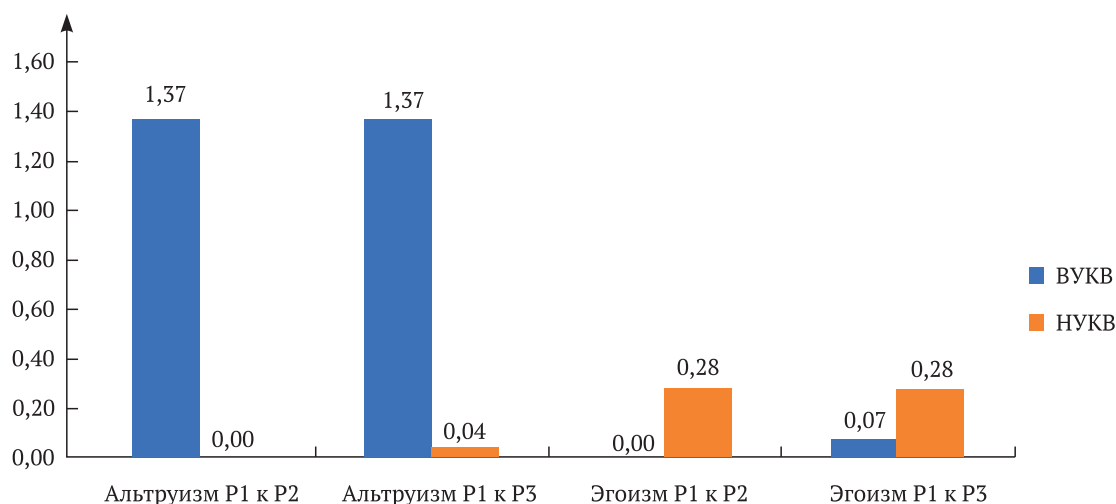

Рис. 2. Особенности проявления альтруистического и эгоистического поведения к Р2 и Р3 у детей с различным уровнем конструктивного взаимодействия, балл

Fig. 2. Features of the altruistic and egoistic behaviour towards a P2 and P3 in children with different levels of constructive interaction, score

Мотивация и результат деятельности. Было установлено, что дети с ВУКВ и НУКВ не различаются по показателям мотивации деятельности и достижения результата выполнения задания. Иными словами, независимо от мотивационной направленности (коллективистической или индивидуалистической) они справляются с выполнением задания. Это позволяет сделать предположение, что результат деятельности может и не зависеть от направленности мотивации (рис. 3).

Особенности совместного обсуждения. При сравнении особенностей обсуждения стратегии выполнения задания и выбора общего задания дети с ВУКВ отличались от детей с НУКВ (рис. 4) более выраженной коллективистической направленностью коммуникации ($t = 10,512$; $p \leq 0,001$) и тенденцией к выбору конструктивной стратегии принятия общего решения ($t = 1,927$; $p = 0,060$). Это

свидетельствует о том, что дети с ВУКВ в большей мере способны к налаживанию диалога с партнерами, готовы идти на компромисс и уступки, умеют договариваться.

Корреляционный анализ. В результате корреляционного анализа (рис. 5) были установлены значимые положительные взаимосвязи показателей конструктивного взаимодействия и мотивации помогающего поведения Р1 к Р3 ($r = 0,26$; $p = 0,008$), альтруизма Р1 к Р2 ($r = 0,53$; $p \leq 0,001$) и Р1 к Р3 ($r = 0,62$; $p \leq 0,001$), мотивации деятельности ($r = 0,21$; $p = 0,029$), коллективистической направленности коммуникации ($r = 0,67$; $p \leq 0,001$) и конструктивной стратегией принятия общего решения ($r = 0,29$; $p = 0,003$). Кроме того, была выявлена значимая отрицательная связь показателей конструктивного взаимодействия и эгоизма Р1 к Р2 ($r = -0,23$; $p = 0,018$).

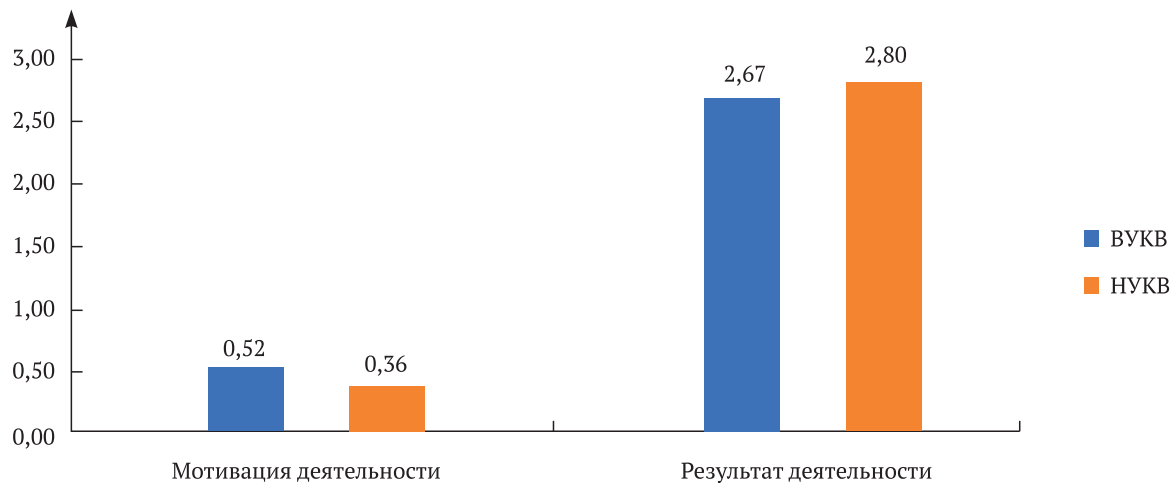

Рис. 3. Мотивация деятельности и результат деятельности у детей с различным уровнем конструктивного взаимодействия, балл

Fig. 3. Motivation of activity and the result of activity in children with different levels of constructive interaction, score

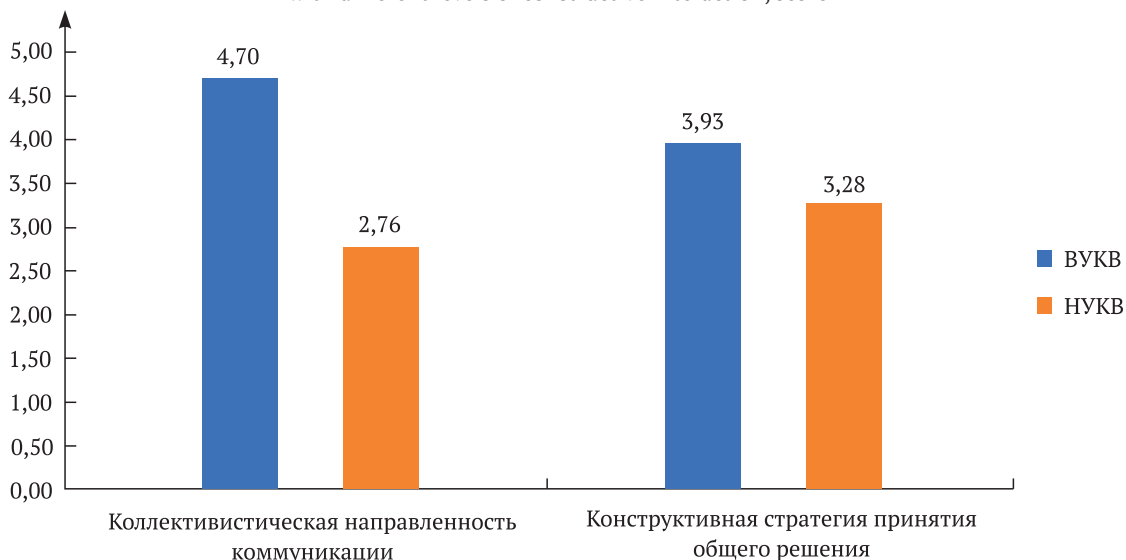

Рис. 4. Особенности совместного обсуждения у детей с различным уровнем конструктивного взаимодействия, балл

Fig. 4. Features of cooperative discussion in children with different levels of constructive interaction, score

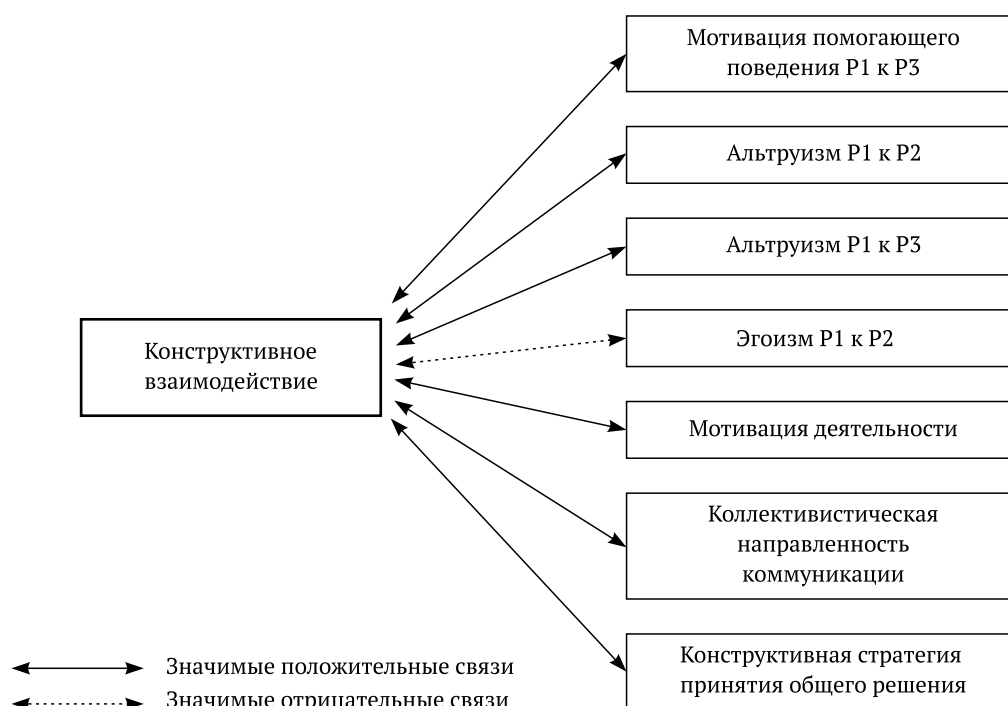

Рис. 5. Взаимосвязь конструктивного взаимодействия и особенностей совместной деятельности
Fig. 5. The correlation of constructive interaction and features of cooperative activities

Таким образом, результаты корреляционного анализа позволили сделать обобщение, что конструктивное взаимодействие характеризуется высокой мотивацией помогающего поведения, альтруизмом, мотивацией к совместной деятельности, а также высоким уровнем и качеством коммуникации, поскольку имеет положительно направ-

ленные взаимосвязи с этими характеристиками. Важно заметить, что проявление альтруизма к Р3 имеет более сильную взаимосвязь с конструктивным взаимодействием, чем проявление альтруизма к Р2. Это указывает на то, что стремление помочь даже Р3 ребенку свойственно только детям с ВУКВ.

Заключение

Изучение конструктивного взаимодействия у младших школьников позволяет сделать важные выводы.

Дети с ВУКВ имеют более сильную мотивацию помогающего поведения в отношении Р3, чем дети с НУКВ. Вместе с тем они также отличаются выраженной тенденцией оказания помощи Р2.

Дети с ВУКВ в сравнении с детьми с НУКВ в большей степени склонны проявлять альтруизм при решении совместной задачи как к Р2, так и к Р3. По показателям эгоизма подобных статистически значимых различий не обнаружено.

Показатели мотивации деятельности и достижения результата выполнения задания у детей с ВУКВ и НУКВ одинаковы.

Дети с ВУКВ отличались от детей с НУКВ более выраженной коллективистической направленностью коммуникации и тенденцией к выбору конструктивной стратегии принятия общего решения.

Были установлены значимые положительные взаимосвязи показателей конструктивного взаимодействия и мотивации помогающего поведения, альтруизма как к Р2, так и к Р3, мотивации деятельности, коллективистической направленности коммуникации и конструктивной стратегией принятия общего решения. Кроме того, была выявлена значимая отрицательная связь показателей конструктивного взаимодействия и эгоизма к Р2.

Таким образом, дети с ВУКВ характеризуются большей мотивацией к оказанию помощи сверстникам, тенденцией к проявлению альтруистического поведения, стремлением к выбору совместных форм деятельности и хорошими навыками в организации совместной деятельности. Важно отметить, что конструктивное взаимодействие оказалось не взаимосвязано с достижением результата деятельности, что оставляет место для дальнейших исследований в этом направлении.

Библиографические ссылки

1. Полякова АВ. Понятие межличностного взаимодействия в социально-образовательной среде. *Проблемы педагогики*. 2017;9(32):25–26.
2. Макарова ТВ. Гармонизация межличностных отношений между субъектами образовательного процесса. В: Лебедева НА, редактор. *Научный форум. Педагогика и психология: сборник статей по материалам XII Международной научно-практической конференции; 6–16 января 2017 г.; Москва, Россия*. Москва: МЦНО; 2017. с. 12–16.
3. Мардахаев ЛВ. *Социальная педагогика*. Москва: Гардарики; 2005. 269 с.
4. Смирнов ВС. *Педагогические условия формирования опыта конструктивного взаимодействия у курсантов военного вуза в трудных ситуациях жизнедеятельности* [диссертация]. Кострома: Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова; 2006. 175 с.
5. Шигабетдинова ГМ. Партнерство как конструктивное взаимодействие: теоретическая экспозиция проблемы. *Фундаментальные исследования*. 2014;3:193–196.
6. Столяренко ЛД, Столяренко ВЕ. *Психология и педагогика*. Москва: Юрайт; 2013. 134 с.
7. Чебыкина ОА. К вопросу о конструктивном взаимодействии. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2014;8:222–225.
8. Stukas AA, Clary EG. Altruism and helping behaviour. In: Ramachandran VS, editor. *Encyclopedia of human behaviour. Volume 1*. Kiddlington: Academic Press; 2012. p. 100–107.
9. Barnett MA, Thompson Sh. The role of perspective taking and empathy in children's machiavellianism, prosocial behaviour, and motive for helping. *The Journal of Genetic Psychology*. 2015;146(3):295–305.
10. Cornwall G. What the research says about the academic power of friendship. *KQED* [Internet]. 2020 [cited 2021 October 15]. Available from: <https://www.kqed.org/mindshift/56979/what-the-research-says-about-the-academic-power-of-friendship>.
11. Калинина ТВ. *Педагогические условия оптимизации межличностного взаимодействия младших школьников в учреждениях интернатного типа* [диссертация]. Пенза: Арзамас; 2009. 232 с.
12. Воробьева ЕВ. *Особенности символических представлений младших школьников об одноклассниках* [диссертация]. Москва: Московский психолого-педагогический университет; 2010. 135 с.
13. Круглова НВ. Социально-психологические закономерности конструктивного взаимодействия со сверстниками у детей младшего школьного возраста: разработка дизайна эксперимента. В: Фурманов ИА, редактор. *Психосоциальная адаптация в трансформирующемся обществе: субъект-субъектная коммуникация как фактор социализации индивида: материалы V Международной научной конференции; 23–24 октября 2020 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2020. с. 118–122.
14. Saleem M, Craig AA, Christopher PB. Assessing helping and hurting behaviours through the tangram help/hurt task. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2015;41(10):1345–1362. DOI: 10.1177/0146167215594348.

References

1. Polyakova AV. [The concept of interpersonal interaction in the socio-educational environment]. *Problemy pedagogiki*. 2017;9(32):25–26. Russian.
2. Makarova TV. [Harmonisation of interpersonal relations between the subjects of the educational process]. In: Lebedeva NA, editor. *Nauchnyi forum. Pedagogika i psikhologiya: sbornik statei po materialam XII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 6–16 yanvarya 2017 g.; Moskva, Rossiya* [Scientific forum: pedagogy and psychology: a collection of articles based on the materials of the 12th International scientific and practical conference; 2017 January 6–16; Moscow, Russia]. Moscow: International Center for Science and Education; 2017. p. 12–16. Russian.
3. Mardahaev LV. *Sotsial'naya pedagogika* [Social pedagogy]. Moscow: Gardariki; 2005. 269 p. Russian.
4. Smirnov VS. *Pedagogicheskie usloviya formirovaniya opyta konstruktivnogo vzaimodeistviya u kursantov voennogo vuza v trudnykh situatsiyakh zhiznedeyatel'nosti* [Pedagogical conditions for the formation of the experience of constructive interaction among cadets of a military university in difficult situations of life; dissertation]. Kostroma: Kostroma State University named after N. A. Nekrasov; 2006. 175 p. Russian.
5. Shigabetdinova GM. Partnership as the type of constructive interaction: theoretical presentation of the problem. *Fundamental Research*. 2014;3:193–196. Russian.
6. Stolyarenko LD, Stolyarenko VE. *Psikhologiya i pedagogika* [Psychology and pedagogy]. Moscow: Yurait; 2013. 134 p. Russian.
7. Chebykina OA. Concerning the constructive interaction. *Humanities, Social-economic and Social Sciences*. 2014;8: 222–225. Russian.
8. Stukas AA, Clary EG. Altruism and helping behaviour. In: Ramachandran VS, editor. *Encyclopedia of human behaviour. Volume 1*. Kiddlington: Academic Press; 2012. p. 100–107.
9. Barnett MA, Thompson Sh. The role of perspective taking and empathy in children's machiavellianism, prosocial behaviour, and motive for helping. *The Journal of Genetic Psychology*. 2015;146(3):295–305.
10. Cornwall G. What the research says about the academic power of friendship. *KQED* [Internet]. 2020 [cited 2021 October 15]. Available from: <https://www.kqed.org/mindshift/56979/what-the-research-says-about-the-academic-power-of-friendship>.
11. Kalinina TV. *Pedagogicheskie usloviya optimizatsii mezhlchnostnogo vzaimodeistviya mladshikh shkol'nikov v uchrezhdeniyakh internatnogo tipa* [Pedagogical conditions for optimising the interpersonal interaction of younger students in boarding schools; dissertation]. Penza: Arzamas; 2009. 232 p. Russian.
12. Vorob'eva EV. *Osobennosti simvolicheskikh predstavlenii mladshikh shkol'nikov ob odnoklassnikakh* [Features of symbolic representations of younger schoolchildren about classmates; dissertation]. Moscow: Moscow Psychological and Pedagogical University; 2010. 135 p. Russian.

13. Kruglova NV. Socio-psychological regulations of constructive interaction at children of the primary school age with each other: drafting the design of experiment. In: Furmanov IA, editor. *Psikhosotsial'naya adaptatsiya v transformiruyushchetsya obshchestve: sub'ekt-sub'ektnaya kommunikatsiya kak faktor sotsializatsii individa: materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 23–24 oktyabrya 2020 g.; Minsk, Belarus'* [Psychosocial adaptation in a transforming society: subject-subject communication as a factor in the socialisation of an individual: materials of the 5th International scientific conference; 2020 October 23–24; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2020. p. 118–122. Russian.

14. Saleem M, Craig AA, Christopher PB. Assessing helping and hurting behaviours through the tangram help/hurt task. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2015;41(10):1345–1362. DOI: 10.1177/0146167215594348.

Статья поступила в редколлегию 15.12.2022.
Received by editorial board 15.12.2022.

КОМПОНЕНТНЫЙ СОСТАВ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ И ЕЕ ИЗМЕРЕНИЕ

И. В. ТКАЧЁВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Дается определение коммуникативной компетентности в рамках психологии. Анализируется соотношение коммуникативной компетентности и способностей, а также личностных качеств. Уточняется ее место в системе психологических характеристик, влияющих на коммуникативное поведение человека. Характеризуется компонентный состав коммуникативной компетентности в совокупности когнитивного, эмоционального, поведенческого и мотивационного компонентов. Социальный, эмоциональный интеллект, а также мотив аффилиации рассматриваются в структуре коммуникативной компетентности. Представлены методики измерения компонентов компетентности.

Ключевые слова: коммуникативная компетентность; социальный интеллект; эмоциональный интеллект; мотив аффилиации; компетентность; коммуникация; компоненты коммуникативной компетентности.

COMPONENT COMPOSITION OF COMMUNICATION COMPETENCY AND ITS MEASUREMENT

I. V. TKACHOV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

This paper defines communication competency in the framework of psychology. The relationship of communication competency with capacities and personal traits is analysed, and also its place in the system of psychological characteristics influencing communicative behaviour is clarified. The component composition of communication competency in the set of cognitive, emotional, behavioural and motivational components is characterised. Phenomena of social, emotional intelligence, the affiliation motive are considered in the structure of communication competency. The methods for measuring the above components of competency are presented.

Keywords: communication competency; social intelligence; emotional intelligence; affiliation motive; competency; communication; components of communication competency.

Введение

Коммуникативная компетентность является сложным междисциплинарным феноменом, охватывающим различные аспекты, влияющие на успешность коммуникативного поведения человека. Данное понятие изучается в рамках психологии, педагогики,

социологии, лингвистики и других наук. Междисциплинарный статус коммуникативной компетентности указывает на большой интерес исследователей к проблемам эффективности коммуникации. Такой интерес вполне закономерен: коммуникация

Образец цитирования:

Ткачёв ИВ. Компонентный состав коммуникативной компетентности и ее измерение. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2022;2:85–92.

For citation:

Tkachov IV. Component composition of communication competency and its measurement. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2022;2:85–92. Russian.

Автор:

Иван Валентинович Ткачёв – аспирант кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат психологических наук, доцент Г. А. Фофанова.

Author:

Ivan V. Tkachov, postgraduate student at the department of social and organisational psychology, faculty of philosophy and social sciences.
tkachovivan13@gmail.com

охватывает все сферы социального функционирования людей, в связи с чем способность к эффективному общению определяет благополучие человека.

Можно выделить два основных подхода к пониманию коммуникативной компетентности в психологии и педагогике – ситуационный и диспозиционный. Ситуационный подход отражается в модели, предложенной Б. Шпицбергом и В. Купачом, в рамках которой подчеркивается оценочная природа коммуникативной компетентности. Она трактуется как субъективное впечатление об уместности и эффективности коммуникативного поведения субъекта в конкретной ситуации [1]. В модель коммуникативной компетентности включены когнитивный (знания), мотивационный (ориентация на поиск или избегание коммуникации, а также стремление к компетентной коммуникации) и поведенческий (коммуникативные навыки) компоненты [2]. Они влияют на коммуникативное поведение субъекта, что позволяет окружающим судить о степени его коммуникативной компетентности. В рамках ситуационного подхода для измерения коммуникативной компетентности используются самоотчетные шкалы. Их может заполнять как оцениваемый субъект, так и его партнер по взаимодействию или сторонний наблюдатель в целях выявления их впечатления о коммуникативной компетентности субъекта.

В настоящей работе исследуемый феномен рассматривается в рамках диспозиционного подхода, в котором коммуникативная компетентность понимается как относительно стабильное межситуационное психологическое образование. Для ее оценки анализируются самоотчеты субъектов только об их собственных коммуникативных качествах. Разнообразные методологические позиции к исследованию коммуникативной компетентности в рам-

ках данного подхода, а также различные контексты, в которых она рассматривается, привели к большому количеству определений и структурных моделей, вариаций компонентов данного феномена, наборов методик для его измерения. Большинство авторов единогласны в том, что коммуникативная компетентность является психологическим образованием, включающим в себя знания, умения и навыки в сфере коммуникации, а также мотивационные факторы, способствующие эффективному взаимодействию с другими людьми. Многие ученые дополнительно включают в состав феномена личностные качества, влияющие на коммуникативное поведение субъекта, или рассматривают саму коммуникативную компетентность как личностное качество (Е. С. Гричановская, И. А. Зимняя, А. С. Никулина, О. Ю. Шубкина). Кроме того, как компоненты компетентности могут рассматриваться коммуникативные способности (И. Н. Зотова, Е. В. Сидоренко).

Противоречия в понимании феномена коммуникативной компетентности приводят к рассогласованности исследований, затрудняют их сравнение, систематизацию данных для получения целостной картины об имеющихся разработках в этой области. Все вышеперечисленное позволяет вести дальнейшие исследования по уточнению как самого понятия коммуникативной компетентности, так и его структурных компонентов. Таким образом, цель настоящего исследования – охарактеризовать компонентный состав коммуникативной компетентности. Для ее достижения необходимо уточнить место коммуникативной компетентности в системе других психологических характеристик, влияющих на коммуникативное поведение человека. Также в статье представлены методики для измерения установленных компонентов коммуникативной компетентности.

Материалы и методы исследования

Материалами исследования послужили работы по проблематике коммуникативной компетентности, а также смежных с ней феноменов отечествен-

ных и зарубежных авторов. В качестве метода исследования был использован метод теоретического анализа.

Результаты и их обсуждение

Стоит отметить, что категория «компетентность» развивается в рамках компетентностного подхода в образовании, который пришел на смену знаниево-ориентированной парадигме. В соответствии с ним целью образования является формирование у обучаемых различных компетентностей, совокупности «знаний в действии» [3, с. 25], направленных на решение практико-ориентированных задач. Таким образом, коммуникативная компетентность часто рассматривается в контексте определенной профессиональной деятельности как психологическое образование, которым должен обладать специалист той или иной профессии. Этим обусловлено включе-

ние личностных качеств в состав коммуникативной компетентности: специфика той или иной профессии требует обладания определенными личностными свойствами для достижения целей деятельности. Поэтому в различных исследованиях коммуникативную компетентность могут характеризовать такими личностными качествами, как доброжелательность, справедливость, бесконфликтность (И. Б. Бичева и др. [4]), жизнерадостность (М. В. Чихачёв [5]) и т. д. Автор настоящей статьи считает, что данные качества характеризуют не саму коммуникативную компетентность, а, скорее, соответствие личностных свойств требованиям той или иной профессии, кос-

венным образом регулирующих коммуникативное поведение субъекта. Перед тем как перейти к характеристике компонентного состава исследуемого феномена, необходимо обозначить место коммуникативной компетентности в системе психологических характеристик, влияющих на коммуникативное поведение. В частности, важен вопрос соотношения между коммуникативной компетентностью и личностными качествами, а также способностями.

Б. М. Теплов выделил основные характеристики способностей. Во-первых, способности подразумевают под собой индивидуально-психологические особенности, отличающие людей друг от друга. Во-вторых, они относятся к тем психологическим характеристикам, которые способствуют успешному выполнению какой-либо деятельности. В-третьих, способности не сводимы к уже приобретенным и сформированным знаниям, умениям и навыкам человека [6, с. 99]. Последний пункт указывает на различие между способностями и компетентностью, являющейся более широким феноменом, в который, помимо самих способностей, всегда включают актуальный, уже сформированный запас знаний, умений и навыков, необходимых для успешного выполнения той или иной деятельности (И. А. Зимняя, Ю. М. Жуков, Л. А. Петровская, Б. Шпицберг, В. Купач).

В. Д. Шадриков, опираясь на труды С. Л. Рубинштейна, предлагает определять способности как свойства функциональных систем, реализующих отдельные психические функции, имеющие индивидуальную меру выраженности и проявляющиеся в успешности и качественном своеобразии освоения и реализации деятельности [7, с. 18]. Далее, связывая способности с функциональными системами, В. Д. Шадриков, основываясь на работах Б. Г. Ананьева, исследует функциональные, операционные и мотивационные механизмы осуществления и развития психических функций. В соответствии с этим предлагается рассматривать способности в трех измерениях: способности индивида, субъекта деятельности и личности.

Функциональные механизмы относятся к природной организации человека и представляют собой нейрофизиологические структуры, осуществляющие филогенетическую программу реализации той или иной психической функции. Способности на данном уровне характеризуют человека как индивида. Если рассматривать коммуникативную компетентность в данном контексте, то способности индивида выступают в качестве предпосылки формирования компетентности.

Операционные механизмы формируются на базе функциональных и приобретаются в процессе социализации индивида, носят конкретно-исторический характер. Они подразумевают интеллектуализацию способностей в конкретной деятельности, которая

понимается как формирование интеллектуальных операций, алгоритмов и программ, умственных навыков, необходимых для решения различных задач. Между функциональными и операционными механизмами существует взаимосвязь. Без определенного уровня развития первых невозможно дальнейшее формирование вторых. В свою очередь, развитие операционных механизмов способствует прогрессированию функциональных. В этом контексте способности характеризуют человека как субъекта деятельности. На данном уровне можно говорить непосредственно о коммуникативной компетентности, которая формируется при приобретении опыта взаимодействия с другими людьми, обучении, освоении профессиональной деятельности и ее осуществлении. В процессе жизнедеятельности происходит интеллектуализация способностей, что позволяет субъекту хорошо ориентироваться в коммуникативной ситуации, гибко реагировать на изменения, происходящие в ней, а также принимать решения в соответствии с поставленными целями. Сюда же можно отнести приобретаемые знания, умения и навыки межличностного взаимодействия.

Мотивационные механизмы относятся к нравственно-ценностным, этическим характеристикам человека, регулирующим его развитие. На данном уровне речь идет о способностях личности, тесно связанных с ее переживаниями. Это способности индивида и субъекта деятельности, поставленные под нравственный контроль человека. Применительно к исследуемому феномену в данном контексте можно говорить об устойчивых личностно-коммуникативных качествах субъекта или коммуникативной компетентности, опосредованной личностными чертами. На данном уровне коммуникативная компетентность рассматривается в той или иной профессиональной деятельности, требующей от субъекта наличия определенных личностно-коммуникативных качеств. В таком случае речь будет идти о профессиональной коммуникативной компетентности.

Исходя из вышеизложенного, способности могут рассматриваться и как природные предпосылки, на базе которых формируется коммуникативная компетентность (способности индивида), и как сформированные прежде всего умственные навыки, входящие в состав коммуникативной компетентности (способности субъекта деятельности). К последним относятся феномены социального и эмоционального интеллекта.

Таким образом, коммуникативная компетентность – это интегративная система способностей, знаний, умений и навыков в области межличностного взаимодействия, обеспечивающая ситуативную гибкость и адаптивность коммуникативного поведения субъекта и способствующая достижению поставленных им коммуникативных целей. Исходя из данного определения, степень достижения субъектом

поставленных коммуникативных целей характеризует эффективность или успешность коммуникативного поведения.

Вопрос о включении в состав коммуникативной компетентности личностных качеств следует рассматривать в ракурсе их содействия или препятствия коммуникативному поведению, способствующему достижению поставленных субъектом целей. Поскольку автор настоящей статьи рассматривает коммуникативную компетентность вне рамок какой-либо профессиональной деятельности, он не включает в ее состав этические характеристики и качества, подразумевающие неоднозначное или опосредованное влияние на коммуникативное поведение, способствующее достижению поставленных целей. Таким образом, часто применяемые исследовательские инструменты для измерения коммуникативной компетентности, включающие подобные качества (опросники КОСКОМ (коммуникативная и социальная компетентность), СУМО (саморегуляция и успешность межличностного общения) В. Н. Куницыной), не подходят для настоящего анализа.

Тем не менее многочисленные исследования указывают на то, что эффективному общению препятствует состояние тревоги (Т. Фриман, К. Р. Сойер, Р. Р. Бенке, А. Н. Финн). Поэтому среди личностных качеств, однозначно оказывающих негативное влияние на эффективность общения, можно назвать диспозиционную тревожность, которая также связана с мотивационной составляющей коммуникативной компетентности. В связи с этим допускается рассмотрение черты тревожности в составе коммуникативной компетентности.

Исходя из вышеописанного, коммуникативная компетентность является интегральным феноменом, вбирающим в себя способности, задействованные в коммуникативном процессе. Подчеркивая в определении компетентности фактор эффективности коммуникативного поведения (степень достижения целей), автор настоящей статьи допускает включение в состав исследуемого феномена тревожности, которая непосредственным образом влияет на эффективность коммуникативного поведения. Иные личностные черты индивида, связанные с межличностным взаимодействием (например, бесконфликтность, доброжелательность, справедливость и т. п.), относятся к другому уровню анализа, в рамках которого коммуникативная компетентность рассматривается через призму личностных особенностей человека.

Основываясь на представлениях о межличностной коммуникации, общении как о многоуровневом явлении, в ходе которого происходят обмен информацией, чувствами, взаимное познание, воздействие субъектов друг на друга через вербальные и невербальные средства или каналы коммуникации (Б. Г. Ананьев, Г. М. Андреева, А. А. Бодалев, Б. Ф. Ло-

мов), а также на понимании феномена коммуникативной компетентности как интегративного образования, имеющего сложную структуру, включающую когнитивно-аффективные и поведенческие аспекты, влияющие на коммуникативное поведение субъекта в процессе взаимодействия (Л. А. Петровская, И. А. Зимняя, И. Н. Зотова, Б. Шпицберг, В. Купач), в модель коммуникативной компетентности были включены четыре компонента, в которых репрезентируется интегративный характер данного феномена, – когнитивный, эмоциональный, мотивационный и поведенческий.

Когнитивный компонент коммуникативной компетентности составляет основу для познания и понимания себя и других людей, ситуаций социального взаимодействия, с чем связано понятие социального интеллекта. В рамках данного исследования ориентируясь на подход Д. В. Ушакова, социальный интеллект рассматривается как специфический вид интеллекта, составляющий способность к пониманию социальных явлений и представляющий собой один из компонентов компетентности [8, с. 18]. В качестве составной части компетентности его рассматривают также Е. А. Капустина, Н. Ф. Калина, О. В. Михайлова, В. В. Солодухо, Е. О. Смирнова, Е. В. Калягина. Связь данных феноменов отмечают и зарубежные авторы, например Л. К. Уилкинсон, Пак Сук Кён, Ян Я Ки, Сон Ынджу.

Близким к социальному интеллекту феноменом, связанным с эмоциональной стороной коммуникативного процесса, является эмоциональный интеллект. Согласно Д. В. Люсину эмоциональный интеллект определяется как способность к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими [9, с. 6]. Связь данного феномена с коммуникативной компетентностью отмечают И. Н. Андреева, Т. В. Белашина и С. В. Леленко, З. А. Саидов, Н. У. Ярычев, И. А. Локтионова, Е. В. Милославская, А. Рахмавати, В. Рохман, А. Бавоно, Н. Ирхами, А. Виджая, Ф. Шаббир, К. Исхак.

Представленный выше подход к определению понятий социального и эмоционального интеллектов тяготеет к когнитивно-ориентированной традиции. Однако данные феномены связывают с успешностью социального функционирования. Это отражается в моделях социального и эмоционального интеллекта, включающих в себя поведенческие характеристики, а в некоторых случаях и личностные качества, способствующие успешному социальному взаимодействию. Интеллект всегда подразумевает под собой характеристику когнитивных способностей. В настоящей статье социальный и эмоциональный интеллект рассматриваются как виды интеллекта. В соответствии с этим они характеризуют прежде всего когнитивно-аффективные способности человека в рамках социального взаимодействия. Компетентность же относится непосредственно к эффективности человека в какой-либо деятельности

и всегда включает в себя поведенческие аспекты. Кроме этого, коммуникативная компетентность характеризуется мотивационными факторами, отражающими готовность субъекта к коммуникативному взаимодействию и актуализации компетентности (С. П. Морреале, Б. Шпицберг, К. Бардж, И. А. Зимняя). Таким образом, социальный и эмоциональный интеллект являются базовыми компонентами коммуникативной компетентности, обуславливающими ее развитие и функционирование.

Социальный и эмоциональный интеллекты имеют зону пересечения – социальное взаимодействие. Различия между ними будут состоять в основной направленности познания. Н. А. Батурин и Л. Г. Матвеева проводят разграничения между данными феноменами. Для эмоционального интеллекта объектами социального познания являются переживания, эмоции и чувства других людей и самого субъекта познания (все, что связано с эмоциональной сферой); для социального – социальные интерактивные отношения и взаимодействие в больших группах, в том числе собственные отношения субъекта познания. Главные объекты познания для эмоционального интеллекта – субъект-объектные отношения и часть субъект-субъектных отношений, относящихся к эмоциональному уровню межличностного взаимодействия; для социального – субъект-субъектные отношения и часть субъект-объектных отношений, участвующих в социальном взаимодействии. На результативность социального интеллекта влияют уровень развития когнитивно-аффективного понимания межличностных отношений и себя как субъекта подобных отношений, осознание причин управления своим социально-ориентированным поведением и отношениями между другими людьми; на результативность эмоционального – уровень развития когнитивного и интенсивного познания специфических объектов: эмоциональных процессов, чувств, побуждения, поведения, вызванного своими переживаниями [10, с. 6]. Таким образом, социальный интеллект является общей основой для познания явлений в обществе, а эмоциональный интеллект отвечает за уровень включенности в эмоциональную сферу, осознание важности эмоций для понимания себя самого и партнеров по взаимодействию.

Норвежские ученые Д. Сильвера, М. Мартинуссени и Т. Даль поставили задачу разработать методику измерения социального интеллекта, учитывающую различные подходы в толковании данного феномена. В результате, основываясь на имплицитных теориях о данном конструкте, был получен самоотчетный опросник, состоящий из 21 утверждения и 3 шкал: обработка социальной информации (общая способность понимать вербальные и невербальные, скрытые и явные сообщения, предсказывать поведение и реакции других людей), социальные навыки

(способность входить в новую ситуацию общения, приспосабливаться к ней, выстраивать диалог с другими людьми) и социальное осознание (способность к адекватной ориентировке в социальной ситуации и ее анализу) [11]. Респондентам предлагалось оценить степень своего согласия с утверждениями по шкале от 1 (совершенно на меня не похоже) до 7 (описывает меня очень хорошо). Авторы методики отмечают, что шкалы «обработка социальной информации» и «социальное осознание» относятся к когнитивным аспектам, а шкала «социальные навыки» – к поведенческим. Таким образом, показатели по двум первым шкалам можно рассматривать в качестве общей когнитивной базы, необходимой для компетентного участника общения. Шкалу «социальные навыки» можно отнести к поведенческому компоненту коммуникативной компетентности.

Стоит отметить, что данная методика приобрела большую популярность в зарубежных исследованиях за счет своей простоты и хороших психометрических показателей. Шкала социального интеллекта *Tromso* была адаптирована на корейской (Пак Сук Кён, Ян Я Ки, Сон Ынджу), австралийской (Р. Грив, Д. Махар), турецкой (Т. Доган, Б. Четин), итальянской (Дж. Джини), словацкой и чешской (З. Маковска, М. Кентос) выборках. Во всех работах подтвердилась трехфакторная структура модели. В русскоязычном пространстве на выборке школьников методику адаптировали В. В. Шевелев [12], а также А. Д. Наследов и В. Ю. Семенов [13]. Позже А. Д. Наследов совместно с А. Н. Шамаевым провели исследование группы студентов, по результатам которого была выявлена трехфакторная структура, практически полностью соответствующая норвежскому оригиналу опросника. Также были подтверждены валидность и надежность методики [14].

Популярным инструментом для измерения эмоционального интеллекта в русскоязычном пространстве является опросник, разработанный Д. В. Люсиным. Он определяет эмоциональный интеллект как способность к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими [9, с. 6]. Исходя из этого, Д. В. Люсин рассматривает два вида эмоционального интеллекта: внутриличностный и межличностный. Так, методика включает в себя четыре основные шкалы: межличностный эмоциональный интеллект (способность к пониманию эмоций других людей и управлению ими), внутриличностный эмоциональный интеллект (способность к пониманию собственных эмоций и управлению ими), понимание эмоций, управление эмоциями. Он также включает пять субшкал: понимание чужих эмоций, управление чужими эмоциями, понимание своих эмоций, управление своими эмоциями, контроль экспрессии. Опросник обладает достаточно высокой надежностью. Он состоит из 46 утверждений. Респондентам предлагается

оценить степень своего согласия с ними по шкале от 1 до 4 (1 – совсем не согласен, 2 – скорее не согласен, 3 – скорее согласен, 4 – полностью согласен).

Шкалы «понимание своих эмоций», «понимание чужих эмоций» рассматриваются автором данной статьи в качестве показателей эмоционального компонента коммуникативной компетентности. Они измеряют способность к распознаванию и идентификации своих эмоций, пониманию причин их возникновения, к вербальному описанию этих эмоций; способность к пониманию эмоционального состояния другого человека на основе внешних проявлений эмоций (мимика, жестикуляция, звучание голоса) и (или) интуитивно; чуткость к внутренним состояниям других людей [15]. Шкалы «управление своими эмоциями», «управление чужими эмоциями» и «контроль экспрессии» относятся к поведенческому компоненту коммуникативной компетентности и рассматриваются в качестве показателей сформированности умений и навыков воздействия на партнера по общению, а также в качестве показателей эмоциональной саморегуляции и самоконтроля.

Таким образом, поведенческий компонент коммуникативной компетентности включает умения и навыки межличностного взаимодействия, позволяющие входить в новую ситуацию общения, приспособляться к ней, выстраивать диалог с другими людьми; умения и навыки эмоциональной и экспрессивной саморегуляции, которые позволяют управлять своими эмоциями, вызывать и поддерживать желательные эмоции и держать под контролем нежелательные, контролировать внешние проявления своих эмоций; умения и навыки воздействия на эмоциональную сферу собеседника, позволяющие вызывать у других людей те или иные эмоции, снижать интенсивность нежелательных эмоций [15].

Как уже отмечалось, коммуникативная компетентность зависит от мотивационных факторов. В этом контексте могут рассматриваться особенности социального поведения, связанные со стремлением или готовностью субъекта к общению либо, наоборот, с его опасением и избеганием [16]. В этом отношении интересны конструкты, разработанные А. Меграбяном, – аффилиативная тенденция и чувствительность к отвержению. Он создал шкалы для их измерения [17]. Оба конструкта описывают особенности мотива аффилиации. Это понятие можно определить как стремление человека устанавливать, поддерживать или возобновлять эмоционально позитивные отношения с другими людьми или группами людей [18, р. 212]. Аффилиативная тенденция предполагает наличие у субъекта обобщенных позитивных ожиданий от социальных отношений (ожидание того, что социальное взаимодействие в целом будет позитивное и приятное). Люди, у которых выражена аффилиативная тенденция, общительны,

уверены в себе, не избегают социальных контактов и не испытывают тревогу при общении с другими. Чувствительность к отвержению, в свою очередь, определяется в терминах обобщенных негативных социальных ожиданий: страх и опасение, что взаимодействие с другими приведет к отвержению, дискомфорту и страданиям. Люди с выраженной чувствительностью к отвержению менее ассертивны, более тревожны при взаимодействии, склонны к подчинению и могут избегать социальных контактов [19]. Можно сказать, что аффилиативная тенденция характеризует степень готовности к общению, определяя тем самым развитие и уровень сформированности коммуникативной компетентности, возможность ее актуализации. Высокая чувствительность к отвержению провоцирует тревогу. Это мешает эффективности коммуникативного поведения субъекта и заставляет его избегать социальных контактов, что препятствует получению опыта межличностного взаимодействия и развитию коммуникативной компетентности. Таким образом, данные конструкты характеризуют то, насколько субъект ориентирован на приближение к ситуациям общения или, наоборот, отдаление от них. Кроме того, они позволяют оценить степень тревожности субъекта, связанной с общением.

А. Меграбян приводит данные о высокой ретестовой надежности, независимости шкал по отношению друг к другу (отсутствие корреляции), а также независимости шкал от фактора социальной желательности. На русскоязычной выборке методика была адаптирована и модифицирована М. Ш. Магомед-Эминовым в 1987 г. в рамках диссертационной работы. Соответственно, она состоит из двух шкал: стремление к принятию (аффилиативная тенденция) и страх отвержения (чувствительность к отвержению). Респондентам предлагается выразить степень своего согласия с утверждениями от +3 до –3 (+3 – полностью согласен; +2 – согласен; +1 – скорее согласен, чем не согласен; 0 – нейтрален; –1 – скорее не согласен, чем согласен; –2 – не согласен; –3 – полностью не согласен). По результатам исследования шкалы методики показали высокие внутреннюю согласованность и ретестовую надежность.

Таким образом, в качестве структурных компонентов коммуникативной компетентности рассматриваются социальный и эмоциональный интеллект, а также особенности мотива аффилиации, отвечающие за приближение субъекта к ситуациям межличностного взаимодействия или, наоборот, отдаление от них. Указанные составляющие характеризуют коммуникативную компетентность как сложный интегративный феномен и образуют ее когнитивный, эмоциональный, мотивационный и поведенческий компоненты.

Итоговое определение коммуникативной компетентности можно сформулировать следующим

образом: коммуникативная компетентность – это интегративное психологическое образование, включающее способности, обеспечивающие познание социальных явлений, понимание эмоций и управ-

ление ими, а также мотивацию общения с другими людьми и коммуникативное поведение, способствующее достижению поставленных субъектом коммуникативных целей.

Заключение

В концептуальном поле коммуникативной компетентности находятся феномены способностей и личностных качеств. В соответствии с теорией В. Д. Шадрикова коммуникативную компетентность можно рассматривать на трех уровнях: индивида, субъекта деятельности и личности. На уровне индивида существуют способности, являющиеся природной предпосылкой развития коммуникативной компетентности. На уровне субъекта деятельности находится непосредственно коммуникативная компетентность, от которой зависит степень достижения поставленных субъектом коммуникативных целей при взаимодействии. На уровне личности коммуникативную компетентность можно рассматривать в рамках определенной профессиональной деятельности, имеющей свои требования к личностным качествам специалиста. В таком случае данный феномен анализируется в совокупности со специфическими личностными качествами, влияющими на коммуникативное поведение субъекта. Коммуникативная компетентность в общем виде (вне рамок какой-либо профессии) включает в себя способности, знания, умения и навыки, от-

носящиеся к сфере межличностного взаимодействия, и мотивационные факторы, характеризующие готовность к вступлению в коммуникацию с другими людьми.

Коммуникативная компетентность состоит из когнитивного, эмоционального, поведенческого и мотивационного компонентов. В качестве когнитивного и эмоционального компонентов коммуникативной компетентности рассматриваются социальный и эмоциональный интеллект. Умения и навыки межличностного взаимодействия, саморегуляции и самоконтроля образуют поведенческий компонент коммуникативной компетентности. Как показатели развития и сформированности коммуникативной компетентности также рассматриваются особенности мотива аффилиации (мотивационный компонент): аффилиативная тенденция (обобщенные позитивные ожидания от социального взаимодействия, которые характеризуют общительных и уверенных людей) и чувствительность к отвержению (обобщенные негативные ожидания от социального взаимодействия, провоцирующие тревогу и избегание социальных контактов).

Библиографические ссылки

1. Spitzberg BH. Communication competence as knowledge, skill, and impression. *Communication Education*. 1983;32(3): 323–329. DOI: 10.1080/03634528309378550.
2. Spitzberg BH. (Re)Introducing communication competence to the health professions. *Journal of Public Health Research*. 2013;2(3):125–135. DOI: 10.4081/jphr.2013.e23.
3. Зеер Э, Сыманюк Э. Компетентностный подход к модернизации профессионального образования. *Высшее образование в России*. 2005;4:23–30.
4. Бичева ИБ, Вершинина АЮ, Шарова ТИ, Степаненкова АВ, Росточкина ЕС. Проблемы и перспективы повышения коммуникативной компетентности педагога. *Современные наукоемкие технологии*. 2020;11(часть 2):337–341. DOI: 10.17513/snt.38384.
5. Чихачёв МВ. Роль коммуникативной компетентности в процессе социально-психологической адаптации военнослужащих. *Ярославский психологический вестник*. 2016;35:51–57.
6. Теплов БМ. Способности и одаренность. *Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование*. 2014;4:99–105.
7. Шадриков ВД. К новой психологической теории способностей и одаренности. *Психологический журнал*. 2019; 40(2):15–26.
8. Ушаков ДВ. Социальный интеллект как вид интеллекта. В: Люсин ДВ, Ушаков ДВ, редакторы. *Социальный интеллект: теория, измерение, исследования*. Москва: Институт психологии РАН; 2004. с. 11–28.
9. Люсин ДВ. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн. *Психологическая диагностика*. 2006;4:3–22.
10. Батурин НА, Матвеева ЛГ. Социальный и эмоциональный интеллект: мифы и реальность. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Психология»*. 2009;42:4–10.
11. Silvera D, Martinussen M, Dahl TI. The Tromsø social intelligence scale, a self-report measure of social intelligence. *Scandinavian Journal of Psychology*. 2001;42(4):313–319. DOI: 10.1111/1467-9450.00242.
12. Шевелев ВВ. Психометрическое обоснование опросника «Шкала социального интеллекта Тромсо» («The Tromsø social intelligence scale», TSIS) на выборке городских подростков. *Научное мнение*. 2016;16:144–156.
13. Наследов АД, Семенов ВЮ. Модификация шкалы социального интеллекта tromsø для российских школьников. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2015;4:5–21.
14. Наследов АД, Шамаев АН. Адаптация шкалы социального интеллекта Tromsø для российских студентов-психологов. В: Заширинская ОВ, Шаболтас АВ, редакторы. *Психология XXI века: системный подход и междисциплинарные*

исследования. Сборник научных трудов участников Международной научной конференции молодых ученых; 18–20 апреля 2017 г.; Санкт-Петербург, Россия. Том 2. Санкт-Петербург: Скифия-принт. 2017. с. 296–301.

15. Люсин ДВ. Опросник на эмоциональный интеллект ЭмИн: новые психометрические данные. В: Люсин ДВ, Ушаков ДВ, редакторы. Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям. Москва: Институт психологии РАН; 2009. с. 264–278.

16. Sawyer CR, Richmond VP. Motivational factors and communication competence. In: Hannawa AF, Spitzberg BH, editors. *Communication Competence*. Berlin: De Gruyter Mouton; 2015. p. 193–212. DOI: 10.1515/9783110317459-009.

17. Mehrabian A. The development and validation of measures of affiliative tendency and sensitivity to rejection. *Educational and Psychological Measurement*. 1970;30(2):417–428. DOI: 10.1177/001316447003000226.

18. Heyns R, Veroff J, Atkinson J. A scoring manual for the affiliation motive. In: Smith C, editor. *Motivation and personality: handbook of thematic content analysis*. Cambridge: Cambridge University Press; 1992. p. 211–223. DOI: 10.1017/CBO9780511527937.015.

19. Mehrabian A. Evidence bearing on the affiliative tendency (MAFF) and sensitivity to rejection (MSR) scales. *Current Psychology*. 1994;13(2):97–116. DOI: 10.1007/BF02686794.

References

1. Spitzberg BH. Communication competence as knowledge, skill, and impression. *Communication Education*. 1983;32(3): 323–329. DOI: 10.1080/03634528309378550.

2. Spitzberg BH. (Re)Introducing communication competence to the health professions. *Journal of Public Health Research*. 2013;2(3):125–135. DOI: 10.4081/jphr.2013.e23.

3. Zeer E, Symanyuk E. [Competency-based approach to modernising professional education]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 2005;4:23–30. Russian.

4. Bicheva IB, Verzhinina AY, Sharova TI, Stepanenkova AV, Rostokina ES. Challenges and prospects for improving the communicative competence of the teacher. *Modern High Technologies*. 2020;11(part 2):337–341. Russian. DOI: 10.17513/snt.38384.

5. Chikhachev MV. Role of communicative competence in the process of socio-psychological adaptation of servicemen. *Yaroslavskii psikhologicheskii vestnik*. 2016;35:51–57. Russian.

6. Teplov BM. Talented and gifted. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20. Pedagogicheskoe obrazovanie*. 2014;4: 99–105. Russian.

7. Shadrikov VD. To new psychological theory of abilities and giftedness. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2019;40(2):15–26. Russian.

8. Ushakov DV. [Social intelligence as a type of intelligence]. In: Lyusin DV, Ushakov DV, editors. *Sotsial'nyi intellekt: teoriya, izmerenie, issledovaniya* [Social intelligence: theory, measurement, and research]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; 2004. p. 11–28. Russian.

9. Lyusin DV. [A new method for measuring emotional intelligence: the EmIn questionnaire]. *Psikhologicheskaya diagnostika*. 2006;4:3–22. Russian.

10. Baturin NA, Matveeva LG. [Social and emotional intelligence: myths and reality]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Psikhologiya»*. 2009;42:4–10. Russian.

11. Silvera D, Martinussen M, Dahl TI. The Tromsø social intelligence scale, a self-report measure of social intelligence. *Scandinavian Journal of Psychology*. 2001;42(4):313–319. DOI: 10.1111/1467-9450.00242.

12. Shevelev VV. Psychometric reasoning of «the Tromsø social intelligence scale» questionnaire based on the city teenagers sample. *Nauchnoe mnenie*. 2016;16:144–156. Russian.

13. Nasledov AD, Semenov VY. Modification of the Tromsø social intelligence scale for the Russian school pupils. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*. 2015;4:5–21. Russian.

14. Nasledov AD, Shamaev AN. [Adaptation of the Tromsø social intelligence scale for Russian psychology students]. In: Zashchirinskaya OV, Shaboltas AV, editors. *Psikhologiya XXI veka: sistemnyi podkhod i mezhdistiplinarnye issledovaniya. Sbornik nauchnykh trudov uchastnikov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii molodykh uchenykh; 18–20 aprelya 2017 g.; Sankt-Peterburg, Rossiya. Tom 2* [Psychology of the 21st century: a systematic approach and interdisciplinary research. Collection of scientific papers of the participants of the International scientific conference of young scientists; 2017 April 18–20; Saint Petersburg, Russia. Volume 2]. Saint Petersburg: Skifiya-print; 2017. p. 296–301. Russian.

15. Lyusin DV. [EmIn emotional intelligence questionnaire: new psychometric findings]. In: Lyusin DV, Ushakov DV, editors. *Sotsial'nyi i emotsional'nyi intellekt: ot protsessov k izmereniyam* [Social and emotional intelligence: from process to measurement]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; 2009. p. 264–278. Russian.

16. Sawyer CR, Richmond VP. Motivational factors and communication competence. In: Hannawa AF, Spitzberg BH, editors. *Communication Competence*. Berlin: De Gruyter Mouton; 2015. p. 193–212. DOI: 10.1515/9783110317459-009.

17. Mehrabian A. The development and validation of measures of affiliative tendency and sensitivity to rejection. *Educational and psychological measurement*. 1970;30(2):417–428. DOI: 10.1177/001316447003000226.

18. Heyns R, Veroff J, Atkinson J. A scoring manual for the affiliation motive. In: Smith C, editor. *Motivation and personality: handbook of thematic content analysis*. Cambridge: Cambridge University Press; 1992. p. 211–223. DOI: 10.1017/CBO9780511527937.015.

19. Mehrabian A. Evidence bearing on the affiliative tendency (MAFF) and sensitivity to rejection (MSR) scales. *Current Psychology*. 1994;13(2):97–116. DOI: 10.1007/BF02686794.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

SPECIAL TOPIC SECTION

**XV Международный междисциплинарный научно-теоретический семинар
«Инновационные стратегии в современной социальной философии»**

**15th International interdisciplinary scientific and theoretical seminar
«Innovative strategies in modern social philosophy»**

ПЕРСПЕКТИВЫ БЕЛОРУССКО-КИТАЙСКОГО ДИАЛОГА В РАКУРСЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ОБСУЖДЕНИЯ

PROSPECTS FOR THE BELARUSIAN-CHINESE DIALOGUE IN THE PERSPECTIVE OF INTERDISCIPLINARY DISCUSSION

На базе Республиканского института китаеведения имени Конфуция БГУ и факультета философии и социальных наук БГУ 7–8 декабря 2021 г. состоялся XV Международный междисциплинарный научно-теоретический семинар «Инновационные стратегии в современной социальной философии», на котором были обсуждены перспективы белорусско-китайского диалога в условиях глобальной нестабильности.

В Республиканском институте китаеведения имени Конфуция БГУ 7 декабря прошло пленарное заседание семинара. В рамках его первой секции «Беларусь – Китай: социально-экономические и культурно-цивилизационные основания диалога» были заслушаны и обсуждены доклады и выступления.

С приветственным словом к участникам семинара обратились некоторые члены его организационного комитета, руководители тех структурных подразделений БГУ и других научных центров Беларуси, которые приняли активное участие в подготовке и проведении этого академического мероприятия. В частности, в выступлении чрезвычайного и полномочного посла, директора Республиканского инсти-

тута китаеведения имени Конфуция БГУ профессора А. А. Тозика была подчеркнута принципиальная важность выбора данной темы обсуждения, которая позволяет зафиксировать кардинальные трансформации в структуре сложившегося миропорядка, определить существенную роль Китая в разработке его будущей конфигурации, безусловное значение белорусского-китайского диалога в этом цивилизационном процессе.

Первый секретарь по делам образования Посольства Китайской Народной Республики в Республике Беларусь Ли Бинго отметил важность проводимого научного мероприятия в контексте традиционных для Беларуси и Китая связей и взаимодействий в различных областях науки, образования, культуры.

В выступлении декана факультета философии и социальных наук БГУ доцента В. С. Сайгановой была подчеркнута значимость данного научного форума именно в том контексте, который позволяет успешно продолжать факультетскую традицию организации научных конференций и семинаров благодаря не только преподавателям и научным сотрудникам, но и студентам, аспирантам и молодым ученым.

В. С. Сайганова поделилась воспоминаниями о том, как ей приходилось неоднократно участвовать в подготовке и организации многих предшествующих заседаний семинара и как этот уникальный опыт помогает сегодня решать многие проблемы учебной и научно-исследовательской деятельности факультета философии и социальных наук БГУ.

Затем с приветственным словом к участникам мероприятия обратился директор Института философии НАН Беларуси доцент А. А. Лазаревич. Проведение семинара, как он отметил, имеет важное значение, так как в очередной раз свидетельствует о плодотворном и многолетнем сотрудничестве университетских и академических философов, представляющих как опытных, так и молодых сотрудников Института философии НАН Беларуси, а также их коллег – преподавателей, аспирантов факультета философии и социальных наук БГУ и прежде всего кафедры философии и методологии науки. Важно и то обстоятельство, что в последнее время китайская проблематика занимает все более значимые позиции в этом сотрудничестве. Данный семинар вполне наглядно подтверждает эту перспективную тенденцию.

В выступлении председателя Профессорского собрания БГУ, профессора кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук БГУ А. И. Зеленкова было отмечено, что данный семинар проводится уже в 15-й раз. В этом своем почти юбилейном статусе он продолжает во многом самобытную традицию организации и проведения научных мероприятий в форме творческих дискуссий и креативного диалога, равноправными участниками которых являются не только уже состоявшиеся и известные представители философского сообщества, но и их молодые коллеги – студенты, магистранты, аспиранты. В 2005 г. по инициативе кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук БГУ состоялся первый такой семинар. За это время были исследованы и обсуждены на ежегодных заседаниях семинара многие актуальные проблемы современной социальной философии. И одна из таких, безусловно, востребованных временем проблем стала предметом обсуждения на очередном семинаре, который был проведен в традиционной форме диалога профессоров и студентов.

Данную тему сотрудничества и диалога представителей различных поколений университетских гуманитариев продолжила председатель Совета молодых ученых БГУ, заведующий кафедрой телевидения и радиовещания факультета журналистики БГУ доцент А. Ю. Кузьмина. Она, как и все выступающие, пожелала успешной работы участникам семинара, значительную часть которых представляли китайские студенты, аспиранты и преподаватели

БГУ, а также других учреждений высшего образования Беларуси и КНР.

После приветственных выступлений состоялась видеопрезентация истории проекта «Инновационные стратегии в современной социальной философии». Затем были заслушаны три пленарных доклада.

Профессор кафедры международных отношений факультета международных отношений БГУ доктор философских наук, профессор А. М. Байчоров выступил с темой «Внешнеполитический курс КНР в условиях международной турбулентности»; доцент Международного педагогического института Даляньского политехнического университета, заместитель управляющего делами института Конфуция доктор филологических наук Ян Лян – с темой «Новые возможности для развития международного преподавания китайского языка в Беларуси в постпандемическую эпоху»; научный сотрудник Белорусско-китайского исследовательского центра философии и культуры Линнаньского педагогического университета и Института философии НАН Беларуси кандидат философских наук Д. А. Смоляков – с темой «Высшее образование и социальное развитие общества: институциональный потенциал, международное сотрудничество, вызовы современности».

Второй день работы семинара проходил на площадке факультета философии и социальных наук БГУ. В его программу были включены заседание круглого стола по теме «100 лет БГУ – перспективы университетского образования в трансформирующемся социуме», а также обсуждение докладов и выступлений, тематически сконфигурированных в рамках второй секции «Геополитическая турбулентность глобализации и судьба национальных государств» и третьей секции «Риски “высокой” современности и перспективы трансдисциплинарной науки».

Важно отметить, что указанные тематические приоритеты и проблемы для обсуждения на пленарном заседании и секциях семинара отражают современные тенденции в развитии философии и социально-гуманитарного знания. Более того, акцентированная установка на диалогический формат обсуждения актуальных трендов развития современного общественно-научного знания, участниками которого стали белорусские и китайские профессора и студенты, позволили в определенной мере реализовать программу их компаративного анализа. Именно такой комплексный и в то же время разновекторный взгляд на нестабильный мир «высокой» современности не только расширяет горизонты философии и социальных наук, но и реализует возможность углубления плодотворного сотрудничества между Китаем и Беларусью в целях солидарного поиска адекватных ответов на вызовы глобального общества риска.

По решению редколлегии «Журнала Белорусского государственного университета. Философия. Психология» в настоящем номере публикуются материалы, написанные на основе докладов, которые были заслушаны и обсуждены на семинаре. Знакомство с ними позволит читателю более предметно и осно-

вательно познакомиться как с тематическими приоритетами проведенного семинара, так и с их интерпретацией в изложении белорусских и китайских авторов.

А. И. Зеленков¹

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРЕПОДАВАНИЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В БЕЛАРУСИ В ПОСТПАНДЕМИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

NEW OPPORTUNITIES FOR THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL CHINESE LANGUAGE TEACHING IN BELARUS IN THE POST-PANDEMIC ERA

Предпосылки

В 1983 г. была учреждена Научно-исследовательская ассоциация преподавания китайского языка как иностранного Китайского образовательного сообщества, что ознаменовало официальное установление обучения китайскому языку в качестве научной дисциплины. В Списке профессиональных ученых степеней к присвоению прошедшим подготовку специалистам, опубликованном в 2011 г. Министерством образования КНР, впервые была упомянута ученая степень в области международного образования в сфере китайского языка. В 2019 г. во время конференции, посвященной международному преподаванию китайского языка, заместитель премьер-министра КНР Сунь Чуньлань предложила ввести новое научное понятие – «международное преподавание китайского языка». Те преобразования, которые претерпел соответствующий терминологический аппарат, отразили изменения в понимании развития системы образования в Китае. Термин «преподавание китайского языка как иностранного» (对外汉语) отражает отношения между китайским образованием и внешней средой в то время и предполагает опору на внутренние ресурсы и обучение иностранных студентов, приезжающих в Китай. Появление понятия «международное преподавание в сфере китайского языка» (汉语国际教育) связано с увеличением масштабов в области образования в Китае, а акцентирование внимания на китайском языке в составе данного понятия отражает переход преподавания китайского языка от образовательного этапа к этапу становления в качестве научной дисциплины. Формирование термина

«международное преподавание китайского языка» (国际中文教育) за последние два года символизирует вступление данной дисциплины в новую фазу развития, при этом фокус внимания сосредоточивается на международном характере преподавания китайского языка и перспективах развития этой дисциплины. В данном случае язык является посредником, способствующим международному сотрудничеству и выступающим важным фактором в качественном развитии многих стран в экономической, политической, образовательной и культурной сферах. В связи с этим в будущем международное преподавание китайского языка способно, с одной стороны, еще больше расширить сферу влияния китайского языка на международной арене, а с другой стороны, увеличить практическую ценность китайского языка (сыграть существенную роль в развитии международного сотрудничества).

При активной поддержке Центра международных языковых обменов и сотрудничества Министерства образования КНР с учетом практических тенденций в будущем развитии международного преподавания китайского языка проект «Китайский язык +» получил широкое распространение в Юго-Восточной Азии, Африке и других регионах.

Исходя из местных условий и стремясь к поиску различных путей развития, данный проект в основном нацелен на совмещение обучения китайскому языку и различным профессиональным навыкам. Первым учреждением, приступившим в 2016 г. к реализации проекта «Китайский язык + профессиональное образование», стал Институт Конфуция

¹Анатолий Изотович Зеленков – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Anatoliy I. Zelenkov, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: zelenkov-antl@yandex.ru

Университета Кхон Каен (Таиланд), который запустил проект подготовки китайско-тайских специалистов для работы в сфере высокоскоростных железных дорог и первым начал практическую реализацию программы «Китайский язык + высокоскоростные железные дороги». В течение пяти лет после этого проект «Китайский язык + профессиональное образование» получил широкое развитие и теперь включает такие разновидности, как «Китайский язык + право», «Китайский язык + туризм», «Китайский язык + авиационная служба», «Китайский

язык + электронная торговля», «Китайский язык + робототехника», «Китайский язык + большие данные», «Китайский язык + интернет вещей». В преподавании китайского языка наметилась тенденция к переходу от чисто языкового образования к передаче профессиональных навыков и технологий. Данные перемены связаны с быстрым ростом спроса на профессиональные технические кадры со знанием китайского языка в международном сообществе особенно в странах – участницах инициативы «Один пояс, один путь».

Необходимость запуска проекта «Китайский язык +» в Беларуси

Согласно отчету «Исследование условий хозяйствования частных китайских предприятий в странах-участницах инициативы “Один пояс, один путь” за 2019 год», проведенному Всекитайской ассоциацией промышленников и торговцев (ВАПТ), компании с участием китайского капитала, расположенных в странах – участницах инициативы «Один пояс, один путь», в обозримом будущем ожидает острая нехватка специалистов. Они также могут столкнуться с проблемой низкого уровня владения китайским языком среди местных кадров, препятствиями в области межкультурной коммуникации и др. Учитывая данные проблемы, глава Центра международных языковых обменов и сотрудничества Министерства образования КНР Ма Цзяньфэй отметил острую необходимость в совмещении преподавания китайского языка и профессиональных навыков, что могло бы обеспечить соответствие между потребностями предприятий и условиями подготовки ведущих местных специалистов за рубежом. Будучи ключевой страной в экономической зоне инициативы «Один пояс, один путь», Беларусь неизменно на высшем уровне поддерживает с Китаем близкие партнерские отношения, а китайский язык как проводник, необходимый при разворачивании эффективного международного сотрудничества в новых сложившихся условиях, является в то же время фундаментом, обязательным для устойчивого развития совместных белорусско-китайских предприятий и подготовки местных кадров со знанием китайского языка. Тем не менее сегодня использование китайского языка в системе образования Беларуси, как правило, ограничивается исключительно изложением знаний о языке, точнее, повседневным общением на китайском языке. В то же время в стране ощущается дефицит многопрофильных профессиональных и административных специалистов, способных свободно пользоваться китайским языком на работе. По этой причине реализация проекта «Китайский язык +» в Беларуси является необходимой.

Для разрешения проблемы нехватки многопрофильных специалистов со знанием китайского языка в Беларуси и достижения соответствия между потребностями предприятий и условиями подготовки ведущих местных кадров за рубежом реализация вышеупомянутого проекта, с одной стороны, опирается на реальные потребности компаний с участием иностранного капитала, являющихся резидентами Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий камень», и предполагает такие востребованные направления, как машиностроение, электронная информация, промышленность тонкой химии, биофармацевтика, производство новых материалов, складская логистика и др.; с другой – на разработку программы подготовки многопрофильных специалистов в рамках проекта «Китайский язык + специальность», подразумевающей задействование образовательных ресурсов учреждений высшего образования и институтов Конфуция Беларуси. В данном контексте хотелось бы подчеркнуть следующее: по причине того, что уровень охвата высшим образованием в Беларуси довольно высок, образовательные программы, совмещающие преподавание китайского языка и технических дисциплин, для Беларуси не подходят. При реализации проекта «Китайский язык +» в Беларуси необходимо фокусироваться на преподавании китайского языка с получением иной специальности. В документ «Руководство по реализации новых проектов в сфере международного преподавания китайского языка», опубликованный Центром международных языковых обменов и сотрудничества Министерства образования КНР в 2021 г., за исключением проекта «Китайский язык + профессиональное образование», был также включен проект «Китайский язык + специальность» в качестве будущего направления развития международного преподавания китайского языка. Тем не менее в настоящий момент данная инициатива все еще находится на этапе разработки.

Теоретическая структура проекта «Китайский язык + специальность»

Первые попытки разработки проектов, совмещающих изучение специальности и китайского языка, были предприняты в 1950-х гг. Тогда в работе

«Практические коммерческие переговоры на национальном языке» под редакцией Чэнь Жуйхуа впервые возникла формула «Китайский (национальный)

язык + сфера применения». В 1980-х гг. программы подготовки иностранных дипломатических представителей, проходящих обучение в Китае, и специализированного технического персонала уже стали включать изучение китайского языка и иной специальности, что является наиболее ранней попыткой внедрения проекта «Китайский язык +» в образовательный процесс. В то время данная программа называлась «Профильный китайский язык». Можно сказать, что она стала теоретической основой проекта «Китайский язык + специальность».

Теоретическое содержание термина «профильный китайский язык» включает следующие аспекты:

- учет потребностей учащихся в образовательном процессе, применение научного систематического анализа их нужд в целях понимания мотивации и отношения учащихся к обучению, планирование перспектив для профессионального роста в будущем с опорой на развитие практических навыков использования китайского языка;
- языковые способности, которым обучают преподаватели, определяются на основе коммуникативной деятельности и ситуации, предполагаемых учебной дисциплиной либо соответствующей профессией, и ориентируются на развитие навыков использования различных языковых функций;
- обучение китайскому языку для профессиональных целей исключает специальную методологию преподавания, однако при этом предполагает организацию образовательного процесса, в том числе изучение дисциплин, прохождение профессиональной подготовки в соответствии с реальными потребностями учащихся;
- преподаватели китайского языка для профессиональных целей не просто излагают учебный материал, но также занимаются разработкой и составлением учебных пособий.

Из сказанного выше следует, что преподавание китайского языка для профессиональных целей акцентирует особое внимание на анализе потребностей учащихся, ориентируется на их нужды, опи-

рается на практическое использование языковых навыков. В данном случае преподавателю предъявляют высокие требования – учитываются навыки обучения китайскому языку и степень владения профессиональными знаниями. Помимо этого, принцип преподавания «без твердых правил» совершенно не предполагает пренебрежение методологией обучения, а указывает на гибкость навыков преподавания, при этом учитываются реальные потребности для составления учебных материалов и организации образовательного процесса.

Международное преподавание китайского языка в Китае находится на этапе развития обучения китайскому языку для профессиональных целей. В этой сфере уже была сформирована теоретическая база. Цели изучения китайского языка связаны с освоением той или иной специальности и с профессиональной деятельностью. Автор настоящей статьи обращает внимание на то, что здесь профессиональные цели не совпадают с преследуемыми при реализации проекта «Китайский язык + профессионально-техническое образование», а цели, связанные с изучением специальности и осуществлением профессиональной деятельности, не противоречат друг другу. Например, студент, который обучается на I ступени высшего образования по юридической специальности, должен овладеть юридическим китайским языком. Однако с точки зрения трудоустройства использование китайского языка в трудовой деятельности адвокатом и полицейским довольно сильно различается. По этой причине (при необходимости установления соответствия между подготовкой кадров и отраслевыми потребностями) реализация проекта «Китайский язык + специальность» в Беларуси должна предполагать изучение общего китайского языка, а также китайского языка для учебных и профессиональных целей. В таком случае преподавание профессионального языка можно организовать в различных формах, в том числе при обучении в учреждении высшего образования и прохождении практики на предприятии.

План по продвижению реализации проекта «Китайский язык + специальность» в Беларуси

Нетрудно заметить, что учет потребностей является ключевым фактором при распространении и реализации настоящего проекта вне зависимости от того, упоминается ли его теоретическая база либо отрасли, охватываемые проектом «Китайский язык + специальность». Прежде чем начать реализацию проекта «Китайский язык + специальность» в Беларуси, необходимо в полной мере изучить потребности компаний с участием китайского капитала, а затем в соответствии с ними разработать учебный план и программу подготовки специалистов, предполагающую изучение китайского языка для повседневных, учебных и профессиональных це-

лей. Автор настоящей статьи предлагает разработать план распространения информации о наборе студентов, заинтересовать абитуриентов возможностями трудоустройства, прохождения практики и предоставления стипендии, чтобы в данном проекте приняло участие большее количество студентов.

В будущем планируется запуск образовательной платформы «Китайский язык + специальность» для студентов БГУ, ориентированной на удовлетворение потребностей компаний с участием китайского капитала в соответствующих кадрах. Приблизительный план реализации охватывает два направления.

Первое направление предполагает обучение профильному китайскому языку при разделении на основные категории учебных специальностей. Для студентов естественно-научных и технических специальностей, участвующих в настоящем проекте, предлагается изучение дисциплины «Практический китайский язык в промышленности». Предмет «Общий китайский язык в управлении» планируется ввести студентам специальностей, связанных с менеджментом; изучение и практика профессионального китайского языка при этом должны осуществляться в соответствии с конкретными должностями на этапе прохождения практики (стажировки) на предприятии. Различные формы подготовки студентов могут быть также задействованы для закрепления ими знаний в сфере профессионального китайского языка.

Второе направление нацелено на практику профессионального китайского языка в соответствии с классификацией основных учебных дисциплин. Предполагается выбор 1–3 наиболее востребованных в индустриальном парке дисциплин. Например, при реализации проекта «Китайский язык + машиностроение» возможно введение профильного предмета «Китайский язык в машиностроении». Изучение и практика профессионального китайского языка также осуществляются в соответствии с конкретными должностями на этапе прохождения практики (стажировки) на предприятии.

Преимущество первого направления заключается в возможности привлечения множества студентов различных специальностей для участия в проекте «Китайский язык + специальность». В то же время для внедрения учебных дисциплин «Практический китайский язык в промышленности» и «Общий китайский язык в управлении» отсутствует необходимость задействовать большое количество преподавательских кадров. Преимущество второго направления заключается в высокой точности, возможности более полно воплотить в жизнь рекомендации, разработанные Центром международных языковых обменов и сотрудничества для подготовки кадров для предприятий с участием китайского капитала за рубежом. Тем не менее данное направление ограничено рядом специальностей. Число студентов, способных принять участие в проекте, будет также сокращаться, а отсутствие соответствующих учебных пособий для ведения учебных дисциплин может привести к увеличению нагрузки на преподавательский состав и росту издержек.

В настоящее время большая часть языковой практики в странах Южной Азии и Африки, реализующих проект «Китайский язык + специальность», осуществляется на предприятиях. При запуске проекта «Китайский язык + специальность» в Беларуси можно также руководствоваться принципом прохождения практики на предприятии. Для реализации комплексного проекта, сочетающего научные исследования и научно-инновационную практику, необходимо в полной мере использовать сильный научно-исследовательский потенциал БГУ и Даляньского политехнического университета, согласовывать реальный спрос предприятий-резидентов в кадрах с условиями обучения и тенденциями дальнейшего развития Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий камень» в области науки и инноваций. Предварительный план реализации проекта ориентирован на прохождение практики на предприятии, вовлечение студентов в процессы производства, разработки, управления соответствующей организации, оценку общих способностей учащихся при выполнении определенных задач. Таким образом, студенты могут, с одной стороны, повысить уровень профессионального китайского языка, с другой стороны, усовершенствовать свои профессиональные навыки. Помимо этого, при реализации проекта у предприятий будет возможность достичь целей по подготовке и выдвижению специалистов. Автор настоящей статьи надеется, что реализация проекта «Китайский язык +» в Беларуси предоставит все условия для подготовки международных кадров со знанием китайского языка, углубит экономическое сотрудничество и развитие обеих стран и в будущем внесет вклад в развитие международного преподавания китайского языка в Беларуси.

Настоящий проект является результатом поэтапного исследования в рамках глобальной программы финансирования научной деятельности в сфере преподавания китайского языка «Исследование спроса и форм обучения для подготовки многопрофильных специалистов со знанием китайского языка в Беларуси в рамках проекта “Китайский язык +”» и ключевого проекта фонда научных исследований и подготовки Института международного образования Даляньского политехнического университета «Исследование методов подготовки многопрофильных специалистов в Беларуси в рамках проекта “Китайский язык +”».

Ян Лян¹

¹Ян Лян – доктор филологических наук; доцент Института международного образования Даляньского политехнического университета.

Yang Liang, doctor of science (philology); associate professor at the School of International Education, Dalian Polytechnic University.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС КИТАЯ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

А. М. БАЙЧОРОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Проанализированы цели и содержание внешнеполитического курса Пекина, связанные с решением насущных задач социально-экономического развития и противостоянием политике коллективного Запада по сдерживанию Китая. Рассмотрены основные внешнеполитические инструменты, используемые китайским правительством для достижения поставленных целей. Раскрыты особенности внешней политики Китая после прихода к власти пятого поколения китайских лидеров.

Ключевые слова: возрождение величия китайской нации; внешнеполитический курс; экспорт; экономический рост; экономические мегапартнерства; инициатива пояса и пути; международная турбулентность; конкуренция; сдерживание Китая.

CHINA'S FOREIGN POLICY AT TIMES OF INTERNATIONAL TURBULENCE

A. M. BAICHOROV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Aims and contents of the Beijing's foreign policy determined by the China's socio-economic needs and confrontation with the collective West containment policy are analysed. Main foreign policy instruments used by the China government to attend the proclaimed targets are described. The characteristics of the China's foreign policy that associated with coming to power of the fifth generation of the Chinese leaders are defined.

Keywords: revitalisation of the greatness of the Chinese nation; foreign policy; export; economic growth; economic mega partnerships; Belt and road initiative; international turbulence; competition; containment of the China.

Лидера Китая Дэн Сяопина многие эксперты считают родоначальником современной внешней политики Китая. Он проповедовал стратегию накопления сил, проведение скромной внешней политики (*policy of low profile*), придерживаясь принципа невмешательства в любые региональные и локальные конфликты. В какой-то степени его заветам следовали представители четвертого поколения китайских руководителей – Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао, – которые отдавали приоритет решению внутренних проблем, ориентировали страну на сбалансирован-

ное развитие западных и восточных провинций Китая, построение дружеских отношений прежде всего со странами-соседями.

На рубеже 2012–2013 гг. в Китае происходил транзит власти. На смену руководителям четвертого поколения пришли лидеры пятого поколения (Си Цзиньпин и Ли Кэцян) и выдвинули более амбиционные планы. Экспорт, как основной источник экономического роста, был реабилитирован, хотя параллельно говорилось о необходимости расширения внутреннего спроса, получили поддержку

Образец цитирования:

Байчоров АМ. Внешнеполитический курс Китая в условиях международной турбулентности. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2022;2:99–104.

For citation:

Baichorov AM. China's foreign policy at times of international turbulence. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2022;2:99–104. Russian.

Автор:

Александр Мухтарович Байчоров – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры международных отношений факультета международных отношений.

Author:

Aleksandr M. Baichorov, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of international relations, faculty of international relations.
albaichorov@mail.ru

более экономически развитые восточные провинции как драйверы экономического роста; начала проводиться активная внешняя политика, нацеленная на защиту и продвижение торговых и стратегических интересов Китая по всему миру. Внешнеполитический курс стал одним из инструментов возрождения мощи и величия китайской нации, которыми она обладала в XVIII в. Этот курс был нацелен на то, чтобы сделать мир более гармоничным (т. е. не однополярным) и соответствовать интересам Китая. Начался новый этап в развитии государства, вскоре названный сотрудниками Международного отдела Центрального Комитета Коммунистической партии Китая (ЦК КПК) новой эпохой.

Сразу после своего избрания Генеральным секретарем на 1-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва Си Цзиньпин 15 ноября 2012 г. вместе с другими избранными членами Политбюро ЦК КПК посетил выставку достижений народного хозяйства, где впервые озвучил свое видение будущего для Китая: «Сегодня все говорят о китайской мечте. По-моему, осуществление великого возрождения китайской нации – это и есть самая великая мечта китайского народа со времени новой истории» [1, с. 577]. Эту цель – «великое возрождение величия китайской нации» – он поставил в своем выступлении уже перед всей страной при избрании на пост председателя КНР в марте 2013 г. Впоследствии по разным поводам Си Цзиньпин акцентировал внимание китайских руководителей разного уровня на реализации определенных аспектов этой цели: «дать китайской нации занять прочное и достойное место в семье мировых наций, вносить новый и более весомый вклад на благо человечества» [1, с. 4]; «искренне спланировать [с соотечественниками на Тайване] и вести сотрудничество и общими усилиями бороться за реализацию китайской мечты – великого возрождения китайской нации» [1, с. 313]; «это мечта о сильной армии» [1, с. 300]; «для осуществления великого возрождения китайской нации нам необходимо привлечь больше одаренных и способных людей» [1, с. 178].

Для международной аудитории Си Цзиньпин следующим образом сформулировал главную цель китайской внешней политики: создание благоприятных внешнеполитических условий для «осуществления великого возрождения китайской нации – этой главной мечты китайского народа после Опиумных войн; мы называем ее “китайской мечтой”. Основное содержание этой мечты заключается в том, чтобы сделать Китай богатым и могущественным государством, добиться национального возрождения и повысить уровень благосостояния народа» [1, с. 371–372].

Национально-освободительная армия Китая в 2011 г. получила в свое распоряжение кинетическое антиспутниковое оружие, в составе китайских

военно-морских сил появился первый авианосец, начали поступать на вооружение новые баллистические ракеты. Пытаясь закрепить свои притязания на всю акваторию Южно-китайского моря, Государственный совет КНР утвердил в июне 2012 г. создание города Сяньша окружного значения, который будет управлять островами и акваториями архипелагов Сиша, Чжунша и Наньша. Осенью 2012 г. боевые корабли и китайские рыбацкие шхуны попытались установить контроль над принадлежащими Японии островами Сенкаку (Даоюйдао) в Восточно-китайском море.

Международная турбулентность в начале второго десятилетия XXI в. была связана в основном с тремя факторами: противостояние по линии Китай – коллективный Запад, противостояние по линии Россия – коллективный Запад, борьба с коронавирусной инфекцией COVID-19. Пекин в своей внешнеполитической стратегии был обязан своевременно реагировать на эти три фактора, стараться нейтрализовать их негативные последствия для достижения поставленной стратегической цели – возрождения величия китайской нации.

На линии противостояния Китай – коллективный Запад Пекин столкнулся с комплексной политикой сдерживания, во многом инновационной по своему характеру.

Испытывая возрастающую конкуренцию со стороны китайских компаний на рынках стран третьего мира, обеспокоенный растущими глобальными амбициями Пекина коллективный Запад начал задумываться над тем, как подавить непомерные, по его мнению, китайские амбиции. Был изобретен механизм сдерживания Китая с помощью создания мегарегиональных экономических партнерств. К их формированию удалось привлечь и многие страны третьего мира, озабоченные китайской экономической и территориальной экспансией. Эти партнерства должны были ограничить мировые рынки для китайских товаров и инвестиций.

В январе 2013 г. было заявлено о начале переговоров по созданию Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства. В результате их успешного завершения мог бы возникнуть самый крупный в мире экономический альянс. Президент США Д. Трамп приостановил переговоры по его созданию, но большая работа все-таки была проделана и не исключено его образование в будущем. В марте 2013 г. Вашингтон резко активизировал переговоры по созданию Транстихоокеанского партнерства (ТТП), завершившиеся в 2016 г. подписанием соответствующего соглашения. В том же месяце было объявлено о начале переговоров по созданию зоны свободной торговли ЕС и Японии (соглашение подписано в 2017 г.). Было подписано Соглашение о создании зоны свободной торговли Канады и ЕС.

Президент США Дж. Байден не только продолжил политику Д. Трампа по сдерживанию Китая, но и, опираясь на сложившийся консенсус в этом вопросе всех ветвей американской власти, интенсифицировал ее. Выступая на Генеральной Ассамблее ООН 21 сентября 2021 г., Дж. Байден охарактеризовал внешнеполитический курс Китая как «попытку более сильных стран доминировать над более слабыми»¹. Для противостояния этому давлению Вашингтон избрал курс на формирование нацеленных против Китая политико-военных мегарегиональных партнерств. Был восстановлен ничем себя ранее не проявивший политико-технологический альянс *Quad*, включающий США, Японию, Австралию и Индию. Его виртуальный саммит был проведен 12 марта 2021 г. Исходя из представления, что не Евразия, а воды мировых океанов станут основным полем противоборства США и Китая, Вашингтон осенью 2021 г. создал военный альянс *AUKUS* (США, Австралия и Великобритания). Он, как считают некоторые эксперты, с подключением Канады, Новой Зеландии, Японии и Южной Кореи, а в перспективе даже Индии и Вьетнама, станет азиатским эквивалентом НАТО [2].

При создании экономических мегاپартнерств (как механизмов сдерживания Китая) коллективный Запад не был озабочен тем обстоятельством, что они фактически шли вразрез с его традиционным курсом на либерализацию мировой торговли, устранение торговых барьеров, борьбу с протекционизмом. По существу, мегاپартнерства и являли собой образец протекционизма, а авторитарный Китай, который им противостоял, становился основным защитником свободы международной торговли.

В Пекине с большой озабоченностью следили за планами и действиями по сдерживанию Китая и понимали, что создание всех запланированных мегاپартнерств значительно ограничит для Китая поле маневра на международной арене, нанесет удар по китайскому экспорту как основному источнику экономического роста страны. В итоге цель Си Цзиньпина (великое возрождение величия китайской нации) стала еще более труднодостижимой.

Китайское руководство должно было начать масштабную внешнеполитическую контригру против политики сдерживания Китая, все шире раскручиваемой коллективным Западом. Эта контригра проводилась Пекином по трем основным направлениям.

Первое направление было связано с провозглашением в сентябре 2013 г. инициативы «Экономический пояс Шелкового пути», которая была нацелена на сохранение существующего режима Всемирной торговой организации и даже на облегчение международной торговли. Предполагалось строитель-

ство многочисленных транспортно-логистических поясов и коридоров, создание электронных режимов беспрепятственного перемещения товарных потоков через различные национальные юрисдикции. Инициатива пояса и пути (далее – ИПП), как она стала называться впоследствии, получила поддержку более 60 государств и стала поистине всемирным проектом. Были созданы Фонд Шелкового пути и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, призванные финансово поддерживать конкретные проекты, осуществляемые в рамках ИПП. Вокруг этой инициативы завязалась идеологическая война. В частности, противниками ИПП выдвигались обвинения в том, что малые страны (и не только малые) попадают в долговую ловушку Пекина после осуществления крупных транспортных и иных инфраструктурных проектов, созданных на деньги от китайских кредитов. Часто приводится пример Шри Ланки, якобы потерявшей свой порт, отошедший Китаю в счет уплаты долгов. Объектом критики становится и несоблюдение китайскими строителями экологических стандартов при осуществлении инфраструктурных проектов (например, при строительстве автомагистрали в Черногории). Сторонники ИПП приводили положительные примеры развития сотрудничества в рамках инициативы. Так, 27 сентября 2021 г. на встрече с преподавателями и студентами факультета международных отношений БГУ директор Центра глобальных и стратегических исследований г. Исламбада Х. Т. Акрам отметил, что первым проектом, полностью завершенным в рамках ИПП, стало строительство транспортного коридора в Пакистане от китайской границы до порта Гвадар. Это принесло улучшение национальной и региональной дорожных сетей, электричество стало поступать в десятки тысяч домов, были созданы благоприятные условия для развития местного бизнеса вдоль всего коридора. Х. Т. Акрам заявил, что шри-ланкийский порт не стал собственностью Китая, а был отдан ему в аренду на 25 лет.

Вторым направлением противостояния политике сдерживания стало сотрудничество Китая с отдельными региональными экономическими образованиями или даже инициирование создания новых форматов сотрудничества в различных существующих региональных объединениях. Изначально Пекин рассматривал образование ЕАЭС в том же ключе, что и создание ТТП, т. е. формирование экономического блока, ограничивающего свободу китайского экспорта. Но после введения в 2014 г. коллективным Западом антироссийских политических и экономических санкций Си Цзиньпин и Президент России В. В. Путин 8 мая 2015 г. подписали заявление о сопряжении ИПП и ЕАЭС. Это позволило китайским экономическим интересам на законных основаниях

¹China believes that America is forging alliances to stop its rise // The Economist [Electronic resource]. URL: <https://www.economist.com/china/2021/09/25/china-believes-that-america-is-forging-alliances-to-stop-its-rise> (date of access: 19.10.2021).

проникать в страны ЕАЭС. Затяжной процесс подписания китайско-евросоюзского всеобъемлющего соглашения о партнерстве и сотрудничестве, а также инвестиционного соглашения обусловил создание Пекином собственного формата сотрудничества со странами Центральной и Восточной Европы – членами ЕС. Это формат «16+1», который превратился в формат «17+1» после присоединения Греции. Республика Беларусь также получила возможность участвовать в нем в качестве специального приглашенного гостя от Пекина. Экономические трудности, связанные с коронавирусной инфекцией COVID-19, не позволили развить этот формат так быстро и эффективно, как планировалось. Брюссель вообще рассценил его образование как попытку Пекина подорвать единство ЕС.

Соглашение о создании Всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП), подписанное в Ханое 15 ноября 2020 г., в официальных средствах массовой информации Китая именовали большим успехом китайской дипломатии. Во ВРЭП наряду с 10 странами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии вошли Китай, Япония, Южная Корея, Австралия и Новая Зеландия. В его рамках Китай и Япония впервые договорились о взаимном снижении тарифов. Вместе с тем в международном отделе ЦК КПК и Министерстве иностранных дел Китая понимали, что ВРЭП – это скорее протокол о намерениях, а ТПП – реальный экономический блок, поэтому осенью 2021 г. Пекин объявил о своем желании подписать соглашение ТТП и вступить в члены партнерства.

Третьим направлением противостояния политике сдерживания стало привилегированное сотрудничество Китая с Россией, Пакистаном, Таджикистаном, Кыргызстаном, Беларусью, Грузией, Италией, Грецией, Черногорией и др. В рамках этого направления в России на деньги Китая построен гигантский газопровод «Сила Сибири», в Грузии на 49 лет арендован порт Батуми, в портах Италии и Греции Китай получил право на строительство собственных терминалов, в Черногории строится единственная в стране автомагистраль, в Беларуси китайские инвесторы помогают поднимать индустриальный парк «Великий камень».

Очевидно, что возможности экономического сотрудничества с Китаем используются Беларусью не в полной мере. Белорусский институт стратегических исследований считает, что настало время совершить «национальный поворот в Азию». Для этого предстоит многое изменить в белорусском торговом-экономическом законодательстве, более адекватно представлять экономические реалии в азиатских странах. В качестве первого шага 22 сентября

2021 г. упомянутым институтом был проведен международный семинар «Актуальные вопросы обеспечения национального “поворота в Азию”». В своем выступлении на семинаре руководитель Агентства внешнеэкономической деятельности А. Н. Мицкевич рассказал, как в Пекине упрекнули Президента Бразилии Ж. Болсонаро за то, что правительство Китая инвестировало 50 млрд долл. в Бразилию, однако так и не получило обещанный земельный участок, тогда как Беларусь выделила Китаю 100 км². Это замечание является яркой иллюстрацией того, как в Пекине ценят политическое взаимопонимание и сотрудничество, установившиеся между Китаем и Беларусью. В экономическом сотрудничестве Беларусь, как представляется, все еще действует по советским лекалам, то есть продвигает свои товары (то, что имеет). Это необходимо, однако продвижение имеет свои трудности и, как показывает структура белорусского экспорта в Китай, почти невозможно реализовать на практике. Видимо, сначала следует выяснить потребности Китая, особенно специфические, не полностью покрываемые китайской промышленностью, а потом, используя научно-техническую базу Беларуси, попытаться удовлетворить некоторые из них.

На линии противостояния Россия – коллективный Запад Пекин в целом политически поддерживает Москву, выступает за снятие антироссийских политических и экономических санкций. В то же время он не признал ни присоединение Крыма к России, ни планируемое вхождение Южной Осетии и Абхазии в ее состав. Недовольство Пекина вызвала и российская поддержка сепаратистов на востоке Украины. Посол Китая в Украине Фань Сьяньжун 21 марта 2022 г. на страницах официальной пекинской газеты *Global Times* заявил, что «никогда не видел прежде настоящей войны»². Китайский посол в ООН Цинь Ган 20 марта в интервью американской новостной программе *Face Nation* подчеркнул, что Китай, как миролюбивая страна, «поддерживает принципы ООН о государственном суверенитете и территориальной целостности, включая Украину» [5]. Пекин пока дезавуирует предложения некоторых российских политиков и экспертов об образовании китайско-российского военно-политического альянса.

Соперничество США и Китая – определяющий фактор мировой политики и экономики. Вашингтон стратегически заинтересован в недопущении слишком тесного сближения России и Китая, но, по мнению российского эксперта А. Т. Габуева, «степень беспокойства Европы и США по поводу сближения РФ и КНР пока недостаточна, чтобы они были готовы всерьез менять политику на российском направлении» [4].

²Chinese ambassador says condemning Russia for Ukraine invasion «doesn't solve the problem» // YouTube [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tOKLgrRVr4> (date of access: 22.03.2022).

Пекин высоко ценит всестороннее сотрудничество и партнерство с Москвой, но Китай традиционно является самостоятельным международным игроком (как и Россия) и сегодня он не готов и не хочет вступать в военный союз с Россией, которая, в отличие от США и Китая, не является сверхдержавой. Москве приходится искать определенный баланс в своих отношениях с двумя сверхдержавами, стараясь избегать втягивания в их стратегическое соперничество. Слишком тесное сближение с Китаем было бы связано с утратой значительной части российского суверенитета, более того, судьба России определялась бы тем, чем в итоге закончится соперничество двух сверхдержав.

Период коронавирусной инфекции COVID-19 показал, что не союзнические отношения, а собственные национальные интересы являются главными для Пекина и Москвы. Китай и Россия быстро закрыли границы друг с другом, приостановили все авиaperелеты, в весьма ограниченных масштабах проводили обмен информацией о коронавирусе COVID-19 и готовящихся вакцинах (по состоянию на декабрь 2021 г. не признали вакцин друг друга). В то же время взаимная торговля постепенно вернулась на предпандемический уровень, возобновились совместные военные маневры, а Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2001 г. был продлен на очередные пять лет.

По прогнозам Международного валютного фонда (МВФ), мировая экономика в 2021 г. начала отстраиваться после кризиса, вызванного пандемией. В 2020 г. ВВП США сократился на 4,6 %, Германии – на 4,8 %, Японии – на 4,7 %, России – на 3,0 %, Индии – на 7,3 %, а в Китае лишь замедлились темпы экономического роста до 2,3 %. Ожидалось, что этот рост возобновится в 2021 г. в большинстве стран мира (в США прирост ВВП составит 5,6 %, Германии – 3,6 %, Японии – 2,8 %, России – 4,4 %, Индии – 9,5 %) и продолжится в 2022 г. (США – 4,9 %, Германия – 4,1 %, Япония – 3,0 %, Россия – 3,1 %, Индия – 8,5 %). МВФ предсказывает и послековидное ускорение в Китае: 8,1 % в 2021 г. и 5,7 % в 2022 г.³

Предсказанное снижение темпов экономического роста Китая в 2022 г. по сравнению с 2021 г. будет обусловлено необходимостью преодолевать трудности, связанные с растущим долговым бременем провинциальных и местных администраций, а также высоким уровнем корпоративных долгов. В уточненном прогнозе МВФ, опубликованном в январе 2022 г., отмечается, что ВВП Китая вырастет в 2022 г. на 4,8 %, а в 2023 г. – на 5,2 %⁴.

В ноябре 2021 г. в Пекине состоялся 6-й пленум ЦК КПК 19-го созыва. Кроме членов и кандидатов

в члены ЦК, в его работе приняли участие министры, руководители китайских провинций, силовых структур и госкорпораций. Пленум принял техническую резолюцию о созыве XX съезда КПК во второй половине 2022 г. и резолюцию по историческим вопросам.

Всего в истории КПК было три аналогичных исторических резолюции. Резолюция по историческим вопросам 1945 г. укрепила позиции Мао Цзэдуна как лидера партии перед решающей битвой за власть в стране. Вторая такая резолюция была одобрена в 1981 г. В ней Дэн Сяопин дал оценку роли Мао Цзэдуна в истории, осудил эксцессы культурной революции, открыл перспективу реформирования китайской экономики и государства в целом. Резолюция 2021 г. объявила важнейшей задачей КПК осуществление «двух отстаиваний»: «Решительное отстаивание статуса тов. Си Цзиньпина как руководящего ядра ЦК КПК и партии в целом, неукоснительная защита авторитета ЦК КПК и поддержание его единого централизованного руководства» [5].

Содержание «исторической резолюции» 6-го пленума отражает идеологию «осажденной крепости», которая значительно укрепилась в руководстве Китая после раскручивания коллективным Западом политики сдерживания. В ней, в частности, говорится: «ЦК партии глубоко осознал, что, стоя перед лицом окружения, блокады, нападок, притеснений, провокаций и подрывной деятельности извне, необходимо развивать дух китайского народа, который не верит в чертовщину и не боится злых сил, довести до конца борьбу со всеми силами, которые пытаются свергнуть руководство КПК и социалистический строй Китая, пытаются задержать и даже сорвать ход великого возрождения китайской нации» [5].

Данная идеологическая установка будет оказывать все большее влияние на выбор внешнеполитического инструментария и по линии жесткой силы и по линии мягкой силы, который Пекин будет использовать для продвижения своих интересов и противостояния политике сдерживания.

Сохраняющаяся международная турбулентность в начале 3-го десятилетия XXI в., вступившая в феврале 2022 г. в новую фазу после начала военной специальной операции России на территории Украины и введения невиданных по масштабам экономических санкций против Москвы, продолжает бросать вызовы пекинскому руководству и по линии противостояния Китай – коллективный Запад, и по линии противостояния Россия – коллективный Запад, и по линии борьбы с пандемией коронавируса COVID-19, вновь обострившейся в Китае в марте 2022 г. Внеш-

³World Economic Outlook rise // Intern. Monetary Fund [Electronic resource]. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/07/27/world-economic-outlook-update-july-2021> (date of access: 13.01.2022).

⁴Latest World Economic Outlook Growth Projections // Intern. Monetary Fund [Electronic resource]. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WED/Issues/2022/01/25/world-economic-outlook-update-january-2022> (date of access: 02.03.2022).

неполитический курс Китая модернизируется с учетом этих вызовов. В условиях роста консолидации Запада на антироссийских позициях для Пекина могут открыться новые возможности для продвижения своих стратегических интересов в рамках всех трех обозначенных выше противостояний.

Библиографические ссылки

1. Си Цзиньпин. *О государственном управлении*. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках; 2014. 630 с.
2. Kortunov A. Should Russia be worried by the new AUKUS alliance? *Carnegie Moscow Center* [Internet]. 2021 [cited 2021 October 19]. Available from: https://carnegiemoscow.org/commentary/85451?utm_source=rssemail&utm_medium=email&mkt_tok=MDk1LVBQVi04MTMAAAGAHariuU-5xhozSbnFFXuPZe6JCMHZMR2pMG6rJYtIySAPgFCPROeL91sAmIeF8OOTG1V917qP6Mci4QWL589ZYWNzbay4rRbNHd7ETO-9SCs.
3. Zhao Si'an, Xing Xiaojing. «The motherland is behind you»: Chinese ambassador to Ukraine recounts moving details of evacuation mission in Russia – Ukraine conflict. *Global Times* [Internet]. 2022 [cited 2022 March 22]. Available from: <https://www.globaltimes.cn/page/202203/1255371.shtml>.
4. Габуев А. Остановить нельзя терпеть: Европа и российско-китайское сближение. *Московский центр Карнеги* [Интернет]. 2021 [процитировано 3 апреля 2022 г.]. Доступно по: <https://carnegie.ru/2021/03/19/ru-pub-84128>.
5. Габуев А, Денисов И. Выше Мао: зачем Си Цзиньпин переписывает историю Компартии Китая. *Московский центр Карнеги* [Интернет]. 2021 [процитировано 3 апреля 2022 г.]. Доступно по: https://carnegie.ru/commentary/85863?utm_source=rssemail&utm_medium=email&mkt_tok=MDk1LVBQVi04MTMAAAGBAE_aMz3lt_zDAA8WeVPh2sQb9rxKFRJIgb3DuJ3uYivBzz21HSayKJUIRVkAkAtJ_1j7thWxu-NVvXxohYgzsK5r4WX6hbWh3cWS5PsZZcGA.

References

1. Xi Jinping. *O gosudarstvennom upravlenii* [About public administration]. Beijing: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh; 2014. 630 p. Russian.
2. Kortunov A. Should Russia be worried by the new AUKUS Alliance? *Carnegie Moscow Center* [Internet]. 2021 [cited 2021 October 19]. Available from: https://carnegiemoscow.org/commentary/85451?utm_source=rssemail&utm_medium=email&mkt_tok=MDk1LVBQVi04MTMAAAGAHariuU-5xhozSbnFFXuPZe6JCMHZMR2pMG6rJYtIySAPgFCPROeL91sAmIeF8OOTG1V917qP6Mci4QWL589ZYWNzbay4rRbNHd7ETO-9SCs.
3. Zhao Si'an, Xing Xiaojing. «The motherland is behind you»: Chinese ambassador to Ukraine recounts moving details of evacuation mission in Russia – Ukraine conflict. *Global Times* [Internet]. 2022 [cited 2022 March 22]. Available from: <https://www.globaltimes.cn/page/202203/1255371.shtml>.
4. Gabuev A. As Russia and China draw closer, Europe watches with foreboding. *Carnegie Moscow Center* [Internet]. 2021. [cited 2022 April 3]. Available from: <https://carnegie.ru/2021/03/19/ru-pub-84128>.
5. Gabuev A, Denisov I. Above Mao: why Xi Jinping is rewriting the history of the Communist Party of China. *Carnegie Moscow Center* [Internet]. 2021 [cited 2022 April 3]. Available from: https://carnegie.ru/commentary/85863?utm_source=rssemail&utm_medium=email&mkt_tok=MDk1LVBQVi04MTMAAAGBAE_aMz3lt_zDAA8WeVPh2sQb9rxKFRJIgb3DuJ3uYivBzz21HSayKJUIRVkAkAtJ_1j7thWxu-NVvXxohYgzsK5r4WX6hbWh3cWS5PsZZcGA. Russian.

Статья поступила в редакцию 24.04.2022.
Received by editorial board 24.04.2022.

УДК 1+37.01

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В КИТАЕ: ИСТОКИ И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ

ЧЖЭН ЖЭНЬ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Определены истоки философии образования в Китае (традиционная китайская философия, западная философия образования, теория марксизма), различающиеся предметным полем, категориальным аппаратом, используемыми теоретическими подходами. Дальнейшее развитие философии образования в Китае характеризуется синтезом данных истоков или доминированием одного из них. Выделены этапы развития философии образования в Китае как академической дисциплины и как области профессиональных исследований: этап становления и развития (1920–30-е гг.), этап упадка (1937 г. – 1970-е гг.), этап возрождения (1970–90-е гг.), современный этап развития (конец XX в. – настоящее время). Охарактеризованы социально-политические контексты, представления о проблемном поле философии образования, используемые методы и применяемые подходы выявленных этапов.

Ключевые слова: философия образования; философия образования в Китае; китайская философия; образование в Китае; конфуцианство; марксизм; западная философия образования.

PHILOSOPHY OF EDUCATION IN CHINA: ORIGINS AND MAIN STAGES

ZHENG REN^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

In the article sources of the origin of the philosophy of education in China are designated (traditional Chinese philosophy, Western philosophy of education, the theory of Marxism), which differ in the subject field, categorical apparatus, used theoretical approaches. The further development of the philosophy of education in China is characterised by the dominance of one of these approaches or their synthesis. The stages of development of the philosophy of education as academic disciplines and areas of research in China are described – the stage of formation and development (1920–30s), the decline of the philosophy of education in China (1937 – 1970s), the revival of the philosophy of education (1970–90s), the stage of modern development of the philosophy of education (the end of the 20th century – the present time), which are characterised by socio-political contexts, ideas about the problematic field of philosophy of education, the methods and approaches used.

Keywords: philosophy of education; philosophy of education in China; Chinese philosophy; education in China; Confucianism; Marxism; Western philosophy of education.

Образец цитирования:

Чжэн Жэнь. Философия образования в Китае: истоки и основные этапы. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2022;2: 105–112.

For citation:

Zheng Ren. Philosophy of education in China: origins and main stages. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2022;2:105–112. Russian.

Автор:

Чжэн Жэнь – аспирант кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент В. С. Сайганова.

Author:

Zheng Ren, postgraduate student at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
zhengren11@yandex.by

Введение

В современном мире знание играет главную роль в развитии экономических и политических процессов, что определяет значимость рефлексии над его производством и трансляцией. Успехи Китая в области экономики во многом обусловлены качеством человеческого капитала, формируемого в процессе обучения и постоянного совершенствования компетенций трудовых ресурсов. Обеспечить устойчивый и долговременный экономический рост можно только с учетом создания качественной системы образования, что, в свою очередь, предполагает необходимость развития философии образования, рефлексии над основными образовательными концептами. Логика развития философского знания неизбежно вовлекает в проблемное поле вопросы образования. Китай имеет давнюю и богатую

традицию построения философско-религиозных концепций, в том числе в области образования, где рассмотрение вопросов морали и воспитания нравственного человека является важной характеристикой.

Несмотря на интерес древнекитайских философов к вопросам обучения и образования философия образования, как отдельная дисциплина, возникла в Китае лишь в начале XX в. Развитие данной области знаний было основано на древнекитайской философии, западной философии образования, теории марксизма. Оно не было качественно и количественно равномерным, что позволяет выделить истоки и отдельные этапы в становлении философии образования в Китае, которые и являются предметом данного исследования.

Истоки и предпосылки формирования философии образования в Китае

Можно выделить, по крайней мере, три первоисточника возникновения философии образования в Китае: традиционную китайскую философию, западную философию образования (главным образом идеи Дж. Дьюи) и теорию марксизма.

Традиционная китайская философия. Китайская цивилизация является одной из древнейших. Она внесла значительный вклад в развитие материальной и духовной культуры человечества. У истоков китайской цивилизации возникли многие значимые религиозные и философские концепты. Истоки китайской философии относят к началу I тысячелетия до н. э. Древнекитайская философия, как и древнегреческая, большое внимание уделяла разработке онтологических вопросов, однако со временем философы обратились к этике, социальной философии, аксиологии и другим разделам философского знания.

Наиболее известным древнекитайским мыслителем в области этики является Конфуций (551–479 гг. до н. э.). Основным источником конфуцианских идей считается текст «Лунь Юй», название которого переводят на русский язык как «Суждения и беседы». Идеи Конфуция оказали влияние на китайскую систему образования, культуру и многие аспекты жизни китайского социума, а также продолжают воздействовать на современное общество за пределами Китая. Во многих странах открылись институты Конфуция. Так, на базе Белорусского государственного университета функционирует Республиканский институт китаеведения имени Конфуция.

Философия конфуцианства помимо концептов этики, онтологии и антропологии включает вопросы образования. Конфуций утверждал, что конечной целью образования является воспитание добродетельного человека в целом, а само образование играет фундаментальную роль в развитии гармоничного

общества. Он изложил принципы преподавания и обучения, особо подчеркнув важность инициативы учеников. Конфуций настаивал на необходимости взаимной любви и уважения между учителями и учениками и описал в своем учении не только «благородного мужа», но и «идеального учителя» [1; 2].

Идеи Конфуция послужили объектом рефлексии и критики для представителей таких философских школ, как моизм, даосизм, легизм [3, с. 14].

Мо Цзы не согласился с некоторыми конфуцианскими идеями и основал собственную школу, главной идеей которой являлась необходимость обучения людей «всеобщей любви». В процессе образования, по мнению Мо Цзы, люди должны приобретать умения и навыки, чего не присутствовало в учении Конфуция, однако приоритет морали сохранялся, она рассматривалась как фундамент образованной личности.

Лао Цзы, развивая философию даосизма, утверждал, что содержание образования должно основываться на законе природы, где главным принципом является «непреднамеренная активность», т. е. фактически бездействие, а не изучение учебников. Это, в свою очередь, противоречило идее Конфуция о необходимости активности самих учеников. Чрезмерная образованность в учении даосизма – это не то, к чему следует активно стремиться. Предполагалось, что сам человек должен вернуться к состоянию «необработанного дерева», или к состоянию младенца, согласно концепции образования, основанной на философии даосизма.

Цзы Ся, пройдя обучение у Конфуция, стал руководителем так называемой школы легизма. В данном учении целью образования должно было являться обучение людей практическим вещам – праву, навыкам ведения сельского хозяйства, войны и т. д.

Необходимость формирования моральной личности подвергалась критике, а, по мнению адепта легизма Хань Фэя, конфуцианство провозглашалось как «глупое учение, которое может принести стране только бедность, военную слабость и гибель»¹ [3, р. 15].

Далее на протяжении нескольких тысячелетий, вплоть до 1920-х гг., система образования в Китае строилась в основном на идеях традиционной китайской философии, а также на синтезе конфуцианства и обновляемых методик усвоения знаний, которые совершенствовались исходя из потребностей быстроразвивающегося китайского общества.

Идеи западной философии. Философия прагматизма Дж. Дьюи. Становление философии образования в Китае как области философского знания и учебной дисциплины относится к 1920-м гг. и связано с влиянием в первую очередь прагматизма Дж. Дьюи. Американский философ пробыл в Китае целый год, а его китайские ученики, такие как Ху Ши и Тао Синчжи, адаптировали и внедряли его идеи в систему высшего и среднего образования в своей стране.

Одной из ключевых тем философии образования Дж. Дьюи является связь образования и общества, где подчеркивается социальная значимость образования. Школа представляет собой общественный институт, специально сконструированную социальную среду, цель которой заключается в приобщении молодого поколения к накопленному общественному опыту. Ху Ши (один из китайских учеников Дж. Дьюи) утверждал, что демократическое образование, отстаиваемое Дж. Дьюи, требует двух элементов: возвращения интеллектуальной индивидуальности и возвращения понятия и обычая сотрудничества [4]. Под интеллектуальной индивидуальностью понимается способность независимо и критически мыслить. Сотрудничество, в свою очередь, означает интерес к общественной жизни и межличностные отношения.

Восприятие идей Дж. Дьюи китайскими интеллектуалами и государственными деятелями способствовало развитию общего образования в Китае. Дж. Дьюи выступал сторонником образования для всех слоев общества, поскольку что оно призвано готовить граждан республики, и для этого виделось необходимым внести в учебные планы, программы, школьные активности идеи, развиваемые на тот момент демократическими странами. В духе прагматизма образование признавалось не репетицией жизни, а выразителем самой жизни, акцентировались социальная функция образования, рост, реорганизация и трансформация социального опыта [5].

Идеи Дж. Дьюи были использованы китайскими интеллектуалами для критики традиционной системы образования. Так, например, Ху Ши выступал за практическую ориентированность образования, отмечая в 1917 г., что состояние образования в Китае является неудовлетворительным и ориентировано скорее на подготовку «святых» [6]. Философия Дж. Дьюи существенно повлияла на становление либерально-скептических и реалистических идей в философском сообществе, адептов и сторонников становления философии образования как отдельной дисциплины.

Так, первые представители философии образования в Китае – Ху Ши и Тао Синчжи – в своих публичных выступлениях и работах активно отстаивали идею практико-ориентированного образования на всех этапах. Экспериментальный метод Дж. Дьюи, выраженный Ху Ши словами «смело выдвигать гипотезы и осторожно искать доказательства»², широко использовался в области образования. Тао Синчжи основал несколько учреждений образования, где активно внедрял обучающие эксперименты (нормальная школа Сяо Чжуан, юцайская школа, социальный университет и др.). Образовательный (или обучающий) эксперимент рассматривался как эффективный способ изменения системы образования. В 1920–30-х гг. большинство китайских работников системы образования использовали эксперименты для внедрения зарубежного опыта, который многими экспертами образования в Китае был признан передовым и получил на тот момент широкую известность [7].

Философия марксизма. Распространение идей марксизма в Китае и их использование для объяснения процессов, происходящих во всех сферах жизни общества, оказали существенное влияние на реформирование китайской системы образования, которая рассматривалась как часть надстройки над способом производства и действовала в интересах правящего класса, в то же время осознавалась адептами марксистской философии как универсальный путь, ведущий к социальной революции. В этой связи ключевой задачей реформирования китайской системы образования считалось обеспечение всеобщности.

Наиболее известным представителем теории образования в марксизме в начальный период ее развития в Китае являлся Ян Сяньцзян. В своей книге «Азбука истории образования» (1929) он впервые использовал исторический материализм для анализа системы образования Китая. Считая образование частью надстройки, зависимой от базиса, Ян Сяньцзян обосновал амбивалентный статус образования. По его мнению, содержание образования, с одной стороны, определяется экономической и полити-

¹Здесь и далее перевод наш. – Ч. Ж.

²Ху Ши // Новая филос. энцикл. [Электронный ресурс]. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH834faedf7d32fbc7402683> (дата обращения: 01.02.2022).

ческой системами общества, а с другой стороны, само задает векторы развития экономики и политики. Ян Сяньцзын утверждал, что с точки зрения исторического материализма образование возникает как следствие потребности в обеспечении процессов жизнедеятельности общества и производства его благ, подтверждая данный тезис исследованием процессов образования в различных общественно-экономических формациях, что и легло в основу его книги об истории образования.

Этапы развития философии образования в Китае

Развитие философии образования как академической дисциплины было связано с социально-политическими трансформациями китайского общества. Можно выделить следующие этапы ее развития в Китае:

- этап становления и развития (1920–30-е гг.);
- этап упадка (1937 г. – 1970-е гг.);
- этап возрождения (1970–90-е гг.);
- современный этап развития (конец XX в. – настоящее время).

Становление и развитие философии образования в Китае (1920–30-е гг.). Развита философская традиция Китая, основанная преимущественно на этике и антропологии, дополненная философией марксизма, сформировала почву для становления философии образования как отдельной области философской рефлексии. В том числе китайская философия образования, как раздел философского знания и самостоятельная академическая дисциплина, возникла в результате заимствования, адаптации и развития идей западной философии образования в 1920-х гг. Одним из первых ученых, который обосновал неразрывность взаимосвязи философии и образования в академической среде, стал Ван Гуан, утверждавший, что, если кто-то не понимает философии, он не может понять образование [8].

В этот период интеллектуальные элиты Китая публикуют статьи, в которых излагают сущность философии образования, переводят ключевые работы западных философов в данной области. Возникают также и оригинальные работы китайских философов (Ван Гуан, Фан Ци, Ву Чжан и др.), благодаря которым с 1930-х гг. можно говорить о формировании китайской философии образования как отдельной дисциплины в структуре философского и педагогического знания.

В данный период можно выделить как минимум четыре подхода в развитии философии образования в зависимости от метода и содержания исследований [9, р. 19–21].

1. Философия образования как область философии, в которой для изучения феномена образования применяются категории и методы философии. Примером такого подхода является монография «Философия образования» Фан Ци, который считал,

Распространение идей марксизма в системе образования Китая привело к окончательной институализации философии образования в отдельную область знания, способствовало формулированию целей и задач философии образования, придало импульс для становления и развития содержательных аспектов исследований в области философии образования. Это, в свою очередь, позволило выделить основные периоды развития философии образования в Китае.

что «философия образования заключается в применении метода философии для прояснения основ образования и установления его общих принципов» [10].

2. Философия образования как собрание релевантных для проблематики образования концепций различных философских школ. Выражением данного направления является работа Ву Чжана «Очерк философии образования». В предисловии ко 2-му изданию книги автор пояснил, что спецификой его подхода является рассмотрение фундаментальных проблем философии в аспекте образования, а также достижений философских школ Китая в области воспитания и обучения [11].

3. Ценностно-мировоззренческий подход к философии образования. Представителем данного подхода можно считать Хуан Цзяньчжуна, который перевел основные западные труды о проблеме философии образования. В рамках данного аспекта образование мыслится холистически («внимание к уму и телу») и основывается на ценностях как главных структурных компонентах мировоззрения. В данном подходе уделяется внимание не только теории в образовании, но и практикам воспитания и воспроизводства ценностей [12–14].

4. Марксистский подход в философии образования, который проявился в анализе основных школ философии Китая с точки зрения проблематики философии диалектического материализма, что обусловило появление научных публикаций по философии образования в аспекте идеологии марксизма.

С 1930-х гг. в академическом сообществе развернулись дискуссии относительно направлений развития философии образования, что привело к пересмотру ее содержания и упразднению статуса данной дисциплины в научных кругах Китая. В связи с историко-политическими событиями (вторжение Японии, Вторая мировая война) этап становления и развития философии образования в Китае завершился в 1937 г.

Упадок философии образования в Китае (1937 г. – 1970-е гг.). После установления в Китае коммунистического правительства философия образования исчезла из учебных планов университетов и на протяжении нескольких десятилетий не была

востребована научным сообществом. В 1950–60-х гг. образовательные концепции заимствовались в Советском Союзе, а традиционная китайская философия и западная философия излагались через их критику. В 1960-х гг. появились переводы и труды, представлявшие концепции западной философии образования, но их широкая публикация и обсуждения были прерваны культурной революцией, развернувшейся в Китае с 1964 г.

В данный период для концептуализации процессов в сфере образования использовалась теория марксизма, в которой образование рассматривалось сквозь призму классовой борьбы. Цели и задачи образовательной и культурной политики формулировались исходя из марксистских интерпретаций социума, экономики, политики и идеологии.

В то же время в Тайване философия образования продолжала оставаться востребованной в академической среде. Благодаря деятельности Тянь Бэйлинь и У Цзюньшэн публиковались научные труды на тему философии образования, защищались докторские диссертации в этой области. Так, например, Тянь Бэйлинь издал работу «Образование и культура», где изложил взгляды интеллектуалов в сфере философии образования и немецкую историю образования, а У Цзюньшэн выпустил книгу «Очерк философии образования» [13], которая стала одной из наиболее авторитетных работ по философии образования в Тайване. Книга многократно переиздавалась. Ее использовали университетские преподаватели в качестве учебника. Статус философии образования в материковой части Китая стал меняться лишь после трансформаций в области внутренней и внешней политики КНР (начиная с 1970-х гг.), что привело к своего рода возрождению философии образования.

Возрождение философии образования в Китае (1970–90-е гг.). После продолжительного разрыва с конфуцианской традицией и западной интеллектуальной традицией философии в университетах Китая в конце 1970-х гг. вновь стала появляться учебная дисциплина «Философия образования». Накопленные в период становления и развития философии образования в Китае знания актуализировались и использовались для чтения лекций и проведения семинарских занятий. В середине 1980-х гг. было создано Китайское общество философии образования и стали проводиться ежегодные конференции.

В это время наблюдаются расширение проблемного поля философии образования, изменения в исследовательских подходах и используемых методах. Основными источниками философии образования Китая признаются традиционная китайская философия, теория марксизма и западная философия образования.

Можно выделить три подхода к пониманию предмета философии образования в данный период.

Первый подход заключается в использовании методов философии для осмысления проблем образования. Философия образования рассматривается как основа теории образования. В своей работе «Первый проект философии образования» Хуан Цзяньчжун утверждал, что «объект исследования марксистской философии образования должен взять диалектический материализм и исторический материализм в качестве руководящей идеологии. Исследования и дискуссии относительно некоторых проблем образования, фундаментальные исследования и изыскания должны проводиться с философской глубиной, чтобы выявить общие принципы, которыми должны руководствоваться теория и практика образования» [15, с. 14–15]. В то же время он утверждал независимый и междисциплинарный характер философии образования. Монография Хуан Цзяньчжун стала первым трудом с 1949 г., посвященным философии образования в материковом Китае.

Согласно второму подходу философия образования рассматривается как самостоятельная область философского знания и представляет собой систему исследований, акцентирующих проблематику образования в аспекте различных философских дисциплин. К комплексу работ этого подхода можно отнести труды «Современная философия образования» [16] и «Философия образования для нового века – подсчет собственного производства человечества» Санг Хана [17], которые являются примерами философии образования, дедуцированной из системы философии. В данных работах обсуждаются онтология, гносеология, методология образования и теория образовательной практики.

В рамках третьего подхода философия образования акцентирует ценностные аспекты воспитания и образования. Его представителем можно считать Ван Ка, который в своей работе «Современная философия образования» проанализировал концепты «ценность» и «ценность образования», разработал ценностный подход в философии образования, провел с его помощью анализ целей и функций образования, предложил свою классификацию ценностей воспитания и образования [18].

В период возрождения философии образования в Китае произошло расширение методологии исследований в первую очередь за счет заимствования идей из западной философии (постмодернистская, феноменологическая, герменевтическая традиции и др.), которая использовалась китайскими интеллектуалами для философского осмысления проблем образования. Так, например, Цзинь Шенхун в своей работе «Понимание и образование: введение в философию образования в подходе философской герменевтики» исследовал взаимосвязь между

духовным существованием людей и образованием личности в эпоху нигилизма и увлечения технологиями с точки зрения философской герменевтики [19]. Он утверждал, что понимание, как основополагающая категория философской герменевтики, является ключевым для совершенствования личности в аспекте образования. Ши Чжуньин в своей монографии «Трансформация знаний и реформа образования» изложил современные теории познания и показал их актуальность для образования, используя философские концепции М. Фуко и Ж. Ф. Лиотара. Ши Чжуньин стремился продвигать образовательную реформу, вводя в школьную программу идеи личностного знания и знания коренных народов [20].

В рассматриваемый период также существенно расширилось проблемное поле китайской философии образования. Появились работы об истоках и истории китайской философии образования. К основным публикациям этой направленности можно отнести труды «Введение в традиционную философию образования в Китае» [21], «Китайская традиционная философия и образование» [22], «Китайская традиционная философия образования» Ю Син и Ю Джэфэн [23], «История китайской философии образования» (четыре тома) Чжан Жэньфэн [24] и «Новая интерпретация традиционной философии образования» Лю Фэнхин и Лю Ченсен [25]. Общими темами в данных публикациях выступают ценностное отношение между природой и человеком, проблема соотношения общего и личного блага, взаимосвязь между знанием и действием, идеал личности, нравственное воспитание, методы обучения и др.

Как уже отмечалось, наряду с традиционной китайской философией в содержательное ядро философии образования Китая в период ее возрождения легли идеи западной философии образования. Китайскими философами было проведено систематическое изучение современной западной философии образования, что нашло свое отражение в ряде таких научных и учебно-методических публикаций, как «Современная западная философия образования» [26], «Западная философия образова-

ния в XX веке» Цюй Хан [27], «Современная западная философия образования» Лу И [28] и др.

Современный этап развития философии образования в Китае (конец XX в. – настоящее время). Этот период характеризуется как этап саморазвития и совершенствования, который обладает рядом особенностей.

1. Углубление предметного поля философии образования и выделение специальных дисциплин (этика образования, эстетика образования, философия морального образования и др.). Предметом отдельных лонгитюдных исследований становятся философия высшего и среднего образования. Составление учебных программ и переподготовка учителей играют существенную роль в процессах трансформации системы образования Китая. Философия социального образования и философия домашнего образования приобретают особую значимость в свете развития концепции непрерывного образования.

2. Усиление междисциплинарного характера и интернационализация исследований в области философии образования. Проблемы человеческого существования, развития техники, технологий, вопросы глобализации, экономики знаний требуют в том числе использования концептуального аппарата философии образования для их изучения. В то же время китайские философы принимают участие в международных исследовательских проектах, обмениваются знаниями с ведущими мировыми образовательными центрами. Для решения многих проблем требуются скоординированные действия представителей различных стран и областей знания.

3. Возрастание роли критической функции философии в периоды проведения реформ системы образования. Происходит эксплицирование и критическое осмысление допущений и предпосылок существующих теорий и практик образования.

4. Закрепление идеологической функции философии образования. Образование рассматривается не только в процессуальном аспекте (как овладение знаниями), но и в результативном (как степень сформированности ценностей, убеждений и идеалов).

Заключение

Древнекитайская философия, западная философская традиция и теория марксизма являются сущностными истоками и предпосылками возникновения, становления и развития китайской философии образования. Она возникла в сложных социально-политических и социально-экономических условиях, которые оказали влияние на институционализацию данной учебной дисциплины в академических исследованиях и области теоретических знаний. В развитии китайской философии обра-

зования можно выделить четыре этапа: этап становления развития (1920–30-е гг.), этап упадка (1937 г. – 1970-е гг.), этап возрождения (1970–90-е гг.), современный этап развития (конец XX в. – настоящее время). Данные этапы отличаются возможностью существования философии образования в Китае как самостоятельной области знаний, характеризуются разными подходами к предмету, методам исследования философии образования, а также структурой предметного поля дисциплины.

Библиографические ссылки

1. Guo Qijia. *History of Chinese educational thought*. Beijing: Foreign Language Press; 2009. 601 p.
2. Ni Peimin. *Understanding the analects of Confucius: a new translation of lunyu with annotations*. New York: State University of New York Press; 2017. 510 p.
3. Bahtilla M, Xu Hui. The influence of Confucius's educational thoughts on China's educational system. *Open Access Library Journal*. 2021;8:1–17. DOI: 10.4236/oalib.1107370.
4. 舒新昌. 中国现代教育思想史. 上海: 中华书局; 1939. 272 页 = Шу Синьчан. *История современной китайской образовательной мысли*. Шанхай: Книжная компания Чжунхуа; 1939. 272 с.
5. Дьюи Дж. Моя педагогическая вера. *Историко-педагогический журнал*. 2014;4:54–63.
6. 陶小珍. 陶行知全集. 长沙: 湖南教育出版社; 1985. 389 页 = Тао Сяочжэнь. *Полное собрание сочинений Тао Синчжи*. Чанша: Хунаньская образовательная пресса; 1985. 389 с.
7. 曲伯康, 丁志礼. 中国《设计教学法》. 中国《道尔顿法》. 中国《卡纳特法》. 在: 曲伯康, 编辑. 教育学的选择: 教学 (I). 北京: 人民教育出版社; 1988. 页面 334–355 = Цюй Бокан, Дин Чжили. Китайская «педагогика дизайна». Китайский «метод Дальтона». Китайский «закон каната». В: Цюй Бокан, редактор. *Выбор педагогики: преподавание (I)*. Пекин: Народное издательство образования; 1988. с. 334–355.
8. 王桂华, 主编. 教育情缘: 中国近代教育史资料汇编. 教育思想. 上海: 上海教育出版社; 1937. 183 页 = Ван Гуан, редактор. *Воспитательная любовь: сборник материалов по истории современного китайского образования. Просветительская мысль*. Шанхай: Шанхайская образовательная пресса; 1937. 183 с.
9. Lu Youquan, Chi Yanjie. Educational philosophy in China: a centennial retrospect and prospect. *Frontiers of Education in China*. 2007;2:13–29. DOI: 10.1007/s11516-007-0002-2.
10. 范晴. 教育哲学. 上海: 世界出版; 1933. 201 页 = Фан Ци. *Философия образования*. Шанхай: Всемирное издательство; 1933. 201 с.
11. 吴济. 教育哲学纲要. 上海: 商务印刷馆; 1935. 201 页 = Ву Чжан. *Очерк философии образования*. Шанхай: Коммерческая пресса; 1935. 201 с.
12. 张红. 教育哲学. 上海: 传信出版社; 1934. 179 页 = Чжан Хун. *Философия образования*. Шанхай: Издательство «Чжунаньсинь»; 1934. 179 с.
13. Wu Junsheng. *The outline of philosophy of education*. Taipei: Commercial Press; 1973. 441 p.
14. Huang Chienchung. *Philosophy of education*. Taipei: Correspondence School of Chinese Self-Government; 1954. 269 p.
15. 黄杰. 教育理念初稿. 北京: 师范大学出版社; 1982. 162 页 = Хуан Цзяньчжун. *Первый проект философии образования*. Пекин: Издательство Пекинского педагогического университета; 1982. 162 с.
16. 田永明, 编. 当代教育哲学. 天津: 天津社会科学院出版社; 1991. 355 页 = Тянь Ю, редактор. *Современная философия образования*. Тяньцзинь: Издательство Тяньцзиньской академии общественных наук; 1991. 355 с.
17. 桑晓明. 新世纪的教育理念 – 人类自身的生产计数. 北京: 教育科学出版社; 1993. 387 页 = Санг Хан. *Философия образования для нового века – подсчет собственного производства человечества*. Пекин: Образование и наука; 1993. 387 с.
18. 王克勤. 现代教育哲学. 武汉: 华中师范大学出版社; 1996. 171 页 = Ван Ка. *Современная философия образования*. Ухань: Издательство Центрально-китайского педагогического университета; 1996. 171 с.
19. Shenghong Jian. *Understanding and education: an introduction to the philosophy of education in the approach of philosophical hermeneutics*. Beijing: Education Science Publishing House; 1997. 407 p.
20. Zhongying Shi. *Transformation of knowledge and education reform*. Beijing: Education Science Publishing House; 2001. 282 p.
21. 黄杰, 编. 中国传统哲学和教育哲学的介绍. 郑州: 河南教育出版社; 1994. 448 页 = Хуан Цзе, редактор. *Введение в традиционную китайскую философию и философию образования*. Чжэнчжоу: Хэнаньское образовательное издательство; 1994. 448 с.
22. 崔晓丽. 20世纪西方教育哲学. 哈尔滨: 黑龙江教育出版社; 1995. 171 页 = Цуй Ю. *Западная философия образования в 20 веке*. Харбин: Издательство образования Хэйлунцзяна; 1995. 171 с.
23. 于诗诗, 于杰峰. 中国传统教育哲学. 南京: 江苏教育出版社; 1996. 285 页 = Ю Син, Ю Джэфэн. *Традиционная китайская философия образования*. Нанкин: Издательство образования Цзянсу; 1996. 285 с.
24. 张任峰, 编. 中国教育哲学史. 济南: 山东教育出版社; 2000. 365 页 = Чжан Жэньфэн, редактор. *История китайской философии образования*. Цзинань: Шаньдунское издательство образования; 2000. 365 с.
25. 刘峰星, 刘岑岑. 传统教育哲学的新诠释. 武汉: 湖北教育出版社; 2000. 332 页 = Лю Фэнхин, Лю Ченсен. *Новая интерпретация традиционной философии образования*. Ухань: Издательство образования Хубэй; 2000. 332 с.
26. 陈宜生, 编. 当代西方教育哲学. 北京: 教育科学出版社; 1982. 316 页 = Чен Ю, редактор. *Современная западная философия образования*. Пекин: Образование и наука; 1982. 316 с.
27. 崔晓丽. 20世纪西方教育哲学. 哈尔滨: 黑龙江教育出版社; 1990. 251 页 = Цуй Хан. *Западная философия образования в 20 веке*. Харбин: Издательство образования Хэйлунцзяна; 1990. 251 с.
28. 陆玉清. 当代西方教育哲学. 郑州: 河南教育出版社; 1993. 217 页 = Лу И. *Современная западная философия образования*. Чжэнчжоу: Хэнаньское образовательное издательство; 1993. 217 с.

References

1. Guo Qijia. *History of Chinese educational thought*. Beijing: Foreign Language Press; 2009. 601 p.
2. Ni Peimin. *Understanding the analects of Confucius: a new translation of lunyu with annotations*. New York: State University of New York Press; 2017. 510 p.
3. Bahtilla M, Xu Hui. The influence of Confucius's educational thoughts on China's educational system. *Open Access Library Journal*. 2021;8:1–17. DOI: 10.4236/oalib.1107370.
4. Shu Xinchang. [The history of modern Chinese educational thought]. Shanghai: Zhonghua Book Company; 1939. 272 p. Chinese.

5. Dewey J. My pedagogical creed. *Historical and Pedagogical Journal*. 2014;4:54–63. Russian.
6. Tao Xiaozhen. [The complete works of Tao Xingzhi]. Changsha: Hunan Education Press; 1985. 389 p. Chinese.
7. Qu Bokang, Ding Zhili. [Chinese «design pedagogy». China's «Dalton method». Chinese «kanat law»]. In: Qu Bokang, editor. [Choice of pedagogy: teaching (I)]. Beijing: People's Education Press; 1988. p. 334–355. Chinese.
8. Wang Guang, editor. [Educational affection: compilation of materials on the history of modern Chinese education. Educational thought]. Shanghai: Shanghai Education Press; 1937. 183 p. Chinese.
9. Lu Youquan, Chi Yanjie. Educational philosophy in China: a centennial retrospect and prospect. *Frontiers of Education in China*. 2007;2:13–29. DOI: 10.1007/s11516-007-0002-2.
10. Fan Qing. [Philosophy of education]. Shanghai: World Publishing; 1933. 201 p. Chinese.
11. Wu Ji. [Outline of educational philosophy]. Shanghai: Business Printing House; 1935. 201 p. Chinese.
12. Zhang Hong. [Philosophy of education]. Shanghai: Chuanxin Publishing House; 1934. 179 p. Chinese.
13. Wu Junsheng. *The outline of philosophy of education*. Taipei: Commercial Press; 1973. 441 p.
14. Huang Chienchung. *Philosophy of education*. Taipei: Correspondence School of Chinese Self-Government; 1954. 269 p.
15. Huang Chienchung. [The first draft of the educational philosophy]. Beijing: Beijing Pedagogical University Press; 1982. 162 p. Chinese.
16. Tian Yu, editor. [Contemporary educational philosophy]. Tianjin: Tianjin Academy of Social Sciences Press; 1991. 355 p. Chinese.
17. Sang Han. [The educational concept of the new century – the production of human beings themselves]. Beijing: Education Science Press; 1993. 387 p. Chinese.
18. Wang K. [Modern educational philosophy]. Wuhan: Central China Normal University Press; 1996. 171 p. Chinese.
19. Shenghong Jian. *Understanding and education: an introduction to the philosophy of education in the approach of philosophical hermeneutics*. Beijing: Education Science Publishing House; 1997. 407 p.
20. Zhongying Shi. *Transformation of knowledge and education reform*. Beijing: Education Science Publishing House; 2001. 282 p.
21. Huang Chienchung, editor. [Introduction to traditional Chinese philosophy and educational philosophy]. Zhengzhou: Henan Education Press; 1994. 448 p. Chinese.
22. Cui Yu. [Western educational philosophy in the 20th century]. Harbin: Heilongjiang Education Press; 1995. 171 p. Chinese.
23. Yu Sin, Yu Jiefeng. [Traditional Chinese philosophy of education]. Nanjing: Jiangsu Education Press; 1996. 285 p. Chinese.
24. Zhang Zhenfeng, editor. [History of Chinese educational philosophy]. Jinan: Shandong Education Press; 2000. 365 p. Chinese.
25. Liu Fengxing, Liu Cencen. [A new interpretation of traditional educational philosophy]. Wuhan: Hubei Education Press; 2000. 332 p. Chinese.
26. Chen Yu, editor. [Contemporary Western educational philosophy]. Beijing: Education Science Press; 1982. 316 p. Chinese.
27. Cui Chang. [Western educational philosophy in the 20th century]. Harbin: Heilongjiang Education Press; 1990. 251 p. Chinese.
28. Lu I. [Contemporary Western educational philosophy]. Zhengzhou: Henan Education Press; 1993. 217 p. Chinese.

Статья поступила в редколлегию 27.03.2022.
Received by editorial board 27.03.2022.

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 1(072)(075.8)

Сайганова В. С. **Методика преподавания философских дисциплин** [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 02 01 «Философия» / В. С. Сайганова, И. И. Лещинская ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2021. 122 с. Библиогр.: с. 115–121, библиогр. в тексте. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/276097>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 22.02.2022, № 001622022022.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Методика преподавания философских дисциплин» предназначен для студентов специальности 1-21 02 01 «Философия». В ЭУМК содержатся базовые учебные материалы: тексты лекций, задания для семинарских занятий, тематика рефератов и творческих заданий, учебная программа и список рекомендуемой литературы.

Адресуется студентам философского отделения факультета философии и социальных наук, а также всем интересующимся вопросами методики преподавания.

УДК 1(44)(091)+141.45

Смирнов Н. А. **Философско-атеистические взгляды Д. Дидро** [Электронный ресурс] / Н. А. Смирнов ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2022. 106 с. Библиогр.: с. 104–106, библиогр. в подстр. примеч. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/276994>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 24.03.2022, № 002824032022.

Монография «Философско-атеистические взгляды Д. Дидро» подготовлена в связи с возрастающим интересом к классической парадигме философствования, ее мировоззренческим и методологическим установкам. В работе рассматриваются материалистическое философское мировоззрение Д. Дидро, сущность и происхождение религии, социальная и идеологическая роль религии и церкви.

Монография состоит из трех глав, заключения и списка литературы. В главах рассматриваются следующие вопросы: гл. 1 – Философский материализм как основа атеизма Дидро; гл. 2 – Дидро о сущности и происхождении религии; гл. 3 – Дидро о социальной и идеологической роли религии и церкви.

Практическая значимость данной монографии состоит в возможности использования ее результатов в образовательном процессе при изложении историко-философской, социально-философской проблематики гуманитарных дисциплин.

УДК 1/3:378.016(06)

Новые тренды в подготовке специалистов социально-гуманитарного профиля [Электронный ресурс] : сб. материалов XIX науч.-метод. конф. фак. философии и соц. наук Белорус. гос. ун-та, посвящ. памяти проф. И. Л. Зеленковой (Минск, 31 марта 2022 г.) / БГУ ; [редкол.: Н. В. Курилович (отв. ред.), О. Г. Шаврова, Д. В. Воронович]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2022. 188 с. Библиогр. в тексте. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/279005>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 10.05.2022, № 004910052022.

Сборник содержит материалы участников XIX научно-методической конференции факультета философии и социальных наук БГУ и представляет собой результат коллективной работы ведущих специалистов, аспирантов, магистрантов и студентов факультета философии и социальных наук БГУ, а также преподавателей других учреждений высшего образования. Сборник адресуется научным и педагогическим работникам, аспирантам и магистрантам, студентам и всем, кто интересуется новыми трендами в подготовке специалистов социально-гуманитарного профиля.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

<i>Дудчик А. Ю., Легчилин А. А., Сайганова В. С.</i> Философы БГУ и философы России: грани сотрудничества (к 100-летию БГУ)	4
<i>Румянцева Т. Г.</i> Обоснование свободы самосознания в работе «Феноменология духа» Г. В. Ф. Гегеля	13
<i>Рубанов А. В.</i> Социальная жизнь: опыт объяснений	19

СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Титаренко Л. Г.</i> Цифровая трансформация, цифровые разрывы и модернизация высшего образования	26
<i>Бурак Т. В.</i> Основные тенденции развития туризма в XXI в.: изменяющиеся институциональные отношения и практики путешествия	33
<i>Семак В. И.</i> Социализация современной молодежи в контексте использования онлайн-ресурсов	41

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Фурманов И. А., Синьчунь Не.</i> Внутренняя согласованность шкал китайского варианта опросника «Аффективные мотивационные ориентации в сексуальной жизни»	49
<i>Трухан Е. А., Шаранда М. А.</i> Суицидальный риск и локус контроля у мужчин на этапе ранней зрелости	59
<i>Чжао Сылу, Фурманов И. А.</i> Тенденции в возрастной динамике применения тактик разрешения родительско-детского конфликта в китайских семьях	66
<i>Круглова Н. В.</i> Характеристики конструктивного взаимодействия младших школьников со сверстниками	76
<i>Ткачѳв И. В.</i> Компонентный состав коммуникативной компетентности и ее измерение	85

ТЕМАТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

XV Международный междисциплинарный научно-теоретический семинар «Инновационные стратегии в современной социальной философии»

<i>Зеленков А. И.</i> Перспективы белорусско-китайского диалога в ракурсе междисциплинарного обсуждения	93
<i>Ян Лян.</i> Новые возможности для развития международного преподавания китайского языка в Беларуси в постпандемическую эпоху	96
<i>Байчоров А. М.</i> Внешнеполитический курс Китая в условиях международной турбулентности ...	99
<i>Чжэн Жэнь.</i> Философия образования в Китае: истоки и основные этапы	105
Аннотации депонированных в БГУ работ	113

CONTENTS

HISTORY OF PHILOSOPHY

<i>Dudchik A. Yu., Liahchylin A. A., Saiganova V. S.</i> Philosophers of Belarusian State University and philosophers of Russia: forms of cooperation (to the 100 th anniversary of the Belarusian State University) ...	4
<i>Rumyantseva T. G.</i> Justification for the freedom of self-consciousness in the work «Phenomenology of spirit» by G. W. F. Hegel	13
<i>Rubanau A. V.</i> Social life: explanation experience	19

SOCIAL RESEARCHES

<i>Titarenko L. G.</i> Digital transformation, digital gap and modernisation of higher education	26
<i>Burak T. V.</i> The main trends in the development of tourism in the 21 st century: changing institutional relationships and travel practices	33
<i>Semak V. I.</i> Socialisation of the modern youth in the context of the online resources use	41

PSYCHOLOGICAL RESEARCHES

<i>Fourmanov I. A., Xinchun Nie.</i> Internal consistency of the scales of the Chinese version of the questionnaire «Affective and motivational orientation related to erotic arousal»	49
<i>Truhan E. A., Sharanda M. A.</i> Suicidal risk and locus of control in men in early maturity	59
<i>Zhao Silu, Fourmanov I. A.</i> Trends in age dynamics of the use parent-child conflict resolution tactics in Chinese families	66
<i>Kruglova N. V.</i> Characteristics of constructive interaction of younger pupils with the peers	76
<i>Tkachov I. V.</i> Component composition of communication competency and its measurement	85

SPECIAL TOPIC SECTION

15th International interdisciplinary scientific and theoretical seminar «Innovative strategies in modern social philosophy»

<i>Zelenkov A. I.</i> Prospects for the Belarusian-Chinese dialogue in the perspective of interdisciplinary discussion	93
<i>Yang Liang.</i> New opportunities for the development of international Chinese language teaching in Belarus in the post-pandemic era	96
<i>Baichorov A. M.</i> China's foreign policy at times of international turbulence	99
<i>Zheng Ren.</i> Philosophy of education in China: origins and main stages	105
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU	113

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по философским, психологическим и социологическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета.
Философия. Психология.
№ 2. 2022**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jpsychol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philosophy>

«Журнал Белорусского государственного
университета. Философия. Психология»
издается с 2007 г.

До 2017 г. выходил под названием
«Философия и социальные науки»
(ISSN 2218-1385).

Редактор М. А. Журо
Технический редактор А. Ю. Лещинская
Корректор А. С. Горгун

Подписано в печать 31.05.2022.
Тираж 105 экз. Заказ 4470.

Издательско-полиграфическое частное
унитарное предприятие «Донарит».
Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/289 от 17.04.2014.
Ул. Октябрьская, 25, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь.

© БГУ, 2022

**Journal
of the Belarusian State University.
Philosophy and Psychology.
No. 2. 2022**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jpsychol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philosophy>

«Journal of the Belarusian State University.
Philosophy and Psychology»
published since 2007.

Until 2017 named
«Filosofiya i sotsial'nye nauki»
(ISSN 2218-1385).

Editor M. A. Zhuro
Technical editor A. Y. Leshchinskaya
Proofreader A. S. Gorgun

Signed print 31.05.2022.
Edition 105 copies. Order number 4470.

Publishing and printing private
unitary enterprise «Donarit».
Certificate of state registration of the publisher,
manufacturer, distributor of printed publications
No. 1/289 dated 17.04.2014.
25 Kastychnickaja Str.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.

© BSU, 2022